

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КАЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ

ИЗДАНИЕ СОЮЗНОЙ АКАДЕМИИ НАУК СССР

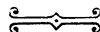
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

КАЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И ПРИМЕЧАНИЯ
Г. Н. МОИСЕЕВОЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
В. П. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

1 9 5 4

КАЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ

Среди литературных памятников эпохи Ивана Грозного „Казанская история“ занимает особое место. Являясь по теме исторической повестью, знакомящей читателя с событиями, связанными с возникновением Казанского ханства и падением его под ударами русских войск, „Казанская история“ в то же время отражает общественно-политические отношения и классовую борьбу середины 60-х годов XVI века.

„Казанская история“ — художественный рассказ о величайшем событии русской и мировой истории XVI века, разгроме Казанского ханства русскими войсками в 1552 году под руководством и при непосредственном участии Ивана Грозного.

Памятник создан в 1564—1565 годах, в период напряженной борьбы правительства Ивана IV с боярством, преследовавшим цель усилить свою власть и ослабить действия самодержавного царя.

Как известно, 50-е и 60-е годы XVI века — время широких реформ, направленных на укрепление централизованного Русского государства. Реорганизация войска, земельные, податные и административные реформы внесли серьезные изменения в государственное устройство России. На политическую арену выдвинулся новый общественный слой феодального класса — дворянство, сыгравшее значительную роль в борьбе с феодальной раздробленностью. Укрепление военной мощи России поставило неотложную задачу — дать государству выход к Балтийскому морю и этим открыть пути сообщения с европейскими странами. В 1558 году Иван Грозный начал Ливонскую войну при явном противодействии своих ближайших советников из „избранной рады“. Ливонская война еще более обострила отношения Грозного с феодальной знатью, начались репрессии, готовились решительные меры против княжеско-боярской оппозиции. Опричнина, введенная Грозным в январе 1564 года, была той новой формой политической

борьбы с княжеско-боярской оппозицией, которая окончательно сломила и уничтожила последние остатки феодальной раздробленности.

Естественно, что такое важнейшее событие в жизни государства, как взятие Казани в 1552 году, вызвало в 60-е годы XVI века ожесточенные споры. Каждая из борющихся сторон стремилась приписать себе блестяще проведенный поход против Казанского ханства, в действительности явившийся закономерным результатом исторического развития как России, так и самого Казанского ханства и осуществленный героическими усилиями русских людей, боровшихся с поработителями. Изменник родине А. Курбский, перебежавший в лагерь врагов Русского государства, и его единомышленники из среды княжеско-боярской верхушки военного руководства приписывали завоевание Казани себе; Грозный в открытом послании Курбскому — „Царевом государевом послании во все его российское царство на клятвопреступников его, на Андрея Курбского с товарищи об их измене“ — напоминал о том, как по принуждению князя и бояре-воеводы отправлялись в походы под Казань, как и в последнем походе они настойчиво советовали ему уйти и снять осаду города из-за недостатка продовольствия. Историческая правда была на стороне Ивана Грозного. Своими решительными действиями против феодальной раздробленности он бесспорно много способствовал исторически подготовленному объединению Казанского ханства в составе централизованного Русского государства.

Автор „Казанской истории“ ставит своей задачей ответить на вопрос: какой из борющихся сторон обязано Русское государство своими успехами во внешней и внутренней политике, чьей заслугой является взятие Казани. Это знаменательное событие показано им в повести на фоне всей истории русско-казанских отношений, начиная с момента основания Золотой Орды и до падения Казани под ударами Москвы.

Возникновение Казанского ханства тесно связано с историей Булгарского государства, объединившего многие племена Среднего Поволжья. Период X—XII веков характеризуется тесными экономическими и культурными взаимоотношениями булгар с Русью. В силу своего географического положения на великом волжском пути Булгария была центром международной торговли стран Запада и Востока. Тесные торговые связи не мешали, однако, ожесточенной борьбе булгарских князей с русскими князьями, стремившимися включить племена Поволжья в свою феодальную систему.

В начале XIII века Булгария подверглась татаро-монгольскому завоеванию. Несмотря на отчаянное сопротивление булгар, их войско оказалось бессильным перед армией Батыя. Феодалы верхи булгарского общества вошли в тесный контакт с завоевателями и ассимилировались с ними. Народные массы испытывали наряду с социальным гнетом и гнет национальный со стороны татарских феодалов. Ряд военных походов русских князей способствовал ослаблению Булгарского царства. В XIV веке начался распад Булгарского царства, ускоренный ожесточенной внутренней борьбой между золотоордынскими ханами.

В середине XV века в степях Поволжья появился изгнанный из Золотой Орды хан Улуг-Мухаммед. Он объединил вокруг себя отдельных булгарских князей и занял булгарские владения на реке Казанке и город Казань, подвергшиеся во время нашествия монголов не столь интенсивному разгрому, как южная часть Булгарии. Было создано крупное феодальное государственное объединение — Казанское ханство.

Внешняя политика Казанского ханства явилась продолжением традиционной политики Золотой Орды: велись беспрестанные грабительские войны соседями, с побежденных взимались принудительные платежи, вводилось в плен население для продажи на восточных рынках в качестве рабов. Непосредственным следствием такой политики Казанского ханства явилась постоянная угроза нападения на окраинные области Руси. Борьба с Казанским ханством стала исторической задачей Русского государства.

В начале XVI века военная активность Казанского ханства возросла в связи с усилением влияния на его внешнюю политику султанской Турции, с которой Казань через посредство Крымского ханства входила в соглашение для борьбы с Россией. Турция пыталась подчинить Казань своему политическому влиянию и прямо поощряла нападения казанцев на Русь. В правящей верхушке Казанского царства образовались две группировки: крымская, поддерживавшаяся Крымом и, за его спиной, Турцией, и московская, ориентированная на союз Казанского ханства с Русским государством. История Казани первой половины XVI века заполнена борьбой этих группировок, результатом которой была поочередная смена казанских ханов — ставленников Москвы или Крыма. Сторонники московской ориентации находили поддержку в широких слоях народа, стремившихся к союзу с Россией; крымская группировка опиралась на военную диктатуру крымских ханов и их отрядов. В оппозиции к крымской группи-

ровке в Казани стояли купеческие круги, заинтересованные в интенсивной торговле с Русью, терпевшие большие экономические затруднения из-за прекращения мирных отношений с Москвой.

Присоединение Казанского ханства отвечало политическим целям Русского государства, вынужденного держать постоянную армию на своих восточных границах, чтобы защитить от татарских набегов население пограничных земель. Падение Казани в 1552 году и Астрахани в 1556 году способствовало экономическому расцвету Русского государства; объединение всего волжского пути в руках России усилило непосредственные торговые связи с Средней Азией, Ираном, Индией и Китаем.

Взятие Казани было крупнейшим успехом внешней политики правительства Ивана Грозного. Оно обеспечило присоединение к России Приволжья и Приуралья, отвечавшее интересам народных масс как России, так и Казанского ханства.

Присоединение Казани к России, включение в устойчивую систему централизованного государства, вывело Казанское ханство из состояния экономической и политической раздробленности, порождавшей непрерывные феодальные междоусобицы, спасло население Среднего Поволжья от порабощения Османской Турцией, приобщило его к высокой культуре русского народа. „Россия, — писал Энгельс, — действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и центральной Азии, для башкир и татар“.¹

„Казанская история“ представляет собой новый в древнерусской литературе тип связанного исторического повествования, объединяющего большое количество отдельных, законченных глав, пронизанных единой и цельной историко-публицистической концепцией.

Русско-татарские отношения, начиная от нашествия Батыя и кончая завоеванием Казани, — центральная тема „Казанской истории“, развертывая которую автор стремится дать представление о всех этапах, характеризующих рост могущества Русского государства и, соответственно, переход от борьбы за освобождение от Золотой Орды к покорению ее наследника — Казанского царства. Внутри этой большой темы, естественно, выделяются отдельные сюжеты, с особым вниманием

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, М.—Л., 1929, стр. 211.

разработанные автором: история основания Казани, походы русских на Казань, внутренняя борьба в Казанском царстве между ставленниками Москвы и сторонниками крымского хана, политика Грозного в отношении Казани и окончательное ее „взятие“. Введением к этой собственно казанской теме является краткое изложение основных моментов борьбы Русской земли с Золотой Ордой. По мере приближения к событиям XVI века рассказ становится всё более обстоятельным, богатым фактическими подробностями и, вместе с тем, эмоциональность его нарастает, дойдя, наконец, до высокого драматизма в показе бедствий русского населения на окраинах Казанского царства, в описании последних дней жизни независимой Казани.

На протяжении всего повествования автор „Казанской истории“ проводит мысль о том, что причиной военных неудач под Казанью во время походов отца, деда и прадеда Ивана IV были либо прямые измены, либо нерадивость князей-воевод. Так автор объясняет неудачу походов под Казань 1505, 1513, 1524, 1530 годов. Он прямо указывает имена воевод, по вине которых русские войска либо терпели военные поражения, либо оставляли город, даже завоевав его. Например, в 1530 году взятая штурмом Казань была покинута из-за того, что главный московский воевода князь Иван Бельский „прелестися, много взяша у казанцев“.

Главным героем „Казанской истории“ является Иван Васильевич Грозный. В центре повествования — описание его военных и политических мероприятий. В характеристике Грозного, представляющей рассказ о событиях его царствования, автор „Казанской истории“ выделяет сразу две основные линии в поведении царя: он сурово расправляется с „мятежниками“, „изменниками“, „неправедными судьями“, но „милостив“ к народу, к „воинственным людям“. „Ратных людей“, „служимых ему“, Грозный „смети во всей области своей, и любляше их и брежаше“.

В произведении показано „горнило“, в котором выковался характер Грозного. Автор описал безрадостное детство царя, когда после смерти Василия III, отца Грозного, князя и бояре захватывали попеременно власть в свои руки. Пренебрегая государственными интересами, они обогащались за счет казны, брали взятки и посулы, усилили эксплуатацию крестьян, не оберегали границ Русского государства. Поэтому свою деятельность Грозный начал с крупных реформ: он „вся мятежники старья избив, владевши царьством не по правде до совершенного возраста своего, и многих велмож устраши,

от лихоимания и неправды обрати, и праведен суд судити научи". С первых же дней своего самостоятельного правления Иван Грозный начинает вести подготовку „взятия“ Казани. Зная, что „велика скорбь и беда пределам руским“ от „царства срацынского Казани“ и как долго и тщетно предки его пытались „взгнати из отечества своего, Руския державы“, татарских захватчиков, Грозный начал проводить военные преобразования. Он создал регулярное войско („смети во всей области своей ратных людей, служимых ему“), затем образовал корпус молодых воинов, вооруженных огнестрельным оружием („ново прибави к ним огненных стрелцов много“), усилил „наряд“ — артиллерию. Перестройка военной системы Русского государства позволила перейти к активному наступлению на Казанское царство.

Автор „Казанской истории“ показывает, что походы Грозного на Казань были вызваны не стремлением к завоеванию чужих земель, а настоятельной необходимостью защитить русское население соседних с Казанским царством земель. „По всяк час слыша овца своя люди руския от волк казанцев разгоняемы и похищаемы и снедаемы“, — говорит Грозный, обращаясь к собравшимся у него на совете воеводам. Именно поэтому весь русский народ нес долго тяжелое бремя борьбы с Казанью. „Земские люди и простые“ „изнемогаху с частных податей и великих, и не успеваху дающи царския оброки“ на военные нужды; „воеводы же и воины не опочивающи во бранех тружахуса“, не снимая оружия, не сходя с коней, редко бывая в семье.

Автор „Казанской истории“ вспоминает, что Грозному приходилось преодолевать сопротивление „худбумных“ или „прямо рещи безумных и тщедушных“ людей, которые „негодоваху и роптаху на самодержца своего“ за казанские походы.

Чтобы сделать еще более убедительной основную идею повествования — завоевание Казани личная заслуга русских воинов и царя, а не князей и бояр, автор заставляет ничем не примечательного касимовского хана Шигалея произнести обличительную речь по адресу воевод. Казанцы, говорит Шигалей, „ведают воевод твоих слабых и мяхкосердых и не повинуются им. Живут бо у тебя князи твои и воеводы в велицей славе и богатестве и тем во время брани бывают некрепцы и несилены и подвизаются лестно и нерадиво, друг за друга укланяющиеся, воспоминающе славу свою и многое имение и красныя жены своя и дети“. Эта речь Шигалея повторяет те оценки, какие давал боярско-княжескому командованию Иван Грозный в своей переписке с Курбским.

Автор „Казанской истории“ показывает, что поход под Казань, завершившийся ее взятием, был предпринят под непосредственным руководством Грозного. В июне 1552 года русское войско с царем Иваном IV во главе пришло в Коломну, откуда должно было отправиться под Казань. Неожиданно пришло сообщение о том, что крымский царь Девлет-Гирей двинулся на Русь. Поход Девлет-Гирея был осуществлением замыслов Оттоманской Турции о создании панисламистского союза для борьбы с возрастающей мощью Московского государства. Расчет крымцев состоял в том, чтобы, воспользовавшись отсутствием основной массы войск и самого Ивана Грозного, ушедших под Казань, произвести разгром Москвы. Автор „Казанской истории“ раскрывает взаимную связь событий: похода на Русь Девлет-Гирея и выступления московского войска в поход против Казани. Московскому правительству необходимо было отразить внезапный натиск крымских татар и потом уже идти к Казани. Полная готовность русских войск к походу в это время сыграла огромную роль в отражении нападения Девлет-Гирея. На берег Оки Грозный послал основные воинские силы. Под Тулой войска Девлет-Гирея были разбиты. Крымцы спешно повернули обратно, и 1 июля Иван Грозный возвратился в Коломну, а оттуда в Муром, где был назначен смотр всем войскам, отправлявшимся под Казань.

После рассказа о смотре войск автор помещает разряд войск, отправляющихся под Казань. Этот разряд отражает не исторически точное распределение воинских должностей во время казанского похода 1552 года, а разряды войск времени Ливонской войны.

К середине 60-х годов поведение многих бывших участников казанского похода заставило Грозного круто изменить к ним отношение. Так, главный воевода передового полка князь М. И. Воротынский „за свои великие изменные дела“ попал в опалу и с 1562 по 1566 годы находился в ссылке на Белоозере; А. Курбский в 1564 году изменил родине и бежал в Литву, в лагерь врагов Русского государства; участники казанского похода князь-воеводы Иван Пронский, Петр Щенятев, Дмитрий Немого-Оболенский за измены были казнены в 1565—1566 годы. В кружке близких Грозному людей в 60-е годы находятся новые воеводы из среды опричников и из „выезжих“ на Русь и находившихся при дворе царя иноземных царевичей.

Создавая свое произведение в период 1564—1565 годов, автор „Казанской истории“ перенес на князей-воевод, участ-

ников похода 1552 года, оценки их поведения, характерные для середины 60-х годов, и умолчал о действительной роли их в казанском походе. Он смело переработал документальный материал для проведения определенной общественно-политической точки зрения, для заострения публицистичности произведения. Целенаправленная сознательная переработка источников характеризует позицию автора во внутриклассовой борьбе между самодержавным царем и феодальной знатью.

В главах, повествующих об осаде и взятии Казани, автор „Казанской истории“ уделяет большое внимание обрисовке отношений царя с простыми воинами — непосредственными участниками исторических событий. В главе „Моление и учение к воем своим царя и великаго князя“ автором описана встреча Ивана Грозного с русскими войсками накануне решительного штурма крепости. Иван IV „поеха по всем полком своим и по станом, моля и наказуя воевод своих и воя вся, с плачем горким, кланяся им до златыя стремени ноги своея“. С глубоким чувством передает автор взволнованную речь царя, обращенную им ко всем русским воинам: „Братие и господие мои, князи и воеводы, и вси, мали и велици, руская чада, ныне приспе вам время добро показати победа на противных наших за непокорство их, и несмирение, и за великую злобу и неправду“.

Речь царя вызвала высокий подъем духа: „Князи же и воеводы, и все вои, слышавше от самодержца своего умильная словеса его, и воскликнуша великими гласы со слезами, и дерзостни быша вси и рекоша: «Ради есмя и се готови, о самодержце велики, всем сердцем подвизатися вседушно, елико поможет бог, и класти главы наша неместно, за веру христианскую, и за вся люди руския»“. Русские воины дали клятву Грозному: „Со срамом с тобою живым восвоюся не возвратитися великаго твоего ради попечения, еже страждещи за вся люди своя, и наших ради частых трудов, хождением всегдашним х Казани“.

Данная глава „Казанской истории“ раскрывает идейный смысл похода под Казань. Царь Иван IV призывает народ, ласково названный им „руская чада“, выполнить свой священный долг — сокрушить последний оплот татарской опасности на востоке Русского государства. Постоянная угроза с Востока, варварские набеги казанцев на окраинные русские земли разоряли население, требовали от государства большой затраты сил. Сокрушение Казани отвечало интересам народа. Именно поэтому автор „Казанской истории“ показы-

вает единство войска и царя перед решительным штурмом Казани, общее понимание ими стоявших перед государством задач. Иван Грозный призывает воинов „поддаться подвигнуться за обиды своя на казанцев“; войско отвечает готовностью „класти главы... за вся люди руские“ и оценивает заслуги самого царя, который „страждет за вся люди своя“.

В картинах штурма Казани эпизоды построены так, чтобы, с одной стороны, подтвердить характеристику, данную Грозному в самом начале рассказа о событиях его царствования, с другой — напомнить резко отрицательную оценку княжеско-боярской среды. В деле завоевания Казанского царства по замыслу автора главная заслуга принадлежит самому Грозному. Он не только „повелевает“, он всюду присутствует лично, вдохновляет и ободряет в трудную минуту войска, побуждает воевод к энергичным действиям, стыдит их, когда они готовы отступить перед трудностями, готов броситься в самую гущу боя и „собою дати храбрости начало всем“. И только уступая настоятельным просьбам, Грозный отказался от личного участия в последнем приступе на Казань. Однако Грозный внимательно следит за тем, как развивается сражение.

В заключительных главах автор дает общую оценку казанского взятия, внутригосударственной и внешнеполитической деятельности Ивана IV. Похвалой воинским заслугам Грозного „Казанская история“ логически и завершается.

Глубоко враждебное отношение к феодальной знати, смелая и безоговорочная поддержка деятельности московского государя сближает позицию автора „Казанской истории“ с позицией прогрессивных дворянских публицистов середины XVI века. Выражая идеологию дворянства, автор „Казанской истории“ всесторонне и полно отразил в своем произведении интересы служилого дворянства; он сказал свое слово по всем тем вопросам, которые ставились и разрешались во время царствования Ивана IV: о феодальном суде, о преобразовании войска, об отношениях Грозного с „вельможами“ и, наконец, о личности самого государя.¹ Мировоззрение автора выросло из потребностей времени, из общественно-политических теорий XVI века и служило интересам передовых сил в их борьбе за укрепление централизованного Русского государства. Раскрывая величие дел Грозного, горячо поддерживая его внешнюю и внутреннюю политику, разобла-

¹ См. статью: Автор „Казанской истории“. Труды Отдела древнерусской литературы, т. IX, М.—Л., 1953.

чая врагов этой политики — княжеско-боярский лагерь, „Казанская история“ тем самым идейно вооружала сторонников политики Грозного в их борьбе с феодальной аристократией, энергично обосновывала необходимость крутой расправы с ней самодержавного царя.

В изменившейся политической обстановке после смерти Ивана Грозного (1584 год) была предпринята решительная переработка „Казанской истории“. От произведения были отделены первые 49 глав, до главы „Совет царя з бояры своими“, где в первой редакции на призыв Грозного идти под Казань князья и бояре признаются в „своих винах“ перед Русским государством, открыто подтверждают те обвинения, которые им бросает царь. Во второй редакции этих „речей“ уже нет, а вместо них помещен ответ бояр, взятый из „Летописца начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси“, далее присоединена отдельная повесть о походе Грозного под Казань и Свияжск. В произведение введены действительные разряды войск казанского похода 1552 года, отражена роль во взятии Казани крупнейшего полководца XVI века М. И. Воротынского, значительно усилена религиозная окраска всего произведения за счет включения рассказов о чудесах казанских святых.

Охватывая более чем трехсотлетний период русской истории (от нашествия Батыя и до казанского похода Грозного в 1552 году), воссоздавая историю Казанского ханства, автор обращается к разнообразным источникам в поисках материала для своего повествования.

Для воссоздания истории Казани древнейшей поры автор обратился к легендам и преданиям казанских татар. На основании этих устных рассказов он изложил историю возникновения Казанского царства, введя в повесть ряд вымышленных и недостоверных сведений.

Важнейшим источником фактических сведений о Казанском царстве первой половины XVI века были личные наблюдения самого автора „Казанской истории“, находившегося в Казани с 1532 по 1552 год. В своей краткой биографии он сообщает о том, что был пленен казанцами за 20 лет до взятия города и приставлен ко двору казанского хана Сафа-Гирея. После освобождения возвратился в Россию, был крещен и получил от Ивана Грозного надел земли.

Именно благодаря тому, что автор „Казанской истории“ в течение двадцати лет был свидетелем многих событий, происходивших в самой Казани, наблюдал внутреннюю борьбу

казанских группировок, был очевидцем осады и взятия города русскими войсками („Есмь сам видех очима своими“ — говорит автор „Казанской истории“ о многих событиях, нашедших отражение в его повествовании), мы можем считать это произведение в части, касающейся событий, происходивших в казанском лагере, своеобразным историческим источником.

В ряду многочисленных источников автор использовал русские летописи: Никоновскую летопись и в том числе ее Синодальный список, Московский свод 1479 года, Новгородскую IV летопись, Воскресенскую, Софийскую II и Львовскую летописи, Хронограф 1512 года русской редакции, „Летописец начала царства царя и великого князя“; документальные источники: разрядные книги, посольскую переписку, местные суды, родословные книги князей и бояр.

К историческим источникам, повествующим о деятельности Ивана IV, относятся прежде всего произведения самого царя и близких ему людей. Автор „Казанской истории“ широко использует „Царево государево послание во все его российское царство на клятвопреступников его, на Андрея Курбского с товарищи об их измене“, приписки на полях Синодального списка „Царственной книги“, речи Грозного на Стоглавом соборе; автор рассматривает исторические события, оценивает действия участников этих событий так, как их оценивал Грозный.

В свете отношений Грозного с феодальной знатью в 60-е годы XVI века автор тенденциозно перерабатывает реальные исторические факты и показывает не только современные ему, но и прошедшие события в свете задач, поставленных конкретной исторической обстановкой этих лет.

Художественная структура „Казанской истории“ неразрывно связана с идеологией ее автора. Строгое подчинение всего повествования единой точке зрения, отбор и доработка исторических фактов, создание вымышленных эпизодов, раскрывающих замысел, перенесение оценок, сложившихся в 60-е годы, на события предшествующего времени — характеризуют его литературный метод. С позиций общественно-политической борьбы середины XVI века автор „Казанской истории“ разработал свое историческое по теме произведение в остро публицистическом плане. Под его пером ничем не примечательный касимовский хан Шигалей становится верным и надежным другом Ивана Грозного. В уста Шигалея автор вкладывает обвинительные речи по адресу феодальной знати. Он сознательно умалчивает о политической причине изгна-

ния из Казани царицы Сумбеки, представляя ее поведение в свете личных отношений с ханом Шигалеем.

Следует отметить общее стремление „Казанской истории“ к реалистичности повествования. Автор стремится вскрыть исторические причины, обусловившие развитие в определенном направлении русско-казанских отношений: с русской стороны все действия ведут к тому, чтобы объединенными усилиями всех частей государства покорить последний оплот реакции на Востоке — Казанское ханство; в Казани ход событий определяется борьбой за власть правящих группировок, их противодействием возрастающему влиянию Москвы.

В „Казанской истории“ нашла отражение классовая и внутриклассовая борьба, происходившая в Казанском ханстве на протяжении последних двадцати лет его существования. Так, объясняя причину бегства из Казани ставленника Крымского ханства — хана Сафа-Гирея, автор говорит о том, что оно явилось результатом дворцового переворота, поддержанного народом: „Воста в Казани в велможах, и во всем народе, и во всем люду казанском смятение великое; воздвигоша бо крамолу все, соединившись большие с меньшими, на царя своего Сапкирея и свергоша его с царства и выгнаша ис Казани, ... что он приемляше своеземца, крымских срацын, приходяще к нему в Казань, велможам им быти устрояше, и богатыше их, и брежаше паче казанцев“. Казанский народ пытался воспользоваться возникшей внутриворцовой борьбой и оградить себя от эксплуатации правящих классов: „не хотят бо казанцы менши больших слушати и покорятися им“.

Рассказывая о походах русских под Казань, автор показывает те тяготы, которые приходилось преодолевать русским воинам — участникам исторических событий. На фоне показа трудностей походов, осады и взятия Казани автором „Казанской истории“ ярко обрисованы подвиги простых воинов, мужественных и смелых в битве, справедливых и гуманных в отношении к пленным, к женщинам и детям.

Новым в „Казанской истории“ является показ врагов. Автор по-разному относится к казанцам — представителям правящего класса и к казанцам — народу. Казанские феодалы показаны им как изменники, лукавые и неверные союзники, фанатически жестокие и легковверные. Представители народа обрисованы иначе. Автор отдает должное их храбрости и воинскому умениу.

Одна из глав „Казанской истории“, повествующая о последних боях татар с русскими после штурма Казани, называется „О падении храбрых казанцев“. В ней автор рассказывает

о последней попытке военных отрядов казанцев прорваться сквозь окружение. Характеризуя битву русских с казанцами, автор отметил высокие воинские качества сражавшихся: „страшно бе видети обоих (т. е. русских и казанцев, — Г. М.) храбрости и мужества“. Оставшиеся в живых казанцы „много секшеса и многих от вои русских убивша, и сами ту умроша храбрыя, похвално на земле своей“. Положительное отношение автора „Казанской истории“ к казанцам — народу — объясняется тем, что ко времени написания произведения (середине 60-х годов XVI века) казанские татары уже находились в составе многонационального Русского государства и разделяли с русским народом его историческую судьбу.

Автор „Казанской истории“ редко прибегает к старому способу исторических жанров характеризовать героев, называя их качества, он обычно стремится раскрывать эти качества в поступках действующих лиц, вникает в настроения участников событий, в мотивы их поведения, стремится к разностороннему изображению человеческого характера. В этом сказывается его несомненное новаторство.

Для автора „Казанской истории“, описывающего бедствия разоряемого казанцами русского населения, страдания пленных, труды воинов, подчеркивающего особое сочувствие Грозного простому народу, — закономерно желание сделать свой рассказ понятным „братии нашей воинам“ и „простым людям“, ввести в книжную литературную речь элементы народного языка. В „Казанской истории“ широко представлены выразительные слова и обороты живой речи: „по полю волочася“, „чисто поле“, „с оторопа“, „стар да мал“, „слезы горкия“, „девицы красныя“ и т. п.

Стремясь придать характер исторической достоверности некоторым рассказам „Казанской истории“, автор неоднократно прибегает к документальному языку. Документальным стилем он передает разряды войск, официальные донесения, посольские речи.

Изредка с вполне определенной целью автор „Казанской истории“ применяет риторический способ выражения в характеристиках действующих лиц. Речи митрополита Макария, повышенно-эмоциональные плачи казанской царицы Сумбеки, нравоучения и лирические отступления самого автора дают повод прибегать к лексике и фразеологии, символике и метафорам торжественного стиля XVI века. Наделенный незаурядным литературным чутьем, автор „Казанской истории“ строго согласует приподнятость речи с содержанием повествования.

Богатство выразительных средств „Казанской истории“, высокохудожественная форма ее сложились на основе усвоения автором лучших образцов древнерусской литературы. Автор хорошо знает „Повесть о взятии Царьграда“ Нестора Искандера, „Сказание о Мамаевом побоище“, „Слово о житии и преставлении царя русского Дмитрия Ивановича“. Однако отработанные традицией средства он не переносит механически, а включает их в общую стилистическую систему, выражая идеи и настроения, рожденные исторической действительностью 60-х годов XVI века.

Художественная выразительность, яркая публицистичность, обилие разнообразного материала, пронизанного единой, прогрессивной общественно-политической точкой зрения, ставят „Казанскую историю“ на одно из первых мест среди литературных памятников середины XVI века.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Изучение „Казанской истории“ было начато в XVIII веке В. Н. Татищевым. В. Н. Татищев упоминает это произведение в числе источников „Истории российской“.¹ Им же было приписано авторство „Казанской истории“ „попу Иоанну Глазатому“, без указания данных, на основе которых он пришел к этому выводу.

Вслед за В. Н. Татищевым „попу Иоанну Глазатому“ приписывают авторство „Казанской истории“ Н. И. Новиков,² Филарет,³ митрополит Евгений,⁴ К. Н. Бестужев-Рюмин⁵ и Д. И. Иловайский.⁶ Г. З. Кунцевич в монографии о „Казанской истории“ предполагает, что священник Иоанн Глазатый был автором „Отрывка русской летописи“, прочно вошедшего в позднейшие редакции повести.⁷

Исследователи XIX века, привлекавшие „Казанскую историю“ в качестве исторического источника XVI века, при сравнении данного произведения с документальными свидетельствами приходили к выводу о недостоверности изображенных в нем событий.

Выборочное сравнение отдельных частей произведения с свидетельствами исторических источников не раскрывало

¹ В. Н. Татищев. История российская, кн. 1, ч. 1. М., 1768, стр. XII.

² Н. И. Новиков. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867, стр. 28.

³ Филарет. Обзор русской духовной литературы. Изд. 3-е, СПб., 1884, стр. 142.

⁴ Митрополит Евгений. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чину, т. I. СПб., 1827, стр. 259—260.

⁵ К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I. СПб., 1872, стр. 42.

⁶ Д. И. Иловайский. История России, т. III. М., 1890, стр. 624.

⁷ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве. СПб., 1905, стр. 556.

сущности идейного замысла произведения, его публицистичности и тенденциозности. Отсюда скептические отзывы о „Казанской истории“ С. М. Соловьева,¹ В. В. Вельяминова-Зернова,² С. М. Шпилевского³ и Д. И. Иловайского.⁴

В 1905 году вышло исследование Г. З. Кунцевича, посвященное „Казанской истории“, где был сведен воедино большой материал предшествующего изучения повести, обобщены итоги ее исследования на протяжении более чем ста лет.

Монография Кунцевича возникла на основе подготовленного им в 1903 году издания „Казанской истории“. Несомненной заслугой Кунцевича является то, что он, собрав большое количество списков „Казанской истории“, впервые отметил наличие нескольких редакций произведения и правильно выделил три списка, наиболее близких к первоначальной редакции.

Текст „Казанской истории“, изданный Кунцевичем, несмотря на ряд недостатков,⁵ положил начало научному изучению произведения.

В исследовании Кунцевича впервые был поставлен и подробно разработан вопрос об источниках „Казанской истории“. Комментируя памятник в порядке расположения глав различными историческими, документальными, литературными и фольклорными материалами, Кунцевич установил основной фонд наиболее вероятных источников этого произведения. В числе их указаны: хронограф, летописи, разрядные книги,

¹ С. М. Соловьев называл „Казанскую историю“ „мутным источником“ и отказался пользоваться ею (Собр. соч., т. V, СПб., 1838, стр. 68).

² В. В. Вельяминов-Зернов склонялся к мысли о том, что „Казанская история“ — источник, „которым надобно пользоваться с большою осторожностью. Автор, как видно, писал на память, мало заботясь о том, что у него выйдет из-под пера“ (Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1863, стр. 6).

³ С. М. Шпилевский так высказывался о „Казанской истории“: „К сожалению, «Казанская история», которая так много обещает, представляет в действительности весьма скудный исторический материал: автор не столько заботился о подробной и точной передаче событий, не говорю уже о характеристике внутреннего быта Казанского царства, сколько о высокопарности слога и широковещательности, которую в его время отличались и другие“ (Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 75).

⁴ Д. И. Иловайский считал, что „рассказы Казанского летописца вообще не отличаются полною достоверностью и обилуют разными домыслами и прикрасами“ (История России, т. III. М., 1890, стр. 623).

⁵ Дефектность списка, взятого за основу и дополненного списком с переставленными главами; отсутствие большей части последней главы — похвалы Ивану Грозному.

космография, священное писание, богослужебные книги, жития святых.¹

Сравнивая известия „Казанской истории“ со свидетельствами литературных и исторических сочинений или с документальными данными, Кунцевич пришел к выводу, что повесть „как исторический источник имеет много неточностей, недостатков, ошибок“.² При установлении резкого расхождения между передачей одного и того же эпизода автором „Казанской истории“ и летописцем или же отступления автора от разрядных записей, Кунцевич пояснял эти расхождения „неточностью“ „Казанской истории“, „смещением действий и лиц“³ или же отсутствием у автора достаточного количества материала для воссоздания исторически точной картины.

Не объяснив отличий в описании одних и тех же событий в „Казанской истории“ и в документальных и литературных памятниках этого времени, Кунцевич не раскрыл намеренного, тенденциозного отступления автора в ряде случаев от достоверной передачи фактов во имя осмысления прошлого в свете общественно-политической борьбы времени создания произведения.⁴

Характеризуя мировоззрение автора „Казанской истории“, Кунцевич выделил в нем две основные черты: „религиозное и национальное самосознание“.⁵ Исследователь видел в истолковании автором „Казанской истории“ поступков действующих лиц только религиозную трактовку событий „сообразно понятию века“.⁶

В работах акад. А. С. Орлова „Казанская история“ подверглась рассмотрению в связи с изучением стиля древнерусской исторической беллетристики XVI—XVII веков. А. С. Орлов считал, что „Казанская история“ создавалась „под влиянием повести Искандера о взятии турками Царьграда в 1453 г.“,⁷ что автор „Казанской истории“ сознательно следовал за этой повестью. „Его привлекало сходство своей судьбы с судьбой Искандера. Оба были в агарянском плену:

¹ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве. СПб., 1905, стр. 201.

² Там же, стр. IX.

³ Там же, стр. 383.

⁴ Г. Н. Моисеева. Автор „Казанской истории“. Труды Отдела древнерусской литературы, т. IX, М.—Л., 1953.

⁵ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве. СПб., 1905, стр. 564.

⁶ Там же, стр. 565.

⁷ А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. СПб., 1909, стр. 45.

один — у турок, где и потурчился, другой — у злых черемис и лютых казанцев“.¹

В позднейшей работе А. С. Орлов отказался от этой точки зрения и полагал, что сходство судьбы Искандера и автора „Казанской истории“ объясняется тем, что автор последней „подражает Искандеру даже и в этой особенности повести“.²

Итак, не до конца решенными оставались вопросы об источниках „Казанской истории“ и о направленности их переработки; совершенно не были поставлены вопросы, связанные с раскрытием идеологии автора „Казанской истории“, его общественно-политического мировоззрения, вопрос о месте произведения в литературе XVI века.

Новые списки первой редакции „Казанской истории“ дали возможность решить часть этих вопросов и издать полный текст произведения.

РЕДАКЦИИ И СПИСКИ

„Казанская история“ дошла до нашего времени в большом количестве списков. Автору монографии о „Казанской истории“ Г. З. Кунцевичу³ было известно 152 списка, нами обследовано дополнительно 79 списков, неизвестных Г. З. Кунцевичу.⁴

Г. З. Кунцевич впервые установил наличие нескольких редакций „Казанской истории“. Ошибочно принимая за самостоятельные редакции группы списков внутри одной и той же редакции, Г. З. Кунцевич наметил восемь редакций „Казанской истории“, считая I и II — первоначальными, III — VIII — позднейшими.

Первоначальная редакция (первая), возникшая в 1564—1565 годах,⁵ сохранилась в семи списках (три найдены

¹ А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. СПб., 1909, стр. 5.

² А. С. Орлов. Героические темы древнерусской литературы. М.—Л., 1945, стр. 113.

³ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве. СПб., 1905, стр. 12—192.

⁴ Составитель приносит глубокую благодарность В. И. Малышеву, М. В. Щепкиной, В. Ф. Покровской, Н. Н. Розову за помощь, оказанную при разыскании списков „Казанской истории“.

⁵ Время написания первой редакции „Казанской истории“ впервые было установлено Г. З. Кунцевичем (История о Казанском царстве, стр. 176—179) на основе реальных, сохранившихся в тексте произведения: „История“ появилась не ранее смерти князя Семена Микулинского, т. е. 1562 года, до смерти митрополита Макария (конец 1564 года), сына

Г. З. Кунцевичем, четыре обнаружены нами). Позднейшая редакция (вторая), представленная всеми остальными известными нам списками „Казанской истории“, была создана после смерти Ивана Грозного, в 90-х годах.¹

Первоначальная редакция „Казанской истории“ (историко-публицистическая повесть) отличается от второй редакции целым рядом устойчивых признаков:

1) первоначальная редакция — единое и цельное произведение, проникнутое горячим сочувствием политике Грозного, открыто обличающее его врагов из княжеско-боярского лагеря;

2) в первоначальной редакции имеется рассказ об изменнике родине Юрие Булгакове, указавшем казанскому царю Едигеру места, где русские вели подкопы, и о каре, постигшей его;

3) первоначальная редакция включает в себя большое количество рассказов, посвященных описанию событий, происходивших в лагере казанцев во время осады и взятия города русскими войсками;

4) в первоначальной редакции в описании похода под Казань помещен вымышленный разряд войск, отразивший историческую обстановку не времени казанских походов, а времени написания произведения (1564—1565 годы); разряд этот выдвигает на первый план новых воевод из опричников и незначительных иноземных выходцев, находившихся при дворе Грозного в середине 60-х годов XVI века;

Сумбеки Александра Сафакиреевича (1566 год) и касимовского хана Шигалея (апрель 1567 года).

В нашем распоряжении имеются дополнительные данные, подтверждающие выводы Кунцевича. Автор „Казанской истории“ широко использовал „Цареву государево послание во все его российское царство на клятвопреступников его, на Андрея Курбского с товарищи об их измене“, написанное Иваном Грозным 5 июля 1564 года. Разряды, помещенные в главе „Казанской истории“, повествующей о походе под Казань в 1552 году, соответствуют разрядам времени ливонских походов, до 1566 года. В „Казанской истории“ ни разу не упомянуто об участии во взятии Казани крупнейшего полководца XVI века, воеводы Большого полка, фактического главнокомандующего в период казанского похода Михаила Ивановича Воротынского. В 1562 году М. И. Воротынский был сослан с семьей на Белоозеро, где и пробыл до 1566 года. В 1566 году он был возвращен из ссылки, восстановлен в своих правах. С этого года его имя постоянно упоминается в разрядах.

¹ Эту дату можно уточнить, поскольку во всех списках второй редакции „Казанской истории“ имеются главы о казанских мучениках Иване и Петре, главы же эти составлены на основе грамоты патриарха Гермогена, которую он послал, будучи казанским митрополитом, московскому патриарху Иову в 1592 году. Следовательно, вторая редакция не могла возникнуть ранее этого года.

5) первоначальная редакция заканчивается описанием победоносного возвращения Грозного в Москву после взятия Казани и похвалой ему,¹ подводящей итог его государственной деятельности.

Вторая редакция „Казанской истории“ до конца 49 главы повторяет первую редакцию, а с 50-й главы начинается совершенно другое произведение. Вторая редакция „Казанской истории“ не переделка соответствующих глав первой редакции, а новый рассказ, составленный из так называемого „Отрывка русской летописи“, из существовавшей вероятно в XVI веке отдельной повести о походе Грозного под Свияжск и Казань,² из некоторых глав „Летописца начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси“³ и, начиная с главы 85, из „Степенной книги царского родословия“.⁴ В новый компилятивный рассказ были внесены из „Летописца начала царства...“ разряды войск, по-иному освещена роль князей-воевод М. И. Воротынского, А. Курбского, А. Горбатого и многих других, по-новому показан двоюродный брат Грозного князь Владимир Старицкий; в рассказе отсутствует образ изменника Юрия Булгакова и нет описаний событий, происходивших в самой Казани во время осады ее русскими войсками.

Вторая редакция „Казанской истории“, в наново составленной ее части, имеет резко ощерковленный характер, отличающий ее от первой части произведения, которая повторяет рассказ первоначальной редакции „Казанской истории“. В повести значительно возросло число чудес русских святых, всевозможных „див“, предрекающих падение Казани, появилось много молитв.

Доказательством того, что первые 49 глав „Казанской истории“ механически соединены с совершенно иным рассказом о походе Грозного под Казань, служит сюжетный разрыв в самом произведении: события, о которых идет речь в первых 49 главах, даже не упоминаются в дальнейшей части рассказа второй редакции „Казанской истории“. В первой редакции повести казанской царице Сумбеке отведено значительное место. Рассказ о ней заканчивается сообщением о ее дальнейшей жизни в Москве, ее взаимоотношениях с ханом Шигалеем. Во вто-

¹ Полный текст похвалы имеется только в одном списке первой редакции, принадлежащем Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (F. IV. 578).

² Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 369.

³ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 463, 482, 496—497, 502—503, 515.

⁴ ПСРЛ, т. XXII, ч. 2, стр. 643—651.

рой редакции рассказ о Сумбеке обрывается на описании отправки ее в Москву и о последующих событиях в ее жизни не говорится. Так же внезапно прекращаются упоминания о касимовском хане Шигалее, об изменнике князе Чапкуне, о которых много говорится в первых 49 главах „Казанской истории“.

В нашем распоряжении имеется список¹ второй редакции „Казанской истории“, в котором отчетливо проступает искусственное соединение двух различных повестей.

В этом списке в главе 49 „Совет с бояры своими царя и великого князя“, где обычно помещены речи Грозного и ответ бояр² (в первой редакции бояре признают себя виновными в том, что „небрежением и неможением своим“ неоднократно предавали интересы государства, а во второй редакции бояре с готовностью соглашаются на призыв царя идти под Казань), ответа бояр на речь Ивана IV нет совсем. Далее в списке идут главы, помещенные обычно в самом конце некоторых списков второй редакции: „О казанском мученике Иване“, „О мученике Петре, иже в Казани“, „О уродивого татарине прорицани“, „Диво о рыбной ловитве“, „Диво же во граде Казани“. После „див“ следует чистый лист. С нового листа киноварью написано „О Казанском взятые, о боговодимом подвизе царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и како покори ему бог Казанское царство и православием просвети, и о знаменях многих и о протчих градах“. Обычно относясь только к 50-й главе списков второй редакции „Казанской истории“, здесь оно присутствует в качестве заглавия, объединяющего все последующие главы в самостоятельную повесть. Кончается список главой о чуде от воды Никиты Переяславского.

Конец „Казанской истории“ в списках второй редакции неустойчив: он менялся в зависимости от того, мог ли переписчик повести прибавить что-либо от себя, относящееся так или иначе к Казани или к личности царя Ивана Грозного. Так, в ряде списков второй редакции „Казанская история“ кончается главой о возвращении царя из Казани в Москву. Другие списки кончают произведение сообщением о поставлении в Москве в честь победы над Казанью Покровского собора (церкви Василия Блаженного). Имеются списки, оканчивающиеся грамотой казанского архиепископа Гермогена,

¹ ГПБ, О. XVII. 73, сборник середины XVII века, лл. 38—277 об.

² Ответ бояр во вторую редакцию перенесен из „Летописца начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси“.

посланной им московскому патриарху Иову в 1592 году по поводу канонизации казанских мучеников Ивана и Петра, и ответом Иова. Есть списки, в конце которых помещена грамота Ивана Грозного к казанскому наместнику П. И. Шуйскому. Но подавляющее большинство списков второй редакции „Казанской истории“ кончается главой „Чудо от воды святого Никиты Переяславского“, совершенно не связанной с содержанием повести и перенесенной сюда из „Степенной книги“.¹

В соответствии с этим „обрастанием“ текста мы приняли деление списков второй редакции на группы:

1-я — списки, оканчивающиеся описанием возвращения Грозного в Москву после взятия Казани;

2-я — списки, оканчивающиеся описанием хождения царя „по святым местом“ и чудом от воды Никиты Переяславского;

3-я — списки, оканчивающиеся сообщением о построении в Москве в честь взятия Казани Покровского собора;

4-я — списки, оканчивающиеся сообщением о крещении татар и казанских царей;

5-я — списки, оканчивающиеся сообщением о поставлении в Казани архиепископов и о даровании им грамот;

6-я — списки, оканчивающиеся молитвенными приписками, принадлежащими переписчикам рукописи;

7-я — дефектные списки, в которых трудно определить принадлежность их к определенной группе.

„Казанская история“ в первый раз была издана в 1791 году по двум случайным спискам позднейшей редакции. Второе издание было осуществлено Ф. Васильевым в Казани в 1902 году по одному списку также позднейшей редакции. И первое и второе издания не приводили разночтений.

Первым научным опубликованием текста „Казанской истории“ следует считать издание, подготовленное Г. З. Кунцевичем по двум редакциям: первоначальной (три списка) и позднейшей (пять списков).² В основу издания первоначальной редакции, отразившей подлинное произведение автора „Казанской истории“, Кунцевич положил Соловецкий список (ГПБ. Собр. Соловецкого монастыря, № 1501/42). Отсутствующие в этом списке главы (со второй по пятую) Кунцевич дополнил по Буслаевскому списку (ГПБ. Собр. Ф. И. Бус-

¹ ПСРА, т. XXI, ч. 2, стр. 643—651.

² ПСРА, т. XIX.

лаева, Q. XVII. 209), имеющему неправильный, нарушающий хронологию, порядок расположения глав. Так как Соловецкий список не имел законченной похвалы Ивану Грозному в конце произведения, текст „Казанской истории“ в издании 1903 года обрывался на полуслове. Из списка И. И. Срезневского (БАН, 24. 5. 9) были приведены разночтения в подстрочных примечаниях.

Настоящее издание „Казанской истории“ воспроизводит список из собрания В. Н. Перетца, хранящийся в Рукописном отделении Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР (Q.26-П).

Список Q.26-П — старший из сохранившихся до нашего времени списков первой редакции: по характеру скорописи¹ и по водяным знакам² он может быть отнесен к 90-м годам XVI века. Список имеет лучшие чтения, исправляющие непонятные слова и фразы других списков, почти полный текст похвалы Ивану Грозному. Есть все основания думать, что похвала в данном списке читалась до конца, но последний лист рукописи утерян, поэтому в настоящее время похвала обрывается на середине фразы. Конец похвалы в издании воспроизведен по списку 60-х годов XVII века Гос. Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (F. IV. 578).

При всех своих достоинствах, список конца XVI века не может быть полностью отождествлен с авторским текстом даже по составу глав.

Список Q. 26-П не имеет в начале произведения нескольких глав: „О войне Батыеве на Русь и о взятии великого града стольного Владимира, и о порабощении великих князей русских“, „О взятии великого Нова града от великого князя Иоанна Васильевича“, „О послах от царя, пришедших к великому князю московскому“, и, наконец, тесно связанной с последней, главы „О конечном запустении Златых Орды“. Такое же отсутствие названных глав Кунцевич наблюдал в Соловецком списке. В остальных списках „Казанской истории“ первой и второй редакций эти главы размещены в повести в различном порядке. Отсутствие перечисленных глав в Соловецком списке и не единообразное

¹ Сборник палеографических снимков с почерков древнегреческого и нового письма, М., 1844, № 42. — И. С. Беляев. Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV—XVII вв. М., 1911, табл. IX.

² Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 2. СПб., стр. 256.

их расположение в остальных заставило Кунцевича высказать мысль о позднем происхождении этой группы глав,¹ несмотря на то, что они неразрывно и органически связаны со всей концепцией „Казанской истории“, с идеологией ее автора.

Текст „Казанской истории“, даже в тех ее списках, где названные главы отсутствуют, имеет свидетельства об исконной принадлежности этих глав первоначальной редакции „Казанской истории“.

Так, в списке Q.26-П отсутствует глава „О войне Батыеве на Русь и о взятии великого града стольного Владимира, и о порабощении великих князей русских“, связанная своим содержанием со всем дальнейшим изложением истории возникновения Казанского царства и основания города Казани премником Батые — Саином. Глава кончается кратким историческим обзором последующих событий до падения Золотой Орды при Иване III.

В главе „О первом взятии Казани и о иных градах болгарских, и о воевании великия Орды Златыя“ дважды дается ссылка на отсутствующую в списке Q.26-П главу „О войне Батыеве на Русь...“. Рассказывая о походах на Казанское ханство московских князей, автор говорит о том, что князь Юрий Дмитриевич „взя грады болгарския... Казань и Болгары“. Об основании же Казани говорится именно в главе „О войне Батыеве на Русь...“. Вторая ссылка более конкретно указывает на знакомство читателя с главой „О войне Батыеве на Русь...“. Заканчивая рассказ о походе на Казань упомянутого выше князя Юрия Дмитриевича, автор „Казанской истории“ говорит: „И тако бысть отвсюду зло угнетение Златой Орде оной. При нем первое тогда, после же от великого князя Ивана, второе же; при нем от тех же мангит до конца запусте, яко же преже речется“.²

Вторая же ссылка одновременно касается содержания и двух других, также отсутствующих в списке Q.26-П глав: „О посылех от царя, пришедших к великому князю московскому“ и „О конечном запустении Златыя Орды“, в которых дается подробное описание разгрома Золотой Орды войсками Ивана III.

Указание на наличие в первоначальной редакции „Казанской истории“ главы „О взятии великого Нова града от великого князя Иоанна Васильевича“ также имеется в двух

¹ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве. СПб., 1905, стр. 176.

² Q.26-П, л. 9 об.

главах списка Q.26-П. В главе „О втором взятии Казаньском и о пленении Алехамы царь со всеми его, и о посажении Махметина царя, и о сече крестьян в Казани“ сказано: „...сын же великого князя Василия Иван восприя великое княжение Московское по смерти отца своего. Сей же взят великий Нов град со многою гордостью и бусловием, яко же впереди сказася“, ¹ и далее в той же главе: „По взятии же великого Нова града...“ ²

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в первоначальной редакции были отсутствующие в списке Q.26-П главы: „О войне Батыеве на Русь“, „О взятии великого Нова града“, „О послех от царя“, „О конечном запустении Златыя Орды“.

Исследование идейной сущности произведения раскрывает связь описанных в нем событий с теми событиями, о которых идет речь в главах, отсутствующих в списке Q.26-П. Так, покорение мятежного Новгорода Иваном III дало возможность Руси противостоять хану Ахмату и успешно вести борьбу с Золотой Ордой. Взятие Казани Иваном IV представлено в повести как завершение этой борьбы, так как Казань, по рассказу „Казанской истории“, основана золотоордынскими ханами. Глава „О царе и великом князе Иване Васильевиче, и о разуме его, и о премудрости его, и о соглядении его бояр, и о избьении их, и о соглядении земли своея, и о любви к воем своим, и уведание его о Казанском царстве“, где дается обобщенная характеристика деятельности Ивана Грозного, связана с отсутствующими в этом списке главами, повествующими об Иване III. В этой главе проводится параллель между Иваном IV и его дедом Иваном III. Автор „Казанской истории“ говорит о том, что Иван Грозный „подобен по всему деду своему, великому князю Ивану“. Этим автор показывает преемственность политики московских великих князей и, вместе с тем, дает ключ к пониманию изображения Ивана III как предшественника Ивана IV в его внешней политике. А поведение Ивана III, характеристика его деятельности раскрыты в главах: „О взятии великого Нова града“, „О послех от царя“, „О конечном запустении Златыя Орды“. Само собой разумеется, что автор „Казанской истории“ не мог проводить сравнение Ивана IV с Иваном III, не подтвердив это сравнение фактами. Так анализ содержания „Казанской истории“ полностью подтвер-

¹ Там же, л. 20.

² Там же, л. 20 об.

ждает текстологические наблюдения и позволяет реконструировать начальные главы списка Q.26-П по другому списку первой редакции „Казанской истории“ (ГПБ, F. IV. 578).

Первая редакция¹

1. ИРЛИ. Собр. В. Н. Перетца, Q.26-П, конец XVI в., 4°, лл. 2—265 об.

Заглавие: Сказание вкратце от начала царства Казанского и о бранех, и о победах великих князей московских со цари казанскими, и о взятии царства Казани, еже ново бысть (л. 2).

Начало: Красныя убо новыя повести сия (л. 2).

Окончание: и военачальницы нагайския мурзы усумнешаяся (л. 265 об.).

2. *БАН. Собр. И. И. Срезневского, 24.5.9, первая четв. XVII в., 4°, лл. 2—158 об.²

Заглавие: Сказание вкратце от начала царства Казанского и о бранех, и о победах великих князей московских со цари казанскими, и о взятии царства Казани, еже ново бысть (л. 2).

Начало: Красныя убо новыя повести (л. 2).

Окончание: Ноли есть немощно злыя обычая издавна застаревшая (л. 158 об.).

3. *ГПБ. Соловецкое собр., № 1501/42, серед. XVII в., 4°, лл. 2—188 об.

Заглавие: Сказание вкратце от начала царства Казанского и о брани, и о победах великих князей московских со царями казанскими, и о взятии царства Казани, еже ново бысть (л. 2).

Начало: Красныя убо новыя повести (л. 2).

Окончание: и нечестие, и кривосудство, и посулы, и резонимание, и разбой, и татбы изо всея земля своея извести (л. 188 об.).

4. БЛ. Собр. Н. А. Никифорова, № 174, серед. XVII в., 8°, лл. 17 об.—218 об.

Заглавие: Сия книга, глаголемая Казанское взятие (л. 17 об.).

Начало: На сей стороне Камы реки, концом же прилежаще к Болгарстей земли (л. 17 об.).

Окончание: И по сем падает (л. 218 об.).

¹ Составителем настоящей книги не просмотрены списки „Казанской истории“, о которых имеются указания в следующих печатных работах:

1. Заметки о рукописных собраниях. Труды Отдела древнерусской литературы, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 458.
2. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков, М.—Л., 1952, стр. 119—124, №№ 2, 3, 22, 23.
3. Рукописи Государственной Публичной исторической библиотеки. Вопросы истории, № 2, 1953, стр. 126.
4. Древнерусские рукописи и старопечатные книги Муромского краеведческого музея Владимирской области. Труды Отдела древнерусской литературы, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 461.

² Звездочкой обозначены списки, обнаруженные Г. З. Кунцевичем и привлеченные им к изданию „Казанской истории“ в 1903 г.

5. *ГПБ. Собр. Ф. И. Буслаева, Q. XVII. 209, сборник серед. XVII в., 4°, лл. 195—260 об.

Заглавие: Сказание, сиречь История о начале царства Казанского и о бранех, и о победах великих князей московских со цари казанскими, и о взятии царства Казанского (л. 195).

Начало: Красныя убо новыя повести (л. 195).

Окончание: Слава свершителю богу (л. 260 об.).

6. ГПБ. F. IV. 578, сборник 60-х гг. XVII в., в лист, лл. 133—286 об.

Заглавия нет.

Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 133).

Окончание: То бо есть от века и от рождения дело варварское и ремесло кормиться воиню. Конец о взятии Казанском (л. 286 об.).

7. ГИМ. Музейное собр., № 2323, сборник нач. XIX в., 4°, лл. 66—180.

Заглавие: Сказание сиречь История о начале царства Казанского и о бранех, и о победах великих князей московских со цари казанскими, и о взятии царства Казанского (л. 66).

Начало: Красныя убо новыя повести (л. 66).

Окончание: побитых же казанцев и черемисов во всех боях и приступах на взятии казанском. Слава совершителю богу (л. 180).

Вторая редакция¹

Первая группа

1. ГИМ. Собр. П. И. Щукина, № 581, серед. XVII в., 4°, лл. 1—111.

Заглавие: Сказание вкратце о первом начале царства Казанского и о бранех, и о победах великих князей московских со царями казанскими, и о взятии царства Казанского (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1).

Окончание: И седе на престоле чествова своего скипетра великия Росии. Утер пота, показав победу и труд великий за домы и за все росейское царство, о Иисусе Христе господи наш, ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь (л. 111).

2. ГПБ. Собр. А. А. Титова, № 1121, сборник серед. XVII в., в лист, лл. 608 об.—662 об.

Заглавие: Сказание вкратце о начале царства Казанского...² (л. 608 об.).

Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 608 об.).

Окончание: потом пошел на поклон прародителей своих (л. 662 об.).

3. ГИМ. Собр. Е. В. Барсова, № 1832, конец XVII в., 8°, лл. 1—375 об.

Заглавия нет.

Начало: Бысть убо от начала Руския земля (л. 1 об.).

Окончание: Како показа всемирную славу (л. 375 об.).

¹ Нами приведено описание только тех списков второй редакции „Казанской истории“, которые не были известны Г. З. Кунцевичу.

² Здесь и в других случаях три точки означают, что дальнейшая часть заглавия данного списка совпадает с соответствующей частью заглавия списка № 1 второй редакции.

4. ГИМ. Музейное собр., № 695, сборник нач. XVIII в., в лист, лл. 162—251.

Заглавие: Книга, глаголемая История о взятии Казанского царства, сказанная вкратце, како и откуда и в которые лета начася, и о победах великих князей московских с воими казанскими благоверным царем и великим князем Иваном Васильевичем всея великия Росии самодержца (л. 162).

Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 162).

Окончание: В лето 7061 от первыя брани до покорения от его государева прадеда 158 лет (л. 251).

5. ГИМ. Собр. М. П. Вострякова, № 1086, нач. XVIII в., 4°, лл. 1—180 об.

Заглавие: История о Казанском царстве (л. 1).

Начало: Бысть убо от начала Руския земля (л. 1).

Окончание: в неверных странах бысть тогда плач и уныние и страх и многи страны мира требоваху (л. 180 об.).

6. БЛ. Собр. П. И. Шибанова, № 82, нач. XVIII в., в лист, лл. 1—71.

Заглавие: История о казанском царстве (л. 1).

Начало: Красныя убо новыя повести сия (л. 1).

Окончание: Казань взята в лето октября в 2 день при царе Иоанне Васильевиче всея Росии (л. 71).

7. БЛ. Собр. С. Т. Большакова, № 402, сборник нач. XVIII в., 4°, лл. 60 об.—75.

Заглавие: Сказание великого князя и хождение православного царя Ивана Васильевича всея Руси како и действия сквана казанского царя Айдыгира Касим Салтанова в лето 7060 (1552 г.) августа 29 в четверток на память святых мученик Флора и Лавра (л. 60 об.—61).

Начало: Пойде царь государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси ко граду Казани (л. 61).

Окончание: Месяца октября в день на память святых мученицы Анастасии, в четверток в четвертый же час дни сретошася все московстии народи честно и радостно в достояние царьствия своего (л. 74 об.—75).

8. ИРЛИ. Собр. В. Н. Перетца, Q. 251-П, нач. XVIII в., 4°, лл. 1—158 об.

Заглавие: Сказание о взятии царства Казанского (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1).

Окончание: И тако посылает во отчину свою, в царствующий град Москву своим царским словом и радостною вестию (л. 158 об.).

9. АИИ. Собр. Н. П. Лихачева, № 34, нач. XVIII в., 4°, лл. 1—148 об.

Заглавие: История о Казанском царстве (л. 2).

Начало: Бысть убо от начала Русские земли (л. 2).

Окончание: И благоверный государь царь шед благословение прияти от настоятеля, и от всего священного собора (л. 148 об.).

Вторая группа

10. БАН. Собр. В. С. Михалкова, № 1 (45. 4. 5), нач. XVII в., 4°, лл. 2—172 об.

Заглавие: Книга, глаголемая история о Казанском царствии. Сказание вкратце о начале царства казанского, како и откуда и в которые лета зачася, и о победах великих

князей московских со царьми казанскими, и о взятии царства Казанского благоверным царем и великим князем Иваном Васильевичем великия Россия самодержцем (л. 2).

Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 2).

Окончание: купели пред священным Макарием митрополитом Московским и всея России (л. 172 об.).

11. ГИМ. Музейное собр., № 824, сборник нач. XVII в., 4°, лл. 1—228.

Заглавие: Сказание вкратце о зачале царства Казанского... (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 1).

Окончание: Возвещено бысть чудо сие и самому самодержцу государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея России (л. 228).

12. БЛ. Собр. Н. С. Тихонравова, № 75, серед. XVII в., 4°, лл. 1—185 об.

Заглавие нет (отсутствует первый лист рукописи).

Начало: рекоша боголюбский и в конечное запустение предав (л. 1).

Окончание: бежаху приставницы царевича благоверная боярыня Фетиния и прием (л. 185 об.).

13. ГИМ. Музейное собр., № 2569, серед. XVII в., 4°, лл. 24—232 об.

Заглавие: Книга, глаголемая История о начале царства Казанского, како и откуда и которого лета начася, и о брани, и о победах великих князей московских со царьми казанскими, и о взятии Казани царем и великим князем Иоанном Васильевичем всея России самодержцем (л. 24).

Начало: Бысть убо от начала Руская земля (л. 24).

Окончание: Возвещено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 232 об.).

14. ГИМ. Музейное собр., № 2347, серед. XVII в., 4°, лл. 280—442 об.

Заглавие: Сказание сложено вкратце о царствующем граде Казани, како бысть поставлен от начала, и о победах великих князей московских со царьми казанскими, и о взятии того же града Казани великим князем московским. Последние же взята бысть царем и великим князем Иваном Васильевичем всея Руси (л. 280).

Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 280 об.).

Окончание: благоразумная же Фетинья (л. 442 об.).

15. ГИМ. Музейное собр., № 1292, серед. XVII в., 4°, лл. 1—246 об.

Заглавие: Сказание вкратце о зачале царства Казанского... (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 1).

Окончание: Возвещено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 246 об.).

16. ГПБ. Ф. IV. 14, серед. XVII в., в лист, лл. 1—106.

Заглавие: Сказание вкратце о начале царства Казанского... (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1).

Окончание: Федора же бысть восприемник Макарий митрополит московский и всея Руси (л. 106).

17. ГПБ. Эрмитажное собр., № 421, серед. XVII в., в лист, лл. 1—103.

Заглавие: Сказание вкратце о начале царства Казанского... (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1).

Окончание: Возвещено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 103).

18. ГПБ. Q. IV. 100, серед. XVII в., 4°, лл. 1—156.
Заглавие: Сказание вкратце о начале царства Казанского... (л. 1).
Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1).
Окончание: Возвешено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 156).
19. ГПБ. О. XVII. 73, сборник серед. XVII в., 8°, лл. 38—277 об.
Заглавие: Сказание вкратце о начале царства Казанского... (л. 38).
Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 38).
Окончание: Возвешено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 277 об.).
20. БАН. Собр. С. Г. Строганова, № 20, серед. XVII в., 4°, лл. 3—211 об.
Заглавие: Сказание вкратце и о начале царства Казанского, и о брани, и о победах великих московских князей со царьми казанскими, и о взятии того же царства Казанского (л. 3).
Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 3).
Окончание: Возвешено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 211 об.).
21. ГИМ. Собр. И. Е. Забелина, № 435, конец XVII в., 4°, лл. 46—223.
Заглавие: О Казанском царствии. Сказание вкратце о начале царства Казанского... (л. 46).
Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 46).
Окончание: Возвешено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 223).
22. ГПБ. Q. IV. 133, конец XVII в., 4°, лл. 1—212 об.
Заглавие: Сказание вкратце о первом зачале царства Казанского... (л. 1).
Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1).
Окончание: Возвешено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 212 об.).
23. ГПБ. Собр. А. А. Титова, № 3985, конец XVII в., 4°, лл. 1—185 об.
Заглавие: Сказание вкратце о первом зачале царства Казанского... (л. 1).
Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1).
Окончание: Возвешено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 185 об.).
24. ГПБ. Q. IV. 81, конец XVII в., 4°, лл. 2—239.
Заглавие: Сказание вкратце о начале царства Казанского и о брани, и о победах великих князей московских со царьми казанскими, и о взятии того же царства Казанского (л. 2).
Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 3).
Окончание: Возвешено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 239).
25. ГПБ. Q. IV. 414, сборник конца XVII в., 4°, лл. 1—349.
Заглавие: Сказание вкратце о первом зачале царства Казанского... (л. 1).
Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1).
Окончание: Возвешено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 349).
26. ГПБ. Q. XVII. 65, конец XVII в., 4°, лл. 1—215 об.
Заглавие: Сказание вкратце о первом зачале царства Казанского... (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1).

Окончание: Возвещено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 215 об.).

27. ГИМ. Собр. И. Е. Забелина, № 181, конец XVII в., 4°, лл. 1—164.

Заглавие: Книга, глаголемая история о Казанском царстве. Сказание вкратце о начале царства Казанского и о брани, и о победах великих князей московских со царями казанскими, и о взятии царя казанского (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 1).

Окончание: Возвещено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 164).

28. ГИМ. Музейное собр., № 1600, конец XVII в., 4°, лл. 1—125.

Заглавие: История о Казанском царствии (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 1).

Окончание: Царевич же Иван у кормилицы на коленях (л. 125).

29. ГПБ. Собр. П. Н. Тиханова, № 205, конец XVII в., 4°, лл. 9—218.

Заглавие: Предисловие на книгу, глаголемую История (л. 9).

Начало: великий Андрей Юрьевич Владимирский и в конечном запустение придаде и болгар тех под себя покоря (л. 11).

Окончание: Возвещено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 218).

30. ГПБ. Q. IV. 173, конец XVII в., 4°, лл. 1—312.

Заглавие: История вкратце о Казанском царствии (л. 1).

Начало: Бысть убо от начала Руския земля (л. 10 об.).

Окончание: Возвещено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 312).

31. АИИ. Собр. Н. П. Лихачева, № 102, нач. XVIII в., 4°, лл. 1—78 об.

Заглавие: История о Казанском царстве (л. 1).

Начало: Бысть убо от начала святоруския земля (л. 1).

Окончание: Возвещено же бысть о сем и самому царю и великому князю всеа Росии (л. 78 об.).

32. ГИМ. Собр. А. Д. Черткова, № 445, нач. XVIII в., 4°, лл. 9—109 об.

Заглавия нет.

Начало: великая наша земля свободися от ярма (л. 9).

Окончание: Возвещено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 109 об.).

33. ГИМ. Собр. И. Е. Забелина, № 182, нач. XVIII в., 4°, лл. 6 об.—149 об.

Заглавие: Книга, глаголемая история о Казанском царстве. Сказание вкратце о первом начале царства Казанского... (л. 6 об.).

Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 6 об.).

Окончание: Возвещено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 149 об.).

34. ГИМ. Собр. И. Е. Забелина, № 183, нач. XVIII в., 4°, лл. 37—125 об.

Заглавия нет.

Начало: корысти ими медвяной чаши царева (л. 37).

Окончание: Возвещено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 125 об.).

35. ГИМ. Музейное собр., № 2904, нач. XVIII в., в лист, лл. 71 об.—128.
Заглавие: Книга, глаголемая История о Казанском царстве. Сказание вкратце о начале царства казанского, како и откуда, в которое время зачаса (л. 71 об.).
Начало: Бысть убо от начала земля Руския (л. 71 об.).
Окончание: всем един восприемник бысть благочестивый преосвященный Макарий митрополит московский и всеа Руси (л. 128).
36. БАН. Собр. Воронцовых, № 22 (34. 5. 37), нач. XVIII в., в лист, лл. 4—154 об.
Заглавие: Сказание вкратце о первом начале царства Казанского... (л. 4).
Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 4).
Окончание: А прежде того бысть у них две тщери княжна Анна (л. 154 об.).
37. ГПБ. Эрмитажное собр., № 375, сборник нач. XVIII в., 4°, лл. 1—230.
Заглавие: Сказание вкратце о первом зачале царства Казанского... (л. 1).
Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1).
Окончание: Возвещено же бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 230).
38. ГПБ. Q. IV. 217, сборник нач. XVIII в., 4°, лл. 140—392.
Заглавие: Сказание вкратце о начале Казанского царства... (л. 140).
Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 140).
Окончание: Возвещено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 392).
39. ГПБ. Q. XVII. 78, нач. XVIII в., 4°, лл. 1—228.
Заглавие: Сказание вкратце о начале царства Казанского... (л. 1).
Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 1).
Окончание: Возвещено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 228).
40. ГПБ. Собр. Н. М. Карамзина, F. IV. 858, нач. XVIII в., в лист, лл. 1—74 об.
Заглавие: Сказание о царстве Казанском (л. 1).
Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1).
Окончание: Возвещено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 74 об.).
41. ГПБ. Эрмитажное собр., № 374/3, сборник нач. XVIII в., в лист, лл. 1—138 об.
Заглавие: Книга, глаголемая История о Казанском царствии. Сказание вкратце о начале царства Казанского, како и откуда и в которые лета начаса, и о победах великих князей московских с царями казанскими и о взятии царства Казанского (л. 1).
Начало: Благословенным царем и великим князем Иваном Васильевичем всеа великия Росии самодержцем красныя убо новыя повести сея (л. 6).
Окончание: Возвещено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 138 об.).
42. ГПБ. F. XVII. 15/8, нач. XVIII в., в лист, лл. 1—191 об.
Заглавие: Сказание вкратце о первом зачале царства Казанского... (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1).

Окончание: Возвещено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 191 об.).

43. АИИ. Собр. рукописн. книг, № 96, нач. XVIII в., в лист, лл. 1—140.
Заглавие: Сказание вкратце о начале царства Казанского... (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 1).

Окончание: Возвещено же бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 140).

44. АИИ. Собр. рукописн. книг, № 542, серед. XVIII в., 4°, лл. 12—134 об.

Заглавие: Сказание вкратце о зачале царства Казанского... (л. 12).

Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 12).

Окончание: Возвещено же бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 134 об.).

45. ГИМ. Музейное собр., № 3693, сборник серед. XVIII в., в лист, лл. 91 об.—183 об.

Заглавие: Сказание вкратце о зачале царства Казанского... (л. 91 об.).

Начало: Бысть убо от начала Руския земля (л. 92).

Окончание: Возвещено бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 183 об.).

46. ГИМ. Собр. Е. В. Барсова, № 1833, серед. XVIII в., 4°, лл. 1—192 об.

Заглавие: Сказание вкратце о начале царства Казанского... (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1).

Окончание: вси же ту видящии дивляхуся и славяще богу. Возвещено же бысть чудо сие и самому царю и великому князю (л. 192 об.).

47. ГИМ. Собр. А. Д. Черткова, № 185, конец XVIII в., 4°, лл. 1—154.

Заглавие: История о Казанском царстве (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1).

Окончание: Возвещено бысть чудо сие (л. 154).

48. АИИ. Собр. Н. П. Лихачева, № 524, нач. XIX в., в лист, лл. 8—178.

Заглавие нет.

Начало: Земли рустей нигде же точию и красотою и крепостию и угодием человеческим (л. 8).

Окончание: Восприемник бысть святыя купели преосвященный Макарий митрополит московский и всея Росие (л. 178).

Третья группа

49. МГУ. № 134, конец XVII в., 8°, лл. 1—242 об.

Заглавие: История о Казанском царстве (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1).

Окончание: Поставлен бысть храм на Москве (л. 242 об.).

50. ИРЛИ. Собр. В. Н. Перетца, Q. 135-II, конец XVII в., 4°, лл. 1—256 об.

Заглавие: Сказание вкратце о начале царства Казанского и о брани, и о победах великих князей московских со царями казанскими, и о взятии царства Казанского благо-

верным царем и великим князем Иваном Васильевичем всеа Руси самодержцем (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 2).

Окончание: казанския ради победы во имя Покрова пречистыя богородицы со многими пределы против Фроловских ворот (л. 256).

51. ГПБ. Q. IV. 374, сборник серед. XVII в., 4°, лл. 1—231.

Заглавие: Сказание вкратце о начале царства Казанского... (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1).

Окончание: святого Григория великия Армении, святых патриархов Александра и Ивана и Павла нового и Василия Блаженного (л. 231).

52. ГИМ. Музейное собр., № 2055, нач. XVIII в., 4°, лл. 1—90.

Заглавие: История о Казанском царстве (л. 1).

Начало: Бысть убо от начала Руская земля (л. 1).

Окончание: Тогда же в Москве казанския ради победы поставлен пречудный (л. 90).

Четвертая группа

53. ГИМ. Музейное собр., № 1477, нач. XVII в., 4°, лл. 1—208.

Заглавие: Книга, глаголемая История казанская. Сказание вкратце о начале царства Казанского, како и откуда и в которые лета начася, и о брани, и о победах великих князей московских со царьми казанскими, и о взятии царства Казанского благоверным великим царем и великим князем Иоанном Васильевичем всеа великия России самодержцем (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 1 об.).

Окончание: В то же лето царь Мамширей (л. 208).

54. ГИМ. Музейное собр., № 1044, нач. XVIII в., в лист, лл. 1—104 об.

Заглавие: нет.

Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1 об.).

Окончание: И положено бысть тело его в Казани в месте сокровенне на лесу на старом кладбище русском (л. 104 об.).

55. БЛ. Собр. Н. С. Тихонравова, № 119, сборник нач. XVIII в., в лист, лл. 82—189 об.

Заглавие: Книга, глаголемая История о Казанском царствии. Сказание вкратце о начале царства Казанского, о победах великих князей московских со царьми казанскими и о взятии царства Казанского (л. 82).

Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 82).

Окончание: Потом же и инии мнози от неверных крестятся от казанских и от крымских, и от астраханских, и от татар, и от черемис (л. 189 об.).

56. АИИ. Собр. Н. П. Лихачева, № 93, нач. XVIII в., 4°, лл. 1—68 об.

Заглавие: Сказание вкратце о зачале царства Казанского... (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 1).

Окончание: Крестися тайно (л. 68 об.).

Пятая группа

57. ГПБ. Q. IV. 156, сборник нач. XVII в., 4°, лл. 209—447.

Заглавие: Книга, глаголемая История о Казанском царстве. Сказание вкратце от начала царства Казанского и о брани, и о победах великих князей московских со царьми казанскими, и о взятии царства Казанского благоверным царем и великим князем Иоанном Васильевичем, всея великия России самодержцем (л. 209).

Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 209).

Окончание: И постави архиепископом града Казани и Свяжскому монастырю из старцев благородных архимандрита (л. 447).

58. ГИМ. Собр. Е. В. Барсова, № 1834, нач. XVIII в., в лист, лл. 1—89.

Заглавие: Сказание вкратце о первом начале царства Казанского. . . (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1).

Окончание: Грамоты ко царю и великому князю (л. 89).

59. ГИМ. Собр. А. Д. Черткова, № 116, нач. XVIII в., в лист, лл. 1—87 об.

Заглавие: Сказание вкратце о первом начале царства Казанского. . . (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1).

Окончание: Лета 7063 (1555) сей наказ архиепископа казанского архирея Михалка Васильев сын получил (л. 87 об.).

60. АИИ. Собр. рукописн. книг, № 544, нач. XIX в., 4°, лл. 1—137.

Заглавие: Книга, глаголемая История о Казанском царстве, како и откуда и в которая лета начася, и о победах (л. 1).

Начало: Красныя и новыя повести сея (л. 1).

Окончание: Сей наказ архиепископа казанского привез Михайло Васильев сын Колупаев. Конец и богу слава (л. 137).

Шестая группа

61. БЛ. Собр. Н. А. Никифорова, № 304, сборник конца XVII в., 4°, лл. 13—151 об.

Заглавие: О зачале царства Казанского и о бранех, и о победах, и откуда исперва, и в кая лета, и како бысть почася, и о бывшия великих победах с великими нашими держава (л. 13).

Начало: Бысть убо от начала Руския земля иже на не стоит град Казань (л. 13).

Окончание: Свещу на светиле истинную православную веру и тою нас всех просвети от прелести дьявола свободи целомудренный же (л. 151 об.).

62. БЛ. Собр. Н. П. Румянцева, № 523—525, конец XVII в., 4°, лл. 1—160 об.

Заглавие: Книга, глаголемая История казанская (л. 1).

Начало: Красныя убо новыя повести сея (л. 5).

Окончание: Освящена бысть сия книга 7190 (1682) года (л. 160 об.).

63. ГИМ. Собр. И. Е. Забелина, № 501, конец XVII в., 4°, лл. 1—275.

Заглавие: История царства Казанского (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 1).

Окончание: Родися государь царевич князь Дмитрий Иванович Углицкой лета 7091 года октября в 9 день. Убиение писано вверх (л. 275).

64. АИИ. Собр. рукописн. книг, № 142, сборник нач. XVIII в., 4°, лл. 142—217 об.

Заглавие: Сказание вкратце о зачале царства Казанского... (л. 142).

Начало: Красныя убо и новыя повести сея (л. 142).

Окончание: И славяще собравшего их вкупе создателя своего всещедрого бога в тройцы славимаго отца и сына и святого духа ныне и присно и во веки веков. Аминь (л. 217 об.).

65. БЛ. Собр. Н. С. Тихонравова, № 123, нач. XVIII в., в лист, лл. 1—79.

Заглавие: Сказание вкратце о зачале царства Казанского... (л. 1).

Начало: Красныя убо и новыя сея повести (л. 1).

Окончание: всякому бо есть зело благому дарует начало и конец. Ему же слава и ныне и присно и во веки веков. Аминь (л. 79).

Седьмая группа

66. ГПБ. Собр. П. Н. Тиханова, № 205, сборник серед. XVII в., 4°, лл. 2—188.

Заглавия нет.

Начало: О втором начале царства Казанского (л. 2).

Окончание: подвизаетесь святых ради церквей и веры христианския. Сия бо смерть (л. 188).

67. БАН. Текущ. поступлен., № 230, серед. XVII в., 4°, лл. 7—132 об.

Заглавие: История о взятии Казани (л. 7).

Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 7).

Окончание: и егда приеде благоверный царь на ям, зовомый Судогда (л. 132 об.).

68. ГПБ. Q. XVII. 322, сборник 60—70 гг. XVII в., 4°, лл. 307 об.—468.

Заглавие: Сказание вкратце о начале царства Казанского... (л. 307 об.).

Начало: Красныя убо и новыя повести (л. 307 об.).

Окончание: Идый же на Казань крымского царя Девлет-Кирия прогна, пришедшаго тогда со многими силами аки хотя поглотити православие (л. 468).

69. ГПБ. Собр. А. А. Титова, № 2173, конец XVII в., 4°, лл. 1—62 об.

Заглавия нет.

Начало: Обходя и любя его и недомышляшеся (л. 1).

Окончание: первый бо устраши (л. 62 об.).

70. ГПБ. Собр. А. А. Титова, № 4288, сборник конца XVII в., лл. 223—228.

Заглавия нет.

Начало: О утешных глаголах воевод ко царице, и о провозжани ея от народа казанского (л. 223).

Окончание: О пошестве в Казань царя Шигалея (л. 228).

71. ГИМ. Собр. М. П. Вострякова, № 962, сборник нач. XVIII в., 4°, лл. 17—213.

Заглавия нет.

Начало: угодия полно по всей нашей земли рустей (л. 17).

Окончание: Милостивый же господь бог молитвам угодника своего послуша: абие отъят скорбь от сердец их благодаросни (л. 213).

72. ГИМ. Собр. Е. В. Барсова, № 1831, нач. XVIII в., 4°, лл. 7—338 об.

Заглавие: Сказание вкратце о первом зачале царства Казанского... (л. 7).

Начало: Красныя убо и новыя повести сия (л. 7).

Окончание: храброго стратига Михаила Ивановича (л. 338 об.).

73. ГПБ. Собр. А. А. Титова, № 2017, нач. XVIII в., 4°, лл. 57—203 об.

Заглавия нет.

Начало: яко злато в горниле в бедах искусяся (л. 57).

Окончание: насакаху и эле сечахуся христьянские людие божиею милостию и пречистыя богородицы (л. 203 об.).

74. ГПБ. Собр. А. А. Титова, № 2709, нач. XVIII в., 4°, л. 1—24 об.

Заглавия нет.

Начало: И посла Улуахмет (л. 1).

Окончание: О третьем послани воевод московских к Казани и о взятии казанского большаго острога (л. 24 об.).

75. АИИ. Собр. рукописи. книг, № 145, серед. XVIII в., 4°, лл. 62—198 об.

Заглавия нет.

Начало: и взятые грады до основания раскопа (л. 62).

Окончание: Царь же князь великий слышав реченная о царя Шихалее, про все дело (л. 198 об.).

ИЗДАНИЯ

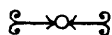
1. История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам. В Санктпетербурге. Изданием Императорской Академии Наук, 1791 г. — Издана „Казанская история“ по двум спискам бывшей Библиотеки Московского Главного Архива № 71 и № 74 (ныне ЦГАДА). Список № 71 взят за основу, варианты приведены по списку № 74. Оба списка принадлежат позднейшей редакции „Казанской истории“.

2. Сказание о зачатии царства Казанского. Изд. Ф. Т. Васильева, Казань, 1902. — „Казанская история“ издана по одному списку позднейшей редакции.

3. История о Казанском царстве или Казанский Летописец. Полное собрание русских летописей, т. XIX, СПб., 1903. — Издание, подготовленное Г. З. Кунцевичем, состоит из двух частей: первая редакция приводится по трем спискам; позднейшая редакция (по классификации Г. З. Кунцевича — III) по семи спискам.

КАЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ

ТЕКСТ

СКАЗАНИЕ ВКРАТЦЕ ОТ НАЧАЛА ЦАРСТВА л. 2
КАЗАНСКАГО И О БРАНЕХ, И О ПОБЕДАХ ВЕЛИКИХ
КНЯЗЕЙ МОСКОВСКИХ СО ЦАРИ КАЗАНЬСКИМИ,
И О ВЗЯТИЕ ЦАРСТВА КАЗАНИ, ЕЖЕ НОВО БЫСТЬ*

Красныя убо новыя повести сия достоит нам радостно послушати, о христоименитии людие, яже содеяшася преславная дела в нашей земли и во дни наша, в лета [преславного и благочестиваго и державнаго царя и великаго князя Иоанна Васильевича, богом возлюбленнаго и богом избраннаго, и богом венчаннаго, глаголю же владимирскаго и московскаго и всеа великия Росии самодержца. Ему же дарова бог всемирную победу и славное одоление на презлое царство срадынское, на предивную Казань, правые ради его веры, еже во Христа.] Но молю вас, о боголюбцы, не позазрети грубости моя. О любви христове поизреши чаем бех, и покусихся не || ведущим сего по нас людем в род ин писанием л. 2 об. изъявитися разумно маловедомых мною от начала Казанскаго царства, откуда исперва, и в кая лета, и како быти почася, и о бывших великих победах с великими нашими самодержцы московскими. Яко да прочетше братия наша, воины, от скорби своя применятся, а простые же возвеселятся и прославят бога Иисуса Христа, и разумеют вси дивная чюдеса его и великия милости, еже подает истинным рабом своим верным. Начну же сице. Вы же внимайте себе разумно сладкия повести сия.

* В настоящем издании „Казанской истории“ допущены следующие упрощения орфографии подлинника: ук — у; омега — о; фита — ф; юс малый — я; и десятиричное — и; ять — е. Выносные буквы внесены в строку, титла раскрыты. Пунктуация современная. В круглых скобках помещены, под арабской цифрой, исправления явных описок и ошибок основного текста: исправления сделаны на основе остальных списков первой редакции. В прямых скобках, под римской цифрой, печатается по списку II текст, отсутствующий в основном списке.

¹ Текст, заключенный в прямые скобки, печатается по списку II.

Сия строение о Казанском царстве

- л. 3 Бысть убо от начала Руския земли, яко же поведают Русь и варвари, все то "Руская земля была едина, идеже ныне стоит град Казань", продолжающесе в долину с единого от Нова града Нижнего на восток, по обою странам великия реки Волги вниз и до болгарьских ¹(рубежов) и до Камы реки, в ширину на полуношие до Вятцкия, рече, земля и до Пермския, на полудние до половецких предел, — все же то держава и область Киевская и Владимирская, по тех же ныне Московская. Живяху же за Камою рекою, в части земля
- л. 3 об. своя, болгарския князи и варвари, владеюще || поганым языком черемиским, незнающе бога и никоого же закона имуще, обоима же бяху служаще ни дани дающе Рускому царьству до Батыя царя. О первом зачале царства Казанского, в кое время, како зачаса, и не обретох в летописцех русских, но мало в казанских видех. И много же речью пытах и от искуснейших людей русских: ин глаголаше тако, ин глаголаше инак, ни един же ведая истинны. Грех ради моих случи ми ся плененну быти варвари и сведенну быти в Казань. И даша мя царю казанскому в дарех Сапкирею. И взят мя царь
- л. 4 с любовью || к себе служити, во двор свои постави мя пред лицом своим стояти. И быв тамо 20 лет. Во взятие же казанское изыдох ис Казани на имя царево московского. Царь же мя крести, вере христове причте и мало земли ми уделом дасть. И нача служити ему верно. Мне же, живущи в Казани, часто и прилежно от царя во веселии пытающи ми премудрейших и честнейших казанцев — бе бо царь по премногу зная мя, и любя мя; велможи же его паче меры брежаху мя. И слышах словом от самого царя изо уст
- л. 4 об. многажды || и от велмож его. Аминь рече.
- л. 135 ¶Рекоста ми сиде: яко двадцать лет мину ⁶по Батые царев, пленившем вашу Рускую землю, и по взятии от него великаго столнаго и славнаго града рускаго Владимира и со всеми его благими узорочьи, и ⁶по убиении великаго князя Георгия Всеволодича⁶ Владимирскаго и со всема сынъми его и з братаничи, и со многими рускими князьми. И прият по нем в Нове граде великое княжение Рускаго царства Владимирскаго Ярослав Всеволодич⁷, от Великаго Нова града пришед со осмью сынъми своими, владевшу ему тамошними людьми время некое. Остави же им в свое место княжити болшаго

¶ Доб. П, где этот эпизод озаглавлен: „О войне Батыеве на Русь и о взятии великаго града стольного Владимира, и о порабождении великих князей русских“.

сына своего Александра. И бе той князь Александр силен и славен в Руси и во многих странах. И егда прииде оттуду великий князь Ярослав Всеволодичь и виде стольный свой великий град Владимир погаными взят и весь начисто огнем попаден и хитрая его здания вся разрушишася, и красота его вся погибша, и брата своего, великаго князя Георгия Всеволодича убита и с первопрестольным тогдашним, иже нареченным митрополитом Антонием, и со всем священническим чином. И восплакася в горести своего сердца и рече: „Господи, вседержителю и творче всеа твари, видимых || и невидимых, сие ли угодно твоему человеколюбию, л. 135 об. да стадо, еже ценою искупи своею кровию, и сих предал еси кровопийцем и сыроядцам и поганым человеком сим, зверин нрав имущим, и не знающим тебе, истиннаго бога нашего, ни страха твоего никогда же имущим. Увы мне, господи, священники твоя заклаша, им же не достоин весь мир, олтари твоя раскопаша, и святая твоя в попрание скверными ногами их быша. И всех людей твоих острия меча поразиша. И остах аз един, и ищут мене поглотити. Но избави мя, господи, от рук их и спаси души раб своих, избивенных от безбожных, имени твоего ради, покой со святыми во царствии твоем, и помилуй, ими же веси судьбами, и спаси их, яко человеколюбец“. И предаде всех земному погребению честне. А сам живяше во граде Переяславле, иже ныне зовется Залеской, доколе обновляше град Владимир, во утеснении и в великом неустроении и мятежи земли своей. Осироте бо тогда и обнища великая наша Руская земля, и отъяся слава и честь ея, но не вовеки, и поработися богомерску царю и лукавейшю паче всея земли. И предана бысть яко Иерусалим в наказание Навходоносору, царю Вавилонскому, яко да тем смирится. || И от того времени обложися и нача великий л. 136 князь Ярослав Всеволодичь Владимирский царю Батыю в Златую Орду дани давати, и изнеможение видя людей своих и конечныя ради гибели земли своей опустение, еще же и, злобы царевы бояся, и влаstem его дары дающе, насилия терпети не могуще. По нем же державнии наши рустии сынове и внуцы его много лет выходы и оброки даваху царем в Золотую Орду, и повинующеся им, и приимаху власть от них вси, ни по колену, ни по роду, но яко кто хочет, и как которого царь возлюбит. Бысть же злогордая та и великая власть варварская над Рускою землею от батыива времени по царство тоя Златая Орды царя Ахмата, сына Зеледсалтанова, и по благочестиваго великаго князя Иоанна Васильевича московскаго, иже взя и поработи под ся великий Нов град.

- л. 142 О великом князе Ярославе, и о поновлении русских градов от него, и о поучении его людем своим, и о вставшем паки мятеже на Рускую землю от Саина царя ординьскаго

Великому же князю Ярославу Всеволодичу живущу в смятении людей своих, и проходящу грады и села своя, и населяше их жители, и поновляше грады стенами, разоренныя от Батыя, и посаждаше в них жители. И облегчеваше даньми и оброки жителей сельских и градских. И утешаше людей своих не малодушествовати от мимошедших скорбех великих, нанесеных от поганных, и не отчаятися милости божии и уповати на господя, всеми сотворенными своими пекущагося и дающаго пищу на всяк день скотом и птицам, и рыбам, и гадам, ни тех забывающа. Кольми же паче раб своих верных забыти имать, по образу сотворенных: и ни един влас главы нашея без веления его не погибнет, неже человек или кая земля или град. Посылает бо бог на нас всякия скорби и беды спасения ради нашего, и казнит нас иногда нахождением поганных, иногда же мором, иногда же голодом и пожаром. Тем же отец наш небесный за грехи наши к

- л. 142 об. покаянию приводит нас, яко да и прочии || оставльшиеся люде страха его имети накажутся. И аще с радостию сия наказания от него приемлем, и не похуляще его, то спасени бываем. Силен бо есть господь и паче перваго помиловати нас, и той нас избавит от враг наших и вся советы их неправедныя расторгнет. И сидевыми словесы многими укрепляше народ и тако всегда поучаше люди своя великий князь Ярослав Всеволодичъ, и потребная комуждо им подаваше, и всячески утешаше их, яко чад своих любимых. Сам бо тогда также не зело богат, яко же и людие. Первому бо мятежу обдержашу Рускую землю и еще належащу не утешившимися людем, и вторыи воздвизашеся паче перваго и болши сторицею сугубо. По смерти же царя Батыя, убиту ему бывшу от югорскаго короля Владислава у столнаго града его у Радиана, и "наста иный царь на царство его, Саин именем", первый по Батые царство прием. Наши же державнии оплошишася и позакоснеша к нему ити во Орду и смириться с ним. И подняся царь Саин ординский ити на Рускую землю с темными своими силами. И поиде яко и Батый царь, до конца попленити ю за презрение к нему от державных русских. Державнии же наши идоша в Болгары ко дарю || и ту его встретиша и утолиша его великими многими дарми. И остана царь Саин пленити Руския земли и восхоте

близ ея на кочевиих своем, где вспятися на Русь ити, поставити град на славу имени своего, и на приезд и на опочивание послом его, по дань ходящим на Русь на всякое лето и на земскую управу.]

О первом начале Казанском царстве, и о местном угодые, и о змийском жилище. Глава 1 л. 4 об.

Бысть же на Каме на реке старый град, именем Брягов, оттуду же прииде царь, именем Саин Болгарский. И поискав по местом проходя в лета 6685 (1177 г.) и обрете место на Волге, на самой украине русской, на сей стране Камы реки, концем прилежаху к Болгарской земли, другим же концем к Вятке и к Перме. Место пренарочито и красно велми, и скотопажитно, и пчелисто, и всяцemi земными семьяны родимо, и овощми преизобилно, и зверисто, || и рыбно, и всякого угодыа много, яко не мощно обрести другаго такова места во всей Руской нашей земли нигдеже таковому подобно месту красотою и крепостию и угодием человеческим, не вем же, аще есть будет в чюжих землях. И велми царь за то возлюбил Саин Болгарьский. И глаголют мнози нещии, прежде место быти издавна гнездо змиево, во всем жителем земля тоя знаемых. Живяше ту возгнездився змий велик и страшен о дву главу: едину имея змиеву, а другую главу волову. Единою пожираше человеки и скоты и звери, а другою || главою траву л. 5 об. ядыа. А иныя змии около его лежаше, живяху с ним всяцemi образы. Тем же не можаху человецы близ места того миновати, свистания ради змиина и точения их, но далече инем путем обхожаху. Царь же, по многи дни зря места того, обходя и любя его, и не домышляшеся, како извести змия того от гнезда своего, яко да того ради будет град крепок и славен везде. Изыскався в воех его сице волхв хитр и рече царю: „Аз змия уморю и место очищу“. Царь же рад бысть и обещася ему царь нечто дати велико, || аще тако л. 6 сотвориши. И собра обояльник волшением своим вся живущя змия те от века в месте том к великому змию во едину грамаду согна и всех чертою очерти, да не излезет из нея ни едина змия, и бесовским действием всех умори. И обволоче кругом сеном и тростием, и древием, и лозием сухим многим. И полиав серою и смолою, и зажже огнем, и попали, и пожже вся змия, великаго и малыа, яко быти от того велику смраду змиину по всей земли той, и проливающе впредь хотяще быти от окаяннаго царя злое содеяние проклятыа его || веры срадынския. Мнозем же от вои его умрети от л. 6 об.

- лютаго смрада змиина. Близ того места стояху кони и верблюды его и мнози падоша. И сим образом очисти место то. Царь возгради на месте том Казань, никому же от державных Руси смеюще супротив что рещи. И есть град Казань, стоит и доныне, всеми рускими людьми видим и знаем есть, а не знающими слышим есть. Яко же преже сего на том месте вогнездися змий лют и токовище их, и воцарися во граде скверный царь, нечестия своего великим гневом наполнив^а, и распалашеся яко огонь, во ярости на || крестияны, и разгарашеся яко огонь, пламенными усты устрашая, и похищая, и поглощая, яко овца, смиренныя люди руския в прележати^х всех близ живущая около Казани, изгна от нея русь-тоземца, и три лета землю ту пусту положи. И наведе из-за Камы реки язык лют и поган, болгарскую чернь со князи их и со старейшинами и многу ему сущу, ибо подобну суровством и обычаем злым, песьим главам, самоедом. Наполни такими людьми землю ту еже ина черемиса, зовемая отяки, тое же глаголют ростовскую чернь, забежавши та от креще||
- л. 7 об. ния рускаго в болгарских жилищах, и приложи х Казани царь болгарския грады, обладаютя царем казанским. То бо бе преже земля болгарець малых за Камою, промеж великия реки Волги и Белыя Волжки до великия Орды Нагайския. А большия болгары на Дунае. Ту же был на Каме старый град, именем Брягов болгарский, ныне же градище пусто, его же первое взя князь великий Андрей Юревичь Владимирский и в конечнее запустение преда, а болгар тех под себе покори. А балыматы от болгар тех яко 20 поприщ^ь.
- л. 8. И даде тот же князь великий повоева. И бысть||Казань столный град, вместо Брягова. И вскоре нова орда и земля благоплодна, и семенита, и именита, и медом кипяща, и млеком и дашася во одержание и власть и в наследие поганым. "И от сего царя Саица преже зачася Казань, и словяше юрт Саинов". И любяше царь, и часто сам от столнаго своего града Сарая приходяше и живяше в нем. И остави по себе на новом месте, юрте своей, царя от колена своего князя с воиями. По том же царе Саине мнози цари, кровопивцы, руския люди губили, и прменяющеся царьствовав же в Казани лета многа.
- л. 8 об. О первом взятии Казани, и о инех градах болгарских, и о воевании великия Орды Златыя.

Глава 2

⁶На ню же первое ходи князь Юри Дмитриевич⁶ в лета 6900 (1392 г.) послан братом своим, великим князем Василием Дмитриевичем. Тот шед взя грады болгарския, по Волге

стояще, Казань, и Болгары, Жюкотин, Керемenchюк и Златую Орду повоева по совету "крымского царя Азигирея" и вся те грады до основания раскопа, а царя казанского и со царицами своими в ярости своей мечем уби и всех срадын з женами и з детми их и живущих || во граде присече. И землю варвар- л. 9
скую поплени и здрав с победою восвоеси возвратися. И на мало время смирися Казань и укротися, и охуде, и стояще пуста 40 лет. Бяше бо умирися крымский царь Азигирей с великим князем Василием, и повоеваше с ним заедино на брата своего, царя Златыя Орды на Зеледии салтана Тактамышевича: он полем, по суху войско свое посылалше, а князь великий Волгою посылалше в лодиях, а з другую страну, созади мангиты силныя стужаху, их же беша улусы качевныя на великой реке, на Яике, и еже течет || во Хвалим- л. 9 об.
ское море, прямо Бухаром. И тако бысть отвсяду зло угнетение Златой Орде оной при нем первое тогда, после же от великаго князя Иванна второе же; при нем от тех же мангит до конца запусте, яко же прежде речеса. И вселишася в Большой Орде нагаи и мангиты, из-за Яика пришедше, иже и донныне в тех улусех качуют, живуще с великими князи московскими в миру, ничим же их обидяще.

О изгнание царя Златыя Орды, и о смирение его, и о бранех, и о победах с великим князем московским. Глава 3

И в то же время во едино спустя || по умертвии Зеледии-сал- л. 10
тана, царя Великия Орды, 18 лет, а по взятие казанstem от князя Юрья 30 лет, и се гоним прибежа с восточныя страны, тоя же Болшия Орды Золотыя ^бименем царь Улуахмет^б, в мале дружины своей, изгнан сый и со царицами своими и з детми от великаго Едегея стараго, князя заяцкого, и царства своего лишен и мало от него смерти не прия. И ношь бе и день бе скитаяся в поле, и преходя от места на место, и лето ища покоя, где бы вселитися не обретаще. И не смеяше бо ни ко единой || их стране приблизитися, ни к единой державе, л. 10 об.
но так бо между ими, сюду и сюду, по полю волочася, яко хищник и разбойник. И приближися к пределом руским, и посла моление и смирение к великому князю Василию Васильевичю московскому, в шестое лето великаго княжения его, в десятое же лето царства своего, не рабом, но господином и любимым сыном и братом себе имянуя его, яко да повелит ему невозбранно на пределе своя земля мало время починути от труда своего, и собратися з градными своими многими вои

- л. 11 и возвратитися || вскоре ^ана врага своего, на заяицкого князя Едегея^а, и согнаша его со Орды. И беша у того князя Едегея 70 сынов от тритцати жен, яко у меншаго сына быти воин до 10 000, и ради силы своея мангиты сильныя прозвашася, тем покарятися царю не восхотеша, и Орду Большую дерзнуша взяти. Князь же великий повеле, ни мало сперва возбрани царю, еже приблизитися к земле своей, но прият его с честью, не яко беглеца, яко царя и господина своего, и дарми его почти, друголюбие с ним велие сотвори, яко сын ко отцу, и брат или раб к господину своему. Но конец
- л. 11 об. зол совер||шися. От него же бо на великое княжение посажден бысть и с сыном своим названным, 10 лет царства своего не взымаше дани с него и оброков: надеяше бо ся его князь великий паче приятелства к себе имети, яко же он рече, любовь верну и дружбу велику. И не размыслив сего князь великий, яко волк и агнец вкупе не питаются, ни почивают, ни водворяются, но сердце единому уязвенно есть боязнию, яко един от них погибнет. И обещание и клятву между собою взяша царь и князь великий друг друга ничем озлобити, дондеже царь от земля Руская отступит. И даша
- л. 12 князь вели||кий царю в качевице Белевския места. Царь же ту качю и нача к себе збирати воя своя, хотя отомстити врагу своему, и здела себе ледян град, из реки волочя толстый лед, и осыпа снегом и водою поляше, бояся еще по себе гонения; стулы крепость ему бысть велика в нужное время. И отходя пленяши иныя земля чюжия, аки орел отлетая от гнезда своего далече пища себе искати. Князь же великий, слышав се и убояся, зело велми возмущашеся, в мысли своей мяташеся, и мнев, яко нача збирати воя на него царь и
- л. 12 об. хоцет || воевати Русьскую землю. И неким его ближним своим советником его и возмутившим его, и глаголаше бо ему: „Князь, великий государь, яко егда зверь утопает, тогда его и убити спешат. Аще ли на брег выпловет, то многих уязвит и сокрушит, да ли убиен будет или жив убежит“. Он же послушав горкаго совета его и всех советников своих, и посла посол свой и рече, да скоро отидет от земля его, не браняся. Он же моляшеся мало почити. Князь же великий паки с прещением грозя, и посла к нему второе и третье. Он же ни
- л. 13 мало послушав, но еще моляся || почити, не ведая на себе великаго князя войска, скоро готовящася и вооружающася, и мечи и брани обостряющася на него, но, смиряся, глаголаше: „Брате, господине мои, мало ми время помедли, яко в борзе имам поитти от земля твоея, никоего же зла тебе никакo сотворих, по обещанию нашему с тобою и по любви, но вперед

и до смерти моея, егда мя устроит бог и паки сести на царствии моем, рад есмь с тобою имети дружбу верну и любовь сердечну и незабытну. И еще же и сыновом моим прикажу по себе служить тебе и норовити по тебе и детям твоим, и рукописание тебе дам на себе, || и на сыны моя, и на внуцы за л. 13 об. печатми златыми, и дани и оброков у тебе не имати, ни земля твоя воевати не ходити, и не посылати. Или аще помыслю кое любо зло, мало или велико, на тебе, яко мниши ты, пребидети любовь твою, еже сотворил еси ко мне и напитав мя, яко просителя нища, и да будет бог твой убиваяи мя, в него же аз верую“.

О послании вои московских на царя и
о побьении от него вои московских. Глава 5

И виде его князь великий не слушающа, и добром и волею своею не хотяща отступить от земля держа||вы его, и словесем л. 14 и вере его обещанию, яко поган, не яти истинне быти, мнев веселяся глаголюща ему и лжуща, забыв его слова, яко покорное слово сокрушает кости, а смиренна сердца и сокрушенна бог не уничтожит. “И посла на царя брата своего князя Дмитрея Галицкаго, а прозвищем Шемяка, а с ним вооруженных вои 20 000, и посла оба князя тверския и рязанския”, а с ними по 10 000 своих вои, и всех вои 40 000, да шедше отженут царя от предел Руских. Он же, злыи царь, видев великаго князя, не повинующася молению его и смирению, и воя его уже готовы блиско идуща || к нему, и узрев царь, л. 14 об. и, не ведуща того ему, и посла тако же смирение к брату великаго князя, да не идет нань до утра, „яко прочь отступить хочу“. Он же тщащася скоро повеление брата своего исполнити, надеющася на силу свою. Царь же отложи чаяние от человека такова же смертна милости просити и возведе очи свои зверины на небо моляся, и ко церкви рустей притече, прилучи бо ся церкви ту стояща на пути, в некоем селе, прииде и припаде пред дверми храма и паде на землю у порога, и не смея вникти в ню, и вопия и плача со многими слезами и „Боже русский, — глаголя, — слышах о тебе, || яко милостив еси и л. 15 праведен; не на лице зриши человеком, но и правды сердца их испытуети. Виждь ныне скорбь и беду мою, и помози ми, буди нам истинный судя, и суди в правду меж мене и великим князем и обличи вину коегождо нас. И хочет бо он убить мя неповинна, яко обрете время подобно, и хочет неправедно погубить мя, бывшее слово обещание наше и клятву с ним соглаголав и преступив, и великое же брежение

- мое и прежнюю любовь к нему, аки любезному сыну, забыв, и виде мя в велицей напасти и беде утесняема зле и погибающа отовсюду. И не || ведаше бо себе аз ни в чем преступивша ему или солгавша“. И плакавшася бо много, стонав, и востав от земля от ницания своего мерскаго, и собрався с вой своими, и затворися во граде ледяном. И се борзо внезапно нападоша нань вой руская. Он же, мало бився оттуду и виде яко спешет ему дело, и тогда отвори врата градные и вседе на конь свой, и взя копье и оружие свое в руку, и поскретша зубы своими, яко дивии свирепый зверь, и ²гроз(н)о восвистав, яко страшный змий великий, ожесточив сердце
- л. 15 об. свое и воскипе злобою своею, и повиновашеся || и братом и господином называше великаго князя, и се брань против творяше, — яко лев ревый, яко змий страшно огнем дышуще от великия горести. И против многим воем руским напусти с войми с немногими с 3000 всех, 1000 от тех вооруженных ни дрогнув, но ни отбежав от великих вой московских, отчаявшася живота своего, а болши надеяся на бога, и на правду свою и храбрость, и на злое умение свое ратное. И егда сступився обоя вой, — увы мне, что реку — одолеша великаго князя, и поби всех русских вой в лета 6946 (1438 г.),
- л. 16 об. декабря в 5 день. И ошастася || токмо на том побоище от 40 000 вой от рати великаго князя, 8 его воевод с ним с немногими воины, бегающе по дебрям, и по стремнинам, и по лесу. И мало живых не яша и самех воевод; избави господь от сего. Покорение царя бог на смирение преложи, победы великаго князя нашего московского свирепосердия, яко да клятвы не преступают, аще и с поганым сотворяют. О блаженное смирение, яко не токмо нам, крестьяном, бог помогает, но и поганым по правде пособствует.

О втором начале Казаньском царстве,
о приходе казанскаго царя на руския
л. 17 грады, и о взятии во плен || великаго князя
Василья московскаго. Глава 6

Поганый же той царь, победив московская войска и обоимав, и обогатися велми, и повоева и поплени Руския пределы. И наполнився всякого добра рускаго до избытка своего, и вознесся сердцем, и возгордися умом. И токмо далече ни в кую же Орду не восхоте от предел русских отитти, но прииде на место от места того, с побоища, подале, на другую страну русских предел и украины, бояся великаго князя

аще тайно воя пошлет на него боле первых, и граду же ледяному от солнца растаявшу и крепости ему никакия имуще || и на сонных ношю нападут, и от него погинет сам царь л. 17 об. и воя его с ним. И шедше полем, перелезе Волгу, и засяде пустую Казань, Саинов юрт. И мало во граде живущих, и начя збиратися в Казань срачини и черемиса, развие по улусом казанским. И ради ему бысть изо оставшихся от плена худыя болгары. И молиша его казанцы быти ему заступника бедам их, и помощника от насилия, воевания рускаго, и быти царству строителя, да не до конца запустеют, и повинишася ему. Царь же вселися в жилищех их и постави себе деревянный град крепок || на новом месте, крепчаиша ста- л. 18 рого, недалече от старыя Казани, разоренныя от руския рати. И начаша збиратися ко царю мнози варвари от различных стран: от Златыя Орды, от Асторохани, и от Азова и от Крыма. И нача изнемогати ³(во) время то и Великая Орда усиляти Золотая, и укреплятися вместо Золотыя Орды Казань — новая Орда, запустевший Саинов юрт, кровию рускою кипя. И прииде царьская слава, и честь, и величество з Болшыя Орды и с старыя матери ордам всем — на прекорянную дщерь младую Казань. И паки же возрасте царство, аки древо измер||зшее от зимы, оживе, аки солнце л. 18 об. огреявше весне. От злаго древа, реку же от Златыя Орды, злая ветвь произыде — Казань и горкий плод изнесе; и второе зачася от другого царя ординьскаго.

И тот царь Улуахмет велию воздвиже брань и мятеж в Руской земли, паче всех первых царей казанских, от Саина царя бывших, понежи бе многокознен человек и огнен дерзости и велик телесем, и силен велми: отвсяду собра к себе воинственную силу и многи грады руския оступи, и всяко им озлобление тяжко наведе. И до самого доиде града Москвы, на другое лето Белев||ского побоища, июля 3 день пожже л. 19 около Москвы великия посады, и христианского люду иссече, и во плен сведе. Града же не взя, токмо дань на воя своя взяша, и прочь отиде. И умре в Казани со юншим своим сыном, со Егупом, оба ножем зарезаны от болшаго сына своего Мамотяка, и царствова на Казани 7 лет. И прият по нем царство Казанское сын его Мамотяк. От скорпии змии, от лва — лютый зверь, кровопийца же. Се же бысть отца своего злее на крестьяны воевати Руская земля, яко самого великаго князя Василия Васильевича — увы || всем л. 19 об. тогда, тайно пришед изгоном от Суздаля града, изыма, и вся сущая с ним войско побил в лета 6953 (1445 г.), июля в 6 день, и в Казань к себе сведе его. И держа у себе 14 месяц, не

в темнице, но проста бе посаждаху его с собою ясти, за единою трапезою си, и не скверниша его поганым своим ядением и питием, и кормляше его чистым брашном руским. И взял на нем окуп велик от велможь его, множество злата и серебра, и отпусти его к Москве на царство его. Милует бо варварин, видя державнаго зло страждуща.

л. 137 ^{III}[О взятии великаго Нова града от великаго князя Иоанна Васильевича, и похвала тому же великому князю

Новгородским бо людям не хотевшим его над собою имети и великим князем звати. Изначала же и исперва едино царство и едино государство, едина держава Руская: и поляне, и древляне, и новгородцы, и полочане, и волынiane, и подолье — то все едина Русь единому великому князю служаху, тому же и дани даваху и повиновяхуся киевскому и владимирскому. ^aОни же, неразумнии, приведоша себе, призвавше от Пруския земли, от варяг князя и самодержца и землю свою всю ему предаша^a, да владеет ими, яко же хошет. И в тыя же горкая батыива времена отвергошася они ига работнаго, видяще в державных русских нестроение и мятеж. И отступиша тогда и отделишася от Рускаго царства Владимирскаго. Осташа убо сии новгородцы от Батыя не воиванны, и не пленены: и дошед бо он за сто верст до Нова града и заступлением премудрости божии обратися вспять. И того ради ничтоже скорбных и бедных от него не прияша, тем же и возгордешася и восчаяшася, яко силни и богати, не ведуще, || яко господь богатит и смиряет и высит, гордых противится и смиренныя милует. Они же забывше своих великих князей владимирских презреше и преобидеша и ни во что же вмениша, и воиватися с ними почали, мало не како худе нечто помогающе серебром подаяху ему, во своей воли живуще и сами собою властвующе, и никому же покаряющеся. И паки надеющеся невегласи на богатство свое, а не на бога. И не воспомянуша апостола, глаголюща: „Братие, бога бойтеся, а князя почитайте, творяще пред ним всегда благо во страсе господни. Божий бо слуга есть и отмститель злым злое воздати тем же благим во благое; не туне бо меч носит в руках своих, но на противялющихся“. Еще же и верою христиане и подобием первым работы вернаго своего князя христианска быти не восхотеша, но держащаго латинскую

веру, короля литовского держателя себе восхотеша имети. Но аще не бы ускорил борзо ратию приити на них великий князь Иоанн Васильвичъ, богу его воздвигшу и пославшу за уничижение и их презрение к нему, яко Тита Римскаго царя Еуспасиянова сына разорити град Иерусалим и разсеяти жиды за беззаконие их по всей вселенней. Тако же || и ему покори л. 138 бог под работное его иго крепкия и жестокосердые люди новгородския тезоименитому своему слуге, благоверному и великому князю Иоанну Васильвичу Московскому. Он же, елико бе в людех тех крамольников болших, тех изыскав и избрав, и железы тяжкими окова их, и з женами, и по далним своим землям, и по селам расточи, и преселницы на земли чуждей быти их учини. И овех осуди горкою смертию умрети, не умевших жити в воли своей и великим началом самодержцем своим гордящихся. И сего ради благоверный сей великий князь Иоанн Васильвичъ восприят великое дерзновение, поборая по християнстей вере и презре и преобиде прещение царя Ахмата Златяя Орды и страх и боязнь всех варвар в плюновения худыя вменив и скрегчюще вооружися и мужествен ста противу неистовства царева и гордаго шатания, послов его от него не восхоте. И до конца отложи дани и оброки давати, ни сам во Орду приходит к нему поставления ради на великое княжение и своєю || державы и вотчины у царя л. 138 об. в честь просити, дающе дары великия и власти руския купити. При сем же царе Ахмате божиими судьбами до конца Большая Орда запусте, изведошася царие от родов своих образом сидевым.

О послех от царя пришедших к великому л. 139 князю московскому, и о ярости цареve на него и о грубости великаго князя на царя

“Царь Ахмат восприим царство Златяя Орды” по отце своем Зелети-салтане царе и посла к великому князю московскому Иоанну Васильвичу послы своя по старому обычаю отец своих и с парсуною басмою просити дани и оброков на прошлая лета. Великий же князь ни мало убояся страха царева, но “приим базму парсуну лица его, и плевав на ню^б, и излома ея, и на землю поверже, и потопта ногама своима. И гордых послов его избити повеле всех, пришедших к нему дерзостно. Единаго же отпусти жива, носяща вестъ ко царю, глаголя: „Яко же сотворих послом твоим, тако же имам и тебе сотворити, да престанеши, беззаконниче, от злаго начинания своего, жесточати нам“. Царь же, слышав сие, великою яростию

воспалився, огнем и гневом дыша, и прещением аки огнем. И рече князем своим: „Видите ли, что творит раб наш, како смеет противитися державе нашей безумный сий“. И собрав в велицей Орде всю свою силу срацынскую, не ведый никоих же враг пошества и востания на свою Орду, тем ни малы стражы в не остави запаса ради || и прииде на Русь к реце Угре в лета 6989 (1487 г.)-е, ноября в 1 день, хотя поглотити християнство все и царствующий град, преславную Москву взяти, яко же и царь Тактамыш лестию взял. Рек то: „Аще не возму жива великаго князя московского, и аще не приведу его связана и умучу горькими муками, то чему есть живу быти ми, и царская власть держати ми“. Слышав же князь великий неукротимое царво свирепство и собрася такожде со всею областью рускою и изыде без страха в лице нечестивому царю Ахмату, к той же реке Угре. И стояста оба об едину реку, Русь и срацыни. Та бо река многа места обходящи Руския земли с прихода пути поганных варвар, и могу то рещи — пояс самыя пречистыя богородицы, — аки твердь очищающи от поганных и защищающи Рускую землю. Царь же, видев великаго князя, мнимаго раба своего, в велицей силе против его изшедша небоязнено и стояше при реце со оружием, сердце его и главу мечем хотяше отсеци, и дивляшися толикому новому дерзновению его. И покушашеся многожды прелести реку ону во многих местех, и не можаше, воспрещением от рускаго воинства. || И совеща великий князь с воиводы своими добро дело, иже полза бысть ему великая, и по нем и детям и внуком его в веки. И „посылает отаи царя Златую Орду пленити служиваго своего царя Нурдорвлета Городецкаго, с ним же и воиводу князя Василиа Ноздроватаго Звенигородцкаго“ со многою силою, и доколе царь стояше на Руси, не ведущу ему сего. Они же Волгою в ладиях пришед на Орду и обретоша ю пусты, без людей, токмо в ней женский пол, и стар и млад. И тако ея поплениша жен и детей варварских и скот весь в полон взяша, иных же огню и воде и мечю предаша, и конечно хотеша юрт батыев разорити. Улан же царя Городецкаго и Обляз леств сотвори, глаголя царю своему: „Что твориши, о царю, яко нелепо есть тебе болшаго сего царства до конца разорити — от него же ты и сам родися, и мы все. И наша земля то есть и отец твой искони. Се повеленная пославшаго ны понемногу исполним, и довольно есть нам и поидем, егда како бог

л. 139 об.

л. 140

л. 140 об.

нашей не учиниша. Да тако же прежде реченное великаго князя войнство от Орды отступи.

О конечном запусении Златяя Орды,
и о царе ея, и о величестве Руския земли,
и о чести и красоте преславнаго
града Москвы

л. 141

И придоша нагаи, иже реченныя мангиты, по московском войнстве. И тии тако же останки ординския погубиша, и юрт царев разориша, и дарицу его побиша. И самому царю Ахмату встречу поидоша, преплывше Волгу. И сшедшеся с ним на поле чисте внезапно, много бившеся с ним. И одолевше, и паде ту войнство его. Ту же самого царя, наехав, убиша, узрев его, Ямгурчей мурза, и на костех его вструбиша. И тако скончашася цари ординстии, и таковым божиим промыслом погиге царство и власть великия Орды Златяя. И тогда великая наша Руская земля освободися от ярма и покорения бусурманскаго, и начат обновлятися, яко от зимы и на тихую весну прелагати. И взыде паки на преднее свое величество и благочестие, и доброту, яко же при велидем князи первом Владимире православном. Ей же премудрый царю Христе даждь расти, яко младенцу, и величатися, и разширятися, и всюде пребывати в муже совершенне, и до славнаго своего втораго пришествия, и до скончания века сего. || И возсия ныне стольный и преславный град Москва, яко второй л. 141 об. Киев, не усрамлюжеся и не буду виновен нареци того, — и третий новый великий Рим, провозсиявший в последняя лета, яко великое солнце в велицей нашей Руской земли, во всех градах, и во всех людех страны сея, красуюся и просвещаяся святыми божиими церквами, древянными же и каменными, яко видимое небо красящеся и светящеся, пестрыми звездами украшено и православием непозыблемо, христовою верою утвержено, и не поколебимо от злых еретика, возмущающих церковь божью о сих. Сице и первому слову да имемся, аще бог вразумит нас.]

О втором взятии казаньском, и о пленении
Алехамы царя со всеми его, и о посажении
Махметияна царя, и о сече крестьян
в Казани. Глава 7

л. 20

Сын же великаго князя Василия Иван восприя великое княжение Московское по смерти отца своего. Сей же взя великий Новгород со мноюю гордостью и буесловием и бую,

яко же впреди сказася, и Тверь, и Вятку, и Рязань, и вси русьстии князи поклонилася ему служити. И един овлада всеми скипетры рускими. ^{а. 20 об.} "И многи грады у полскаго короля отнял державы своея, завладена князем Гедеманом". || И бысть велика область Руская. И оттоле назвася державный князь великий московский.

По взятии же Великаго Нова града в 9 лето, по Тверском же взятии в 5 лето ^{а. 21} посла воевод своих на Казанское царьство с великим воинством за безчестие и срамоту отца своего, князя Данила Холмскаго, князя Александра Оболенскаго, князя Семиона Ряполовскаго⁶. "И встрече их казанский царь Алехам⁶ с татары своими на реке на Свияге. Бывшу же у них бою велику и поможе бог и святая богородица московским воеводам, и побиша ту многих казанцев: мало их || живых в Казань утече. И град затворити и осадити не успеха, и самого царя казанскаго Алехам жива яша руками, и с ними во град вшедша и яша мать его, и царицу его, и два брата его, и к Москве сведоша, и достальных казанцов покориша Московскому царству и повинных учиниша. И заточи князь великий царя и со царицею на Вологде, мать же цареву и со двема царевичами ея заточи на Беле озере. Тамо же в заточение умре царь, и мати его, и брат царев Мелегдар царевич. Другий же царевич остался жив. Того же изведе ^{а. 21 об.} из темницы, крести || и даша за него дщерь свою. И се в второе взята бысть Казань от Москвы, от начала ея, в лето 6995 (1487 г.), июля в 9 день, на память святаго священномученика Панкратия. "И посади на Казани служащаго своего царя Махметеминя Ибрегимовича⁷, и приехавших ис Казани к Москве ^{а. 22} из братом своим Абделевитом⁸ служити великому князю. И князь великий дасть ему в вотчину град Коширу, другому же брату иныя грады. Отъехалаша те царевичи от болшаго брата своего Алехам, царя казанскаго, разбранися ^{а. 22 об.} о некоторой вещи и не стерпев || ше от него обиды многия; они же подняша великаго князя Казань взяти, да не царьствует на Казани брат их един, смеяся ими и досаждая им. И по летех живша на Москве два царевича: Абделевит царевич умроша в срацынской своей вере, другой же царевич, изведен ис темницы, в веру христову крещен, именем Петр царевич зять бысть великаго князя. Того же царя князь великий посади Махметеминя на Казани царем. И взя за себя Махметеминь жену за себя сноху, болшаго брата своего царицу, Алехам царя, у великаго князя из заточения, || из темницы, с Вологды, мужю ея Алехаму царю умершу в заточение. Махметемину же царю любя бысть братня жена велми. И нача она помале,

яко огонь, разжигати сухие дрова, яко червь точити сладкое древо, яко прелукавая змия, научима от велможь своих и царевых, охавившися о вые, шептати во уши царю день и ночь, да отвергнется от великаго князя, да не словет казанский царь раб его, и во всех землях да не срам будет и уничижение будет царем всем, и всю Русь да побьет, живущую в Казани, и корень их изведет: „Да не всего царства своего || лишен будеши. Аще ли се сотвориши, то имаеши л. 23 царствовать многа лета на Казани, аще ли сего не сотвориши, то вскоре з бесчестием и с поруганием сведен будеши с царства своего, яко же и брат твой Алехам царь умер в заточение темницы, тако же и ты заточен будеши“. И всегда яко капая дождевая жестокий камень пробивает сквозе, лщение женское премудры человеки многи коренит. И много крепився царь, и прелстися от злыя жены своей, и послуша проклятаго совета ея. Окаянный же царь прелстися безумию ея, изме||ни великому князю московскому, нареченному отцу л. 23 об своему, и присече всю Русь в Казани и во всех улусех, и з женами и з детми, в лета 7013 (1505 г.), на рождество Ивана Предтечи. На той же день съезжахуся в Казань изо всяя Руския земля богатии купцы и многия иноземцы далныя и торговаху с Русью великими драгими товарами; не ведуще руския люди беды на себя никакия, без боязни живуще в Казани, надеющися, яко на своего царя, и не боящися его. Аще бы ведали беду сию, то не бы подклонилися под мечь их, могли бы всяко противитися варваром || или так нецый л. 24 убегнути. Но везде превзыде вифлеомский плач: тамо младенцы заклахуся, отцы же и матери их з болезнию душа оставляхуся, zde же состаревшися мужи и жены, и юноша младыя и красныя отроковица, и младенца вкупе убиваху вся. И весь драгий товар, безчисленное богатество у купцов русских в казну свою насыпа полату полную до верха рускаго золота и серебра. И подела себе царь венцы драгия, и сосуды и блюда серебряныя и золатыя, и царьский наряд драгий устроил. От того богатества, оттоле не ядыше ис кот||лов, ни из опаниц, л. 24 об. яко пес ис корыта, с велможями своими, яко на персех своих ядыше и веселящися. Без числа же казанцы много велми разграбиша по себе, и обогатися, и оттоле не ходити им во овчиях кожах ошившися, и после убо ходяще в красных ризах, и в зеленых, и в багряных, и в червленых одеявшися, щастствовать пред катунами своими, яко цветцы полския, различно красящися, друг друга краснее и пестрее. И была тогда Казань за великим князем 17 лет.

О приходе Махметемина, царя казанского, к Нижнему Нову городу, о падении вои его у града, и о страхе московских воевод, и о смерти великаго князя Ивана. Глава 8

- л. 25 Еще не удоволился казанский царь богатством взятых людей русских, в Казани же крови их не напився, текущая реками, и болшею яростию свирепосердый разжегся. И собрався с казанцы своими, и призвал еще к себе на помощь 20 000 нагаи, и воюя крестьянство и убивая. И прииде к Нижнему Нову граду, взяти его хотяше, и пожже около града все посады, и стояше у града 30 дней, по вся дни приступая ко граду. Воевода же бысть тогда во граде Хабар Симский и мало с ним бойцев во граде, токмо народ градский, страш-
- л. 25 об. ливые люди. И не успеха к нему с Москвы || воя приити, вскоре бо царь безвестно пришел, и мало града не взял, аще бо во граде не бог прилучил огненные стрелцы литовския, рекомыя желныре. Яты быша на бою, когда побили литовскую силу на Ведроши храбрый воевода московский князь Данило, Щеня прозвищем, 12 воевод великих изыма. С ними же приведены те стрелцы и ту заточены, в Нижнем Новеграде, в темницах седяху. И мало их числом бе, — толко 300 человек ошастася живых, инии бо мнози в темницы изомроша седяща, но превзыдоша бо многочисленных храбростию. И побиша
- л. 26 много казанцев и нагаев огненным || своим стрелянием, и град от взятия удержаша, и крестьянский народ от меча и от пленения избавиша. И застрелиша шурина царева нагайского мурзу, привелоша его нагайския воя своя ко царю в помощь. Беста бо со царем стояше за некоею церковию крестьянскою, думаяще о взятии града, и понужающе воя своя ко приступу; и прилетев ядро, и ударил его по персем, и вниде ему в сердце и проиде сквозе его, и тако исчезе нечестивый. И возмутишася нагаи, аки птичья стада, отставше вожа своего и пастыря.
- л. 26 об. И бысть межю ими брань велика усобная, || и почашася сечи нагаи с казанцы по своему господине, и много у града паде обоих стран. Царь же едва устави смятение вои своих, и убояся и отступи от града, и побеже х Казани, и много зла крестьяном и учинив. И за свое великое добро свободени быша ото удержания града стрелцы те. И воевода же, одарив их, и отпусти. Они же радостны быша, и поиде во свояси, свободившися смертными горкия темница. Московския же тогда воеводы пришед стояше в Муроме, готовы, а с ними воя 100 000, посланы великим князем стрещи при-
- л. 27 хода царева, не дати воли воевати || Руския земля. Они же

паче себя стрежаху, а не земля своя, и велиим страхом объяти быша, безумнии, убояхуся, и трепетаху, и избранными воины блюдущися из града вытти, толику имуща силу и ни мало воспрети царю. А со царем бе толко силы имуще 60 000 рати. Казанцы же неподалеку от них по местом хожаху, воююще, крестьян губяху, насмевающеся воеводам безумным, и великая же села огнем пожизаху. Умре же князь великий московский Иван Васильевич борзо по измене казанской, на другое лето, не успев преже смерти управитися со царем казанским, и приказа по || себе царство Московское сыну своему Василью л. 27 об. Ивановичу.

О послании воевод московских (х) Казани
и падение вои у града. Глава 9

Великий же князь Василей хотя отомстити изменнику своему и рабу, казанскому царю, и паки взяти у него Казань и посла в себе место брата своего князя Дмитрея Углицкого, прозвищем Жилку, и с ним многия князи и воеводы руския со многими силами воинскими ко граду х Казани, полем на конех и в лодиях в лета 7016 (1508 г.). Егда же воем руским, пришедшим х Казани, и первое дал им бог победу на казанцев. Потом же, — ох, увы нам, — || разгневался на ня господь, л. 28 и побеждени бысть кристьяне от поганных: поби казанский царь, из града вышел, обоя воя руская, конную рать и судовую, лестью некоею. На великом лузе, на Арском поле, около града, поставлеша царь до 1000 шатров на праздники своя, и велможи его в них же кормьчествоваше, и пьюще, и веселящися и всякими потехами царьскими веселящися, честь празднику своему творяще; тако же и гражане вси, мужи и з женами, гуляюще, по них пьюще в корчемницах царевых, покупающе на цены, прохлажахуся. Много же народу збирающися, черемисы на || празники тыя с рухлом своим из дальних улусов и торговаху з градцкими людьми, продающе и купующе, и меняюще. В тех же корчемницах испивающе, веселящися царю и велможам его и всему досталному люду казанскому, а не ведающе они на себя ничего же. И праведнаго Николы чюдотворца умолением, аки с небеси, падоша вои руския на поганных варвар казанцов. И побиха напрасно казанцев, ових же плениша, инии же во град со царем убежаша, овии же в лесы, кождо их избыти. От великия тесноты во граде задыхахуся и задавляющися добре людие. Аще бы три дни едины постояли у града воя || руская, тогда бы взяли л. 29 град волею, без нужды. И осташа на лузех стояще у града

- все царевы шатры, та же и катарги велмож его со многим ядением и со многим питием, и со всяким рухлом. Воя же руская от путнаго шествия нужнаго, уже аки взяша град Казань, и оставя дело божие и приклонишася на дело дьявольское, — от высокоумия их богу тако изволившу, — и начаша без страха ясти и пити, и упиватися без веданія скверным ядением и питием варварьским, и глумитися и играти и спати до полудня. Царь же из стрелницы зряще || с казанцы безчиньства русских вои и безумнаго их шатания. И узна царь, яко все руския воя пьяни от мала и до велика, яко и до самых воевод, и помышля же царь подобна искати времени, како бы напасти на русских вои. И разгневался господь на русских вои, отъят от них храбрость и мужество, и дал бог поганому царю храбрость и мужество. В третий же день пришествия силы руския х Казани, в 2 час дни, отвори врата царь градныя и выехав со 20 000 конными, а 30 000 пешцев, черемисы злыя, и нападе на полки руския. Руским же воем всем спящем, от труда путнаго опочивающе, и храбрых человек сердца без помощи божия восколыбашася, мяхчая женских сердец слабейша, и поядоша их всех мечем, толикое множество, аки клас, юношь молодых и средовечных мужей. И покрыся лице земли трупием человеческим, поле Арьское и Царев луг кровию очервленишася. И едва сами воеводы большие возмогоша убежати, а иных же избивша, и на Русь прибегоша с великою тщетою, и много добре язвенных прибегоша. Воевод же великих 5 убиша: трех князей Ярославских, князя Андрея Пенка да князя Михаила Курбскаго да Карамы||ша з братом его, с Родоманом, да с Федором с Киселевым, а Дмитрея же взяша жива на бою, и замучи его царь казанский злогоркими муками. И от тое 100 000 останася 7000 русских вои, ови же мечем посечени, ови же в водах сами напрасно истопоша, бегающе от страха варварскаго. Волга утопшими людьми загрязе, и озеро Кабан, и обе реки, Казань и Булак, наполнишася побитыми телесы кристьянскими и течаща по 3 дни кровию, свехр людей, аки по мосту, ездити и ходити казаньцем. И велик бысть плач о сих паче того, еже бысть плач о прежних || побитых людей в Казани живущия Руси, понеже бо ту все падоша воинския главы избранныя, княжия и боярския, и храбрыя воеводы, и воины, яко же от Мамаю на Дону побиты. И обогатися казанский царь велми узорочни безчисленными драгими, златом и серебром, и конми, и доспехи, и оружием, и полоном. И кто может число тому дати или исчести или сметити, еже тогда взял казанский царь, точию гору златую, яко не на долг ему живот протяжется,

и умалишася дни его, и скрати его господь век; вскоре испивает чашу божия отомщения.

О покаянии, и о приказе цареви, и о послании л. 31 об.
з дары великому князю московск(ому), и о смерти
царя казанскаго злаго и поганаго. Глава 10

И за сие преступление царя казанскаго порази его бог язвою неисцелимою от главы и до ногу, и люте боляше, три лета на одре лежаше, весь кипя гноем и червьями. И врачеве же и волхвы его не возмогоша от язвы тоя исцелити его. Никто же к нему вхождаше в ложницу посетити его, ни царица, прелстившая его, ни болия его рядды, смрада ради злаго, исходящая от него. И вси смер||ти ему желаше. И токмо те л. 32
вхожаху к нему неволею царя кормити приставленные его, но и те скоро бежати от постелница его, нозри свои заемиши. И воспомяну согрешение свое и глаголя к себе: „Яко бысть мне неисцелимыя недуги за неправды моя и измену, и за клятвенное преступление, и за многое кровопролитие напрасное крестьянское, и за великую честь и любовь бывшую на Москве от названнаго отца, от великаго князя Ивана Васильевича. Вскорми бо мя и воспита от руку своею не яко господин раба, но яко отец чадо||любивый сына своего любимаго и, л. 32 об.
рече, аки волчье щеня ко злонравию моему. Он бо взя Казань у брата моего великим подвигом и многим трудом и после мне предаша на брежение, злomu семени варварскому, яко верному чаду своему. Аз же, злый раб его, варвар, солга ему во всем и страшную мою клятву преступил, лестным своим словом и жены моя послужал, в добра место велие зло вдох ему. И убивает мя русский бог его ради. О горе мне, окаянному, ныне погибаю! И все злато мое, и серебро, и царския венцы златыя и одежда многоценныя || и постеля, л. 33
и красныя моя жены, предстояху мне отроки младыя, и добрыя коня, и величание, и честь, и дани многия, и все мое безчисленное богатство, вся драгая моя царская узорочья оставятся инем по мне. Аз же поганый токмо всуе тружаяся без ума, и несть ми ныне ползы ни от жены змии, прелстившия мя, ни от множества силы моея, ни от богатства моего: и вся бо исчезоша, яко прах от ветра“. И посла к Москве царь послы своя к великому князю Василию, а с ними же посла к нему царския дары своя || 300 коней добрых, на них л. 33 об.
же сам яздыше, когда бе еще здрав, в седлах, и в уздах златых, в покровех червьяленых, и меч, и копье свое, и златый щит, и лук, и тул с стрелами, броня своя, яко да тем Казань

- одолевают, и красный шатер драгий, ему же велицьи купцы заморския не возмогоса цены уставити, дивящися хитрости его и ркуще, яко несть в наших землях заморских и во всех землях фряжских узорочия такова, ни слыхав, ни видав ни у коего царя, ни короля, токмо тоя земли, где сотворяют
- л. 34 сих, — различными || узоры красными срачинскими весь исшит, златом и серебром, и жемчюгом усажен и по местом, драгим камением, и соха шатерная — морская трость, толстотою две пяди, драгою мусиею исписана красно, и не мощи назреться до сытости никому, и несть лзе сказати, каков есть он хитростию и ценою злата и серебра, и не мощи есть купити его, аще не пленом взят будет некако и ту же и взят в дарех будет како послан: прехитр бе видением и премудростию устроен великою. Прислан бо той шатер царю казанскому в дарех же
- л. 34 об. от царя вавилон||скаго и кизылбашскаго. Таже иныя вещи некия драгия казанский же царь посла к великому князю московскому, братом и господином зовя его, и прощения прося от него о гресе том, еже сотвори ко отцу своему, тако сводя с себя измену и Казань предающе ему: „Яко аз умираю“, рече, веля прислати на место свое царя, или воеводу, вернейшее себе, и неместна, да не тако же сотворит измену. Злый же той царь Махметемин житие свое скончав, жив червьми изъеден, яко детоубийца Ирод, не исцелев от врачей
- л. 35 своих никакоже, и отиде в вечный огонь || и равно смутися с ним. Тако же и царидца, прелстившая его, борзо по нем, того же месяца, с печали умре, от совести дома смертнаго зелия вкусив. И сим бог, преступающим клятву, воздает за измену их великую, злую.

О смирении великаго князя срачин,
и о послании царя на царство Шигалея царем
на Казань. Глава 11

- Умилися князь великий о прощение царя того злаго великаго не помяну и прости его во всем, и безценныя его дары с честию и с любовию прият и против послы казанския одарив
- л. 35 об. их и смирился с ними вместо всех || казанцев, повери паки ложней клятве их и лестному обещанию их. „И дасть им на царство царя Шигалея Шигяровича Касимовского“, забы от них дважды великое побитие крестьянское в Казани. Несчетная бо сила иссечена, уже бо не воскресити их. Царь же Шигалей поиде на Казань с московским воеводою, с Федором с Карповым, с князи(и) и с мурзы своими. И царь Шигалей держа царство казанское 3 лета, мирно владея Казанью.

И много жит(и) не любят казанцы во смирении, тихо и безмятежно с великим князем. И начаша прелщати царя Шигалея, веляше ему || тако же от великаго князя отступить и изменить, л. 36
 яко же и прежний царь их Махметемин прокаженный сотворил: „Да владеши ты един Казанию всею и нам ты будеши един волный царь, а нам бо не ведуще коему служить и бояться коего царя, и слушати, и покоряться: два царя бо имущи, не ведаем от коего искати чести и даров восприяти, и управления людем, дабы единого возлюбили всем сердцем, а другого возненавидити“. Царь же Шигалей никакоже приклонишася к лестным их словесем, но овех болших, князей и мурз, явше и в темницы затворивше, || и заключи, овех же смертней казни предаша. л. 36 об.
 И начаша его все казанцы не любить, и отаи его совещащася, и послаша неких в Крым, к Мендигирею, и оттуду приведоша царя себе, отпросивше у него сына меньшаго, „именем Сапкирея“. И приидоша с ним в Казань многи крымские уланове и князи и мурзы. И посадиша его на царство на Шигалеево место. И восташа паки казанцы на крестьяня с новым своим царем Сапкиреем, и в третее присекоша в Казани всю Русь, при царе Шигалее, в 3 лето, прибывшую силу. Служащих же Шигалею варвар 5000 убиша, и царскую казну его взяша || всю, злато и серебро, л. 37
 и многоценныя ризы его, и кони, и оружия все отняша. Воеводу московскаго добраго разграбиша дом его, и отроков его 1000 убиша. Дву же токмо, Шигалея и воеводу, упросивше у казанцев, царь Сапкирей и пощади его, царьскаго ради семени и юности ради и благородства, еже в нем велик разум. Бе же царь Шигалей по роду от великих царей из Златыя Орды, от колена Тахтамышева, и того ради царь Сапкирей не даша воли казанцем убить его и испустить из Казани, токмо с воеводою московским и 300 варвар, служащих ему. И проводиша его в поле чистое, нага и во единой ризе, на худе || коне. И отложишася казанцы от великаго князя л. 37 об.
 в свою волю жити с царем с новым.

О печали великаго князя московскаго о християнех, в Казани погибших, и радость его о Шигалееве животе

Слышав князь великий, в раскаяние прииде, и печален бысть о сих на многи дни, никому же могущи его утешить от великия печали. И многи слезы ко господу излия, и по многи дни брашна не вкушаше и пития, и плакашася о кристьянской погибели, еже в Казани. И плакася о царе Шигалее, яко

- той тамо с ними погиге, зело бо любяше его. И мало погодив,
 л. 38 прииде к нему весть, сказующа бо Шигалея жива, || добраго
 слугу его и вернаго, блиско идуща в поле чисте, нага, яко
 роженна, и от глада изнемогша, и ведуща с собою боле
 10 000 рыболов русских, ловяще рыбу на Волге, под горами
 Девичьими и до Змиева камени и до Увека, за 1000 верст
 от Казани, — заехавши бо тамо живяше лето все, на диких
 водах ловяща и в осень на Русь возвращахуся, ⁴на(ло)вящеся и
 обогатившеся. И слышавше рыболове от царя весть при-
 шедшу к ним про сечу в Казани, яко да бежат к нему оттууду
 не молчащи, да и они не избieni будут от казанцев, а сам
 л. 38 об. дожида||шеся их, стоя на месте некоем. От нужи ладья своя, и
 мрежа, и рыбы, и весь корм свой, и запас огню и воде преда-
 даша, и сами побегоша полем, не знаяще, куды же очи
 несут, токмо на себе носяще рыбу едину. И наблудишася на
 царя, гладом изнемогающе, мнози же умроша. И ради быша
 царю, а царь им, и плакашеся обои о погибели своей.
 И поидоша царь и людие вкупе с ним ко странам Руским,
 питающеся мертвечиною, ради нужи, и полскою ягодою и
 травною дивиею. И посла князь великий против его пред-
 л. 39 стоящих своих со многим брашном и со многоценными || ри-
 зами, и в поле повеле его далече, на Руских пределех,
 с честию встрети. И приходящим же ему блиско самая
 Москвы, и встретиша царя блиско вся полатныя велможа,
 бояре московския, из града выехавши на поле за поса-
 дом, и кланяющеся ему до земля. Тако же и сам князь
 великий от радости не може уседети в полате своей, но
 скоро истек встрети его на полатных лесницах, нелестно, не
 яко раба, яко брата своего и друга любимаго. И охавив-
 шеся оба и плакашася много, и всем ту стоя плакати, бояром
 л. 39 об. и велможам. И вземшеся за руде свои и поидоста || в по-
 лату. И тако утешися князь великий о Шигалеев здравье,
 и о пришествии его, и преста от сетования и плача, и весел
 бысть. И много царю Шигалею за сие воздаяние дасть,
 что х казанцем не приложися, и не прелстися изменити ему,
 быв у меча, у самыя горкия смерти и поглощен во адове
 утробе. А род бе с ними един, варварский, и язык един, и
 вера едина. И за сие велику похвалению достоин есть царь
 Шигалей, яко воля своя и царьствовати, сам владети собою
 л. 40 не восхоте, и рабом слыти не отвержеся, || но умерети же не
 отречеся, любви ради к нему самодержца. Неверный варвар
 паче верных наших сие сотвори. Достоин есть нам
 чюдится крепкоумео его, и разуму, и верной службе
 его.

О престании воевания на время великаго князя на Казань, и о брани его и о смирении с полским королем, и о втором послании московских воевод на Казань со многими силами

И потом молча долго князь великий, 11 лет не могый братися с казанцы, одолеваху бо Рускаго они не силою своею, токмо лукавою хитростию, ратным боем: тако силны от несилных изнемогше. Велик бо тогда || от них страх л. 40 об. объемлет всю нашу Рускую землю. И токмо воеводы московския на краях земля стояще, по градом, стражеху прихода казанцев, боязнию одержимии и не смеюще на них вых-одити из градов. Тогда был князь великий недосужен воева-тися с казанцы, "брань бо имеяше с полским королем велику, з Жигиминтом", и воевашеся с ним сряду не почивая 20 лет. И одолеваху короля, и взя у него столный град Смоленск со всеми его пределы, и много у него завладе литовския земля. Едва в мир введе его с королем римский || цесарь, л. 41 послы своя посылаше к нему о том. И умирися князь вели-кий с королем. И паки же в то время второе собра князь ве-ликий много великое воинство руское боле перваго, еже посла з братом своим, и посла мстити обиды своея казанцем 12 воевод своих, а с ними рати 150 000, в лета 7032 (1524 г.). "Воеводам же начални в конной рати, полем: князь Борис Суздальский Горбатый, да Иван Лятцкий, да Хабар-Симский, да Михаило Воронцев". От нечаемя наша бедя тоя рати в лодиях на Волге черемисы злая казанския наших поби, весь яртоулный || полк, убиша 5000, передовой полк весь побиша л. 41 об. 15 000, а от болшаго полка 10 000 неким ухищрением. В тес-нинах бо реки тоя, в местех островных, запрудилша великим древием и камением, и доспеша аки праги, и ту згрузившимся ладьям и друга от други сокрушахуся. И к тому спереди и создаи черемиса стужавше их стрелянием и убиванием, не пропускающе их. И подсецаху великое древие, дубие, осо-корие, и держажу на ужищах и на ладьях пушаху с высоких гор и з берегов сюду же миновати, и погружати от единого древа ладьям || 5 и боле с людьми, и з запасом, и стенобитным л. 42 нарядом. Много пушек великих и малых погрязе, много людей истопоша, и метажуся сами в воду от страха. После же того вешние воды лета того весь наряд огненный, и ядра, и зелье, и пушки черемиса поизвлече и все в Казань отпрова-диша, и воинских вещей много себе понаизбраша: ово в лодиях погружающася стояще в них в ларцех, и в коробьях, ово со

усопших мертвець снимаша великия черезы, полны насыпаны сребра, ово же в песцех находяще, и светлых портищъ ||
л. 42 об. и оружия без числа. И Волга явися поганым златоструйный Тигр, безчисленное богатство, злато и сребро и жемчугу, и камение драгое. Воеводы же преидоша поле великое многими денми, а не ведающе побитых людей на Волге, и внидоша в землю Казанскую, и приближишася к реке Свияге, на поле Отяково. Аждо тут стояще воеводы казанския с силою своею, ждуще руския силы. Поганый же воевода первый, князь Отуч сильный, другой же Аталык, а царь их во граде затворися. И бишася обои три дни об ту реку, и
л. 43 побежаша казанцы от воевод || московских к своему граду. Воеводы же гнашася за ними до Волги и биюще их, донележе вметахуся в лодия своя, и инии в воде истопоша, а инии по лесом разбегошася и утекоша немнози во град, в Казань. Убитых же казанцев на том бою 42 000. Воеводам же стояще на побоищном месте и воююще улусы казанския, дожидаящиеся людей на рати, и дивящиеся толику замедлению их. И се бо приплывше лодьи немноги отбитыя, а воеводы же замедлиша, пробиваящиеся сквозе праги и теснины. И мало их
л. 43 об. оставшеся живых з гладу, и сказующе им 30 000 || войска своего изгубление зла. Воеводам же содрогнувшимся, и ужасошася, и повоеваша нагорную черемису. Воеводы же подумавше, яко несть лзе приступити ко граду без стенобитного наряду, всему в Волге утопше. И не постояше у града у Казани ни единого дни, поидоша на Русь с щетоу, а не с радостию войска своего, с печалию великою. И много же войска с Казани идуще, з гладу на пути изомроша, овии же черною болезнию на Русь пришедша, долго болевше, помроша. Князь великий же о всех людех, яко же о первых, избиенных в Казани, долго печален бысть. || И несть тоя радости, кая (не)
л. 44 мимо ходит на земли. И вся бо яко цветы увядают, яко стень мимо прядет.

О третьем послании х Казани московских воевод, и о взятии великаго острога

По сем же князь великий терпе 6 лет и конечно стиснув свое сердце от великия скорби казанцев и возложи на бога упование свое, яко же отчаявся или гневаяся, нам ли бог поможет или поганым казанцем. И паки собра в третье великих своих воевод, и посла х Казани со многю ратною силою, воинством, конную рать и в лодиях. "Воеводам же
л. 44 об. начальным имяна: князь Иван Бел||ский, князь Михаил Глин-

ский сын Лвов, князь Михаил Суждалский Кислый, князь Иосиф Дорогобужский, князь Федор Оболенский Лопата, князь Иван Оболенский же Овчина, князь Михаил Кубенский", и всех воевод до 30. И слышав казанский царь Сапкирей великих воевод московских в велицей силе идуща их, посла во вся улусы казанския по князи и мурзы, веля им в Казань собратися изю отчин своих, приготовившимся сести в осаде, и сказую многу, необычную силу рускую. И не смеяше с Русью казанцы и встретитися, не токмо что дела воставити. Загна же черемису всю многу и пове||ле им делати л. 45 подле Булака острог, около посаду, по Арскому полю, от Булака же и до Казани реки, округ его рвы копати, по-за острогу; да в нем седять черемиса с прибылыми людьми, яко да и граду помощь будет и посадки целы от запаления огненнаго устоят. Пришли бо тогда в Казань в помощь царю и паче же на всю погибель 30 000 нагаи, хотяще битися с Русью, обогатитися руским пленом и наймом царевым. Град бо Казань всего народа своего не можаше в себе вместити с прибылыми людьми, за умаление пространствия его, и зделану бывшу острогу повелением царевым, вскоре, крепку || и велику, л. 45 об. с камением и з землею, двема же концы ко граду притчену. И собрашеся воеводы казанския, и седоша во граде со всею силою, с нагаи и с черемисою, а царь во граде затворися с народом градцким и со избранными бойцы с немногими. Воеводы же московския пришедши х Казани и составляют брань, крепко рать на казанцев, и стояху лето все приступающе ко граду и ко острогу. В день бо с русью бяхуса казанцы, к вечеру брани преставше: русь убо отхожаху в станы своя опочивати, а казанцы убо нощию ядыху и запивахуса до пьяна, и спяху сном крепким, не блюдушеся || руси, оставшеся л. 46 токмо страж на вратех на остроге. И егда прииде от бога милость, тогда уснув крепко един страж на вратех. Тогда убо совещахся 10 русинов храбрых в смерть или в живот и поползе к острогу на чреве своем змиеви подобно, и мех зеляя принесше пушечнаго, под стену убо положиша у острогу, и помазавше серою и смолою. И запалися великий острог, и воспалися воспалением сильным, никому же учювше от казанцев, ни гласа своего испустивше. Се бо юноша един в стан свой тече, и поведав сотнику своему, сотник же воеводе. Воевода же князь Иван || Овчина приготовяся с полком своим, л. 46 об. и повеле в ратныя трубы трубити. Уже зорям утренним пред солнцем восходяху, а казанцем в самый сон глубокий уснувшим, воеводы же ударився в острог с шумом и с воплем великим. За ними же все воеводы, и видевше острог горяще

и почювше глас трубный, со всею рускою силою ударився овии же на конех, овии же пеши. И проломиша вся врата острогу, и сецаху казанцев инех спяще, инех бегающе, инех сующихся, аки бесных и во огонь вметающихся, ни коней своих сведяще, ни оружия помняще. И тако взяша крепкий
л. 47 острог || и сожгоша, и посады погоревша все, и много люду казанскаго погоре. Бывших в нем срачин всех избиша, аки скот, числом 60 000 казанцев и нагаи, храбрых бойцевъ, в лета 7030 (1530 г.), июля в 15 день. И падоша телеса их по Арскому полю, нагаи, непогребенны, псом на снедение. Тут же наскочишу воины руския силнаго вварара Аталыка и збодоша копы. Ему же спящу з женою своею в шатре своем, упившуся ему на одре своем вином, пьяну и не успевшу ему скоро от сна воспрянути и возложить на себя пансыря, ни шелома, ни палицы железныя, ни меча похватити || в руку свою, но так с оторопа скоро вскочи, во единой срачице на конь свой, и без пояса, и бос, и хоте во град убежати. И понесе его конь его из острога на поле, к реке к Булаку. Аки крылат конь его реку перелете. Он же, от страха не удержася, и спаде с коня своего, остася на сей стране Булака бос, бегающе по траве, а на другой стране конь его бегающе. И тут на брезе Аталыка, похвалнаго воеводу казанскаго, убиша. Аталык же бе храбр и наезжаше бо не на сто воин, но на велик полк бойцев удалых, и возмущаше всеми полки рускими, и много их
л. 48 убивая, а сам невредим || отъезжая, и доганяя каждо их мечем своим ударяше во главу, и растинаше на двое и до седла: не удержашеся меч его ни в шлеме, ни в пансыре. И стреляше дале версты в примету, и убиваше птицу или зверя, или человека. Величество его и ширина обрину подобна, очи же его кровавы, аки зверя человекоядца, и велики, аки буйволы. Боящеся его всяк человек русин. И воевода князь Иван не смеяше против его ехати и с ним битися: от зора его страх обдержаше. Наших же тогда убиша два храбрых воевод, во оружиях возрасли, князя Иосифа Дорогобужскаго на съезде копьем || прободоша, да князя Федора Лопату с стены градныя стрелою застрелиша в мышцу. Казанский же царь, узнав, что граду взяту быти и ему самому, аще он во граде уседит, и выеха нощию из града с крымскими людьми, с надежными своими, с трема тысящами. И возмутившимся полком о царе, черемиса же ухватиша, излезше из града, "малаго градца гуляя" 80 городень, 7 пушек в нем. Бився крепко, wskвозе полки все руския пробився, и на переменных своих конех удачных в Крым убежа и с царицами своими
л. 49 к брату своему Сапакирею, царю крымскому, || аки из рук

изыман, язвен ранами многими, а Казань пусту оставив, токмо во граде народ казанский, жены да дети, стар да мал, и бойцев 12 000 черемисы. И бе тамо, в Крыме, царь у брата своего лето и 6 месяц.

О миру казанцев с великим князем, и о взятие царя с Москвы, и о убьение его

Воеводы же со оставлешимися во граде казанцы перемирье учиниша, и взяша впредь на 3 лета выходы и оброки великому князю со всего царьства казанскаго, и отступиша прочь от Казани, не взем же града, межю собою в споре, аки не смеюще и не хотяще || ни един же останется в Казани л. 49 об. во граде на брежение, а град стояше пуст 3 дни, отворен, без людей. И мнети же нам, яко сильнейша есть злато и безчисленных. И "прелстился воевода первый" и много себе взявше у казанцев, и того ради ни сам остался в Казани, ни инаго же понуди. И возвратишася на Русь здрави все, со всем воинством. Аще падоша два воеводы, но воля божия о сих да будет. И с ними же вдруг поидоста казанския воеводы послы льстивыи ото всего царьства своего со многоценными дары великими. И пришедше к Москве казанцы с воеводами московскими, и || вдаша в руже многия дары великому князю и л. 50 полатным бояром, и всем велможам его, поборников тех творяще по себе, — печалуются о них, — и плакахуся о мимошедшем зле, на инех с себе вину возлагаху, и повиновахуся, и смирахуся, и предающе Казань ему, и в очи ему насмеявахуся, и царя на Казань "прошаху, брата Шигалеева меньшаго, царевича Геналея" аще дасть им. Все же сие казанцы льстяху и маняху себе на мало время, как бы им скорби избити и не до конца бы еще всем погибиль бысть, дондеже собравшеся опочинут, яко звери в ложи своем. Князь же великий, л. 50 об. послушав бояр своих и велмож, советников своих, и лвообразную ярость в кротость премени, и смирился с казанцы, и утвердив их клятвами многими, и вдасть им на царьство Геналлия царя, брата Шигалеева. Ему же младу сущу, 15 лет, кротку и тиху. И дасть ему воеводу на брежение, князя Василия Пенкова, яко да казанцы с великим князем смирятся вечно, проживут в правде, добром. А на воевод своих болших распалася и разгнеवासя. Началнаго же воеводу, Белскаго князя Ивана, едва у смерти уприси Данил митрополит да игумен Порфирей Сергиева монастыря: на том бе || воеводе л. 51 все воинское дело. И заключен бысть в темнице, изыман, сядяше окован по руже и по нозе, яко злодей держим, ото

всего имения своего обнажен, и ожидаше смерти по вся дни, яко мощно бы ему Казань взяти и самоволием не взя, сребролюбием побежден. Со инех же воевод скоро соиде гнев его, и быша в первой чести и любви его. Казанцы же, приведши к себе царя с Москвы по числу 3, и лето едино тихо живше с ним, и, вставше, убиша без вины прекраснаго, юнаго царя Геналлия Шигьяровича, в полате спяща, яко юнда при яслех, яко зверя в те(не)те го||това изымана. С ним же убиша воеводу его, московскаго, воздержателя царева, и вся воя их. И паки же прияша царя Сапкирея беглеца, убегша в Крым у московских воевод на бою от Казани.

О смерти великаго князя Василия, и о приказе
царства сыну его, о самовластии
боляр его

И от того времени и донныне велико зло бысть крестьяном от казанцев. В то же время преставися князь великий Василей Иванович, во иноцех Варлам, в лета 7042 (1534 г.), месяца декабря в 5 день. Царствова на великом княжение лет 28, и много брався с казанцы и весь живот свой препо-
а. 51 об. гаяся до конца своего, || и не возможно им ничтоже сотворити. И оставаша от него 2 сына, яко от краснопернаго орла два золотоперныя птенца: первый сын его, ныне нами нареченный князь великий Иван, остася отца своего 4 лет 3 месяца, благороден зело. Ему же отець его великую власть Руския державы по смерти своей дарова; 2 же сын его, Георгий, не таков бе, несмыслен и прост и на все добро нестроен. Тот бо оставя 3-х лет. Умирая бо повеле к себе их в ложницу внести, оба сына своя, и, тут сядящим у него митрополит Данил всеа Русии, отець его духовный, и всем боляром, и князем, и
а. 52 об. воеводам, и восклонися ото одра своего, || седе, стоя, двема болярином поддержим. И взя на руце своего болшаго сына и целовав его с плачем, глаголюще, яко сей будет вам по мне царь самодержеждь. Той омыет слезы крестьянския, вся враги своя проженет и победит. И целовав оба своя детища, и отдав их пестуном, а сам тихо возлег на одре и конечное прощение и "целование великое дав княгине своей Елене", и всем князем, и боляром, и приказщиком своим, и успе вечным сном, не созрел седиными, ни старости достиг многолетних, и остави по себе плач велик всей Руской земли, до возраста и до воцарения сына своего. И ростяху оба сына
а. 53 его || в воли своей, без отца, и без матери, богом самем брегоми и учими, и наказуеми. Всем тогда князем и боляром,

и велможам, и судьям градским самовластием живущим, не по правде судящим, по мзде, и насилствуя людям, никогоже блюдущимся, — бе бо князь великий юн, — ни страха божия имущим, и не бегущим от супостат своих Руския земли: везде погании крестьян воеваху и губяху, и велможи крестьян губяху продажею великою. И тако раби их глядаху господин своих, тако же творяху неправды. И умножишася обиды, татбы и разбоя, и убийства, || по всей земли рыдание и вопль л. 53 об. велик.

О цари и великом княз(е) Иван(е) Васильевич(е), и о разуме и о премудрости его, и о соглядание от него бояр его, и о избъение, и о соглядание земля своея, и о любви к воем своим, и уведание его о Казанском царстве

И возразшу же в велик разум, приемшу же великому князю Ивану Васильевичу, и восприимник бысть по отце своем во всей Русьской земли державе великаго царства Московскаго. И воцарися на царство великим царством в лета 7055 (1547 г.), месяца генваря в 16 день, и помазан святым миром, и венчан святыми || бармами и венцом Мана- л. 54 маховым по древнему чину царьскому, якоже и римьстии цари и гречестии православнии цари поставляхуся, и наречися царь державы Руския, и самодержец русский показася великий, и страх его одержаша вся языческая страны. И бысть велми премудр, и храбр, и серд, и крепкорук, и силен телом, и легок ногама, аки пардус; подобен по всему деду своему, великому князю Ивану. И прежде бо никто же от прадед его словяше в Руси царь и не смеяше от них поставитися царем и зватися новым тем именем, || блюдущиеся завидения и востания на них поганных царей л. 54 об. неверных. Сему же удивишася, слышаще врази его, погании цари и нечестивии короли, похвалиша его, и прославиша его, и прислаша послы своя з дары к нему, и назваша его великим царем самодержьцем, не гордящеся им и не завидяще ему. О сем же паче великий салтан турский похвалная написа ему сице: „Воистинну ты еси самодержец и царь мудрый, верный и волный божий слуга. Удивляет бо нас и ужасает превеликая твоя власть, и слава, и огненная твоя хоругов прогоня||ет и попадает воздвижущихся. Уже л. 55 отныне вси боятся орды наши, на твоя пределы наступати не смеют“.

И седе на велиице царьствие державы своея благоверный царь, самодержец, Иван Васильевич всеа Руси, и вся мятежники старыя изби, владевший царьством не по правде до совершенного возраста своего, и многих велмож устраши, от лихоимания и неправды обрати, и праведен суд судити научи, и правляше с ними до конца добре царство свое, кротость и смирение быти нача, и праведен

л. 55 об. в судех и ⁵(неу)клонен, ко всем воинственным || своим людем и милостив и многодаровит, и весел сердцем, и сладок речью, и окорадостен и в скорбех и в бедах, множае во всем искусен бывает, и много стражущих в напастех спомогит, и разум и смысл велик в нем приполагается. Тако и державный сей мал остана отца своего и матери, во юности своей вся собою позна, яко злато в горниле, в бедах искусися. И согляда всю землю свою очима своими, всюде яздыше. И виде многи грады руския старые запустевша от поганых: Рязанская земля и Сиверская крымским мечем

л. 56 погублена; Низовская же || земля вся, Галич, и Устюг, и Вятка, и Пермь от казанцев запусте. И плакашеся всегда пред богом, моляшеся, да вразумит его бог то же языком воздасть, еже они крестьяном воздаша. И смети во всей области своей ратных людей, служимых ему, и любляше их и брежаше старые, яко отца, средовечныя, яко братию, и юныя же, яко сыны, всех почиташе честьми прилежными. И от сего самодержца почашася воем быти труд велик и печали велиции, и брани, и кроволитие. И блещашеся копыя медныя и щиты,

л. 56 об. и златыя || шлемы, железныя одеяние на всех. И яко разуме, яко мощно есть божиею помощию и с тем своим воинством бреши земля своя со всех стран от поганых язык. И еще ново прибави к ним огненных стрелцов много, к ратному делу гораздо изученных, и глав своих не щадяще, а в нужное время отец своих и матерей, и жен и детей своих забываяще, и смерти не бояшеся, ко всякому бою аки к велицей некоторой корысти или к медвяной чаше цареви, друг друга наперед тедаху и сильно бияхуся, и кладаху главы своея

л. 57 нелестно за веру крестьянскую, || за любовь к ним царскую, забывая жены своя и дети. И уведа царь князь великий, стоит издавна на Руской земли есть ново царство срачинское, Казань, по рускому же языку котел, златое дно, и велика скорбь и беда пределом руским от него и как отец и дед, и прадед воеваху с ними, и конечные споны не возмогаша сотворити Казани. И много лет преидоша, до 300 лет, первого начала Казани от Саина царя, отнележе бяху обладающе царствующе князи

и цари страны тоя, частью мноюю Рускою землею завладеша. О нем же ныне слово мое грядет, || похваляя доб- лость его. Много бо иже прежде его бывше державствующей Московстии, праотец его, великия князи, востающе ополчающеся, Казань хотяще взяти, змиево гнездо, Казань град, изгнати их ото отечества своего, Руския державы, и взявше единою Казань град и держати за собою царства не могоша и укрепити его, и не разумеша, лукавства ради казанцев. И много крови проливающе ово же казанцев, ово же наипаче руския болши. Овогда мало державнии наши побеждаху казанцев, ово же сами от них болши сугубо побеждаемы бы||ваху, никоего же зла могуще сотворити агаряном, л. 57 об. внуком измаиловым, но сами паче множае безделны посрамлены возвращахуся от них. Умелы бо суть измаилтяне, от начала бранем учатся, от младенства сицевым образом, потому же и суровы и безстрашны и усерды нам бываху, смиренным. От праотец своих благословени быша они же, от Измаила и от Исава прегордаго, питатися оружием своим. Мы же есмь от кроткаго и смиреннаго праотца нашего Иякова, тем сильно не можем противитися им и смиряющеся пред ними, яко Ияков || пред Исавом, и побеждаем их оружием крестьяным: л. 58 об. той бо есть нам во бранех помощь и утверждение на противныя наша. Оне бо измаилтяне оружием своим преодолеша многим землям и понасиловаше великим градом, яко и в нашей стране обладаша напрасно украиную нашую земля Руския и вселишася в ней, и расплодишася много их и укрепилася, зле быша на нас за умножение пред богом беззакония нашего.

От казанцев пленение Рускую землю и сквернение от них святых церкви и наругание от них крестьяном православным

|| И како могу сказати или списати напасти сия грозныя л. 59 и страшныя руским людям во время то. Страх бо мя обдержит, и сердце ми горит, и плач смущает, и сами слезы текут изо очию моею. И кто бо тогда изреши может беды сия за многа лета от казанцов и от поганых черемиса православным крестьяном, паче Батыя. Батый бо единою Рускую землю прошел, яко молнииная стрела, яко темная главня, попаляя и пожигая и грады разрушая, пленяще крестьянство, мечем губя. Казанцы же не так губяше Русь, всегда из земли Руския не || исхождаше: овогда с царем своим, овогда же л. 59 об. с воеводами воующе Русь, и посекающе, аки сады, руския

люди и кровь их, аки воду проливающе. От наших же крестьян христовых и воевод, московских князей и бояр, против их стати и возбранити не могуще от сих свирепства и суровства. И всем тогда беда и тоска велика в украине живущим от варвар тех, у всех русских людей от очию слезы текут, аки реки; крыющиеся в пустынях леса, в горах, в теснотах горких живяху з женами и з детми, от поганных варвар тех, покидающе род и племя отчества своя,

л. 60 бежах || во глубину Русь. Мнози гради рустии раскопаша, и травую и былием заростивша, села и деревни, многия улусы орастеша былием от варвар. Великия монастыри и святыя церкви оскверниша лежаще и спяще в них, блуд над пленом творяще з женами и з девицами. Святыя образы секерами раскаляюще, огню предаваху служебныя сосуды, из них же дома скверно пиюще и ядуще. Святыя образы и кресты преливаху серги и ожерелія и мониста, и наряжаху тафья на главы своя, украшахуся, а в ризах церковных себе ризы прешиваху и мни||хом наругающеся, образ ангельский безчестиша: углие горящее за сапоги засыпаху и обдираху, ужем за шею оцепляху, и скакати и плясати веляще им. Младых и телеситых чернець черныя ризы снимаху и ругахуся, в срачиньския ризы облачаше. И продаваша русьскый плен в далныя срачины, идеже спас наш незнаем, и вытти не могуще. А иныя черница, аки простыя девица, за себя поймаше. Над мирскими девицами, предо очию отцев и матерей их, насилствующе, блудное дело творяще, и над женами предо очима мужей.

л. 61 Еще же и над старыми || женами, кои в 40 лет или в 50 лет во вдовстве пребывающе. Несть беззаконія их исчести мощно. То бо есмь сам видел очима своима — пишу сия, видех горкую беду сию. Православнии же крестьяне по вся дни татары и черемисою в плен ведоми суть, а старым коим очи избодаху и уши, и уста, и нос обрезае, и зубы искореневаху, и ланиты выломляше; овем же руде и нозе отседаше, так пометаху по земли: тело валяшеся и после умираше. Иным же главы отседаше и надвое рассекаху, овии же

л. 61 об. удами, за ребра и за лан||иты пронизающе, повешаху, а иных на колья посаждаху около града своего, и позоры деяху и смех. Оле Христе дарю терпения твоего! И сие же злее паче сих всех реченных, младенца незлобивая от пазух матерей своих и тех, погании кровопийцы, о камень ударя, и задавляху, и на копиях прободающе их поднимаху. О солнце, как не померкнеши, сияти не преста! О как луна в кровь не преложися и земля как стерпе таковая и не пожре их жи-

вых поганых! И кто тогда горде не восплакася: горе увь!
видяще отца и мать, от чад своих разлучахуся, аки овца
от стада || своих, чада же от родителей своих, други от дру- л. 62
гов своих. Овии же, яко новобрачни суть, живше день един
или два, овии же токмо обручившися по законному браку,
от церкви в дома своя идуще, венчавшися, жених с невестою
разлучахуся, не ведуще. Яко звери пустынный притекше
восхищающе, злато и сребро в мгновении ока поймавше.
Погани же казанцы все к себе поймаху поленную Русь
и прещаху им, мужеск пол и женеск, в срачиньскую веру
принуждаху прияти. Неразумнии же мнози приймаху сра-
чиньскую веру их, нузи и страха ради и мук, и запро||дания л. 62 об.
боящися, и прелстися, горе ему же! Варвари и черемиса кре-
стьян губяху. А кои бо же не хотеху веры прияти, и тех,
яко скот, овех толпами, перевязанных, держаше на торгу,
продаваху иноземцом поганым. Не смеяху бо казанцы многия
руси у себя держати мужеска полу, не обусурманных, разве
жен и детей малых, да не наполнятся русь в Казани, того
ради запродаяху их. Велик бо плач, и скорбь, и беда, и сто-
нание от языка поганого.

Моление к богу царя и великаго князя и о жа-
лости крестьянского народа, кои в плен взяты

|| Православный же царь, князь великий Иван Василье- л. 63
вич всегда сия реченная слыша, плач и рыдание, и поги-
бель крестьян своих, стоя сердцем и боля о них, яко ору-
жием уязвляшися, мысляше, как бы против воздати казанцем
и поганой черемисе. Начаша всегда день и ночь моля,
с постом и молитвою, и мало сна принимаше, давидски и пос-
телю свою мочаше слезами и глаголя: „Боже, языцы по-
гании приидоша в достояние твое, еже дал еси нам в жребий
жити в нем, и оскверниша церкви святыя твоя, и положиша
телеса раб твоих брашна птицам || небесным“, — и много пла- л. 63 об.
кав пред богом: „Много согреших без числа и не преста от
злоб своих. Доколе, господи, прогневаешися на раб своих?
Мене бо еси поставил пастыря избранному своему стаду,
и аз согреших — и погуби прежде мене, а не овца моя. Да
за что си погибают? Токмо грех моих ради и небрежения,
ни попечения о сих! Ныне, господи, прости вся грехи моя
и не помяни первых беззаконии моих, во юности сотворенных
мною, и не отврати лица твоего от моления моего, внуши
слезы моя горкия, призри на рабы твоя и на стадо твое,
за них же кровь свою на кресте излиал еси, || пролей гнев л. 64.

твой на языки, не знающая тебе, истинного бога; помози грешным имяни твоего ради святого; сотвори с нами по милости твоей, да постыдятся супостаты наши, да изнемогут от силы своея, крепость их сокрушится, да разумеют, яко ты еси бог един и славен по всей земли, да тихо поживут благовернии твои кристьяне, славяще имя твое святое. Услыши молитву раб своих, боящихся тебе; господи, призри“.

О воставшем мятежи в Казани, отгонение царю их, о взятие царя Шигалея, о избежание ис Казани, и о убьение князя Чюры

- л. 64 об. Воста в Казани в велможах и во всем народе, и во всем люду казанском смятение великое; воздвигоша бо крамолу, все соединившись большие с меньшими, на царя своего Сап-кирея и свергоша его с царства, и выгнаша ис Казани со царицами его, и мало не убиша за сию вину, что он приемляше свояземца, крымских срацын, приходяще к нему в Казань, велможам им быти устрояше, и богатыше их, и почиташе, и власть велику обидети казанцев, любляше и брегаше их паче казанцев. И побеже царь в Нагаи, за
- л. 65 Яик, “просвоитися тамо прибежав || к заяцкому князю Исупу”, дщерь его за себя взя, красносолнечну, мудру, с нею же взя улусы кочевныя, в них же живяше. И бысть ему жен пять и всех любимее первых жен. И подняв с собою тестя своего Исупа, и приведе с ним нагайских срацын всю Орду Златую, и прииде на взятие Казани. И стояше два месяца приступая ко граду, и, не взя града, и прочь отступи, и поиде в Нагаи, токмо землю повоева и поплени, ни мало имущи у себе стенобитного наряду, кто может таков град взяти единою стрелою, без пушек, аще не господь предастъ.
- л. 65 об. И в сей же время притужи казанцем || царь Шигалей и всегдашняя воевания в земли их. И встужиша казанцы от частых воинах, находящихся на них, кто же о царе своем; и не могуще долго жити без царя, яко ядовитые осы без гнезда матери своея. И не ведаху, откуда добить царя себе, не хотя же от казанских царей ни единого же знаемых поставить себе царем; ови же хотяще в Крым послати по царевича, ови же за турецкого заложитися хотят, да брежет их и пришлет им своего царя; ови же заложитися хотяще за московского царя, но боятся мщения от него о старом преступлении; ови же старого царя, || согнанного Сапкирея, из Нагаи привести его, и того ⁶боях(у)ся: мало его не ⁷уби(ли). И смысливше оманути сим самодержца московского, еже заложитися за

него и Казань ему предати и взяти на царство себе царя Шигалея, уморити его, яко же и брата его мечи рассekoша, да не сотворит им напасти великия всегдашним воем. И послаша лестию ко царю московскому послы своя со многими дарами просити царя Шигалея на Казань царем и мир аки глубок прияти, лжуще и маняще, якоже и отцу его лгаху и ругахуся. Царь князь великий, не знающе лукав||ства их, л. 66 об. яко юн сый, не послушав советников своих, возбраняюще ему не няти веры казанцем: „истинну ти, царю, глаголем, достойни суть вечнаго проклятия: такови бо они лукавы“. Он же не ят им веры, призва к себе царя Шигалея и понуди его итти на царство в Казань, паче же на смерть волею смилив привлечет его под руку державы своея. Царю же Шигалею, не смея преслушатися самодержца своего, ни рещи же ему против ничтоже, да не разгневается нань, — неволя бо много может паче волнаго, — подвигается, и поиде с казанскими воеводами на царство, великою печалию одержим сый, не || просто же, но на вере и роте, да не убиен будет от них; тако же они от него распленини да не будут, ни коея же вины прошлыя не мстить, и да иже идет к ним не в велицей силе, да не убоявшися казанцы пленения от царя, вси во граде затворятся и царя самого и послов своих во граде же, царя же прежде не пусти во град, ни послов его. Сим лщением омануша послы казанския. И ят бывает, аки медведь мрежами зверинами, лестью и словесы лукавыми, и не взя с собою царь ни силы многия, ни стенобитного наряду, ни огненных стрелцов, но токмо взя с собою варвар своих 3000 и два || воеводы с ним московския: един л. 67 об. послан на брежение царю в Казани быти с ним, князь Дмитрий Белской, с тем его двора 1000; другой же воевода князь Дмитрий Палещкой, тому же велено царя проводить в Казань и посадити его на царство и возвратитися к Москве. И пришед там царь, и встретиша его казанцы в пансырех, и в доспесех одеянны, не з дары царскими, со оружьи кровольюще, и взяша царя неволею, единого, в Казань, без воевод, и с ним мурз его и князей 100, и тех емша, и в темницу заключиша, а прочих всех на поле избиша на великом на встрече царя, не пущая || во град. л. 68. И виде воевода князь Дмитрий сотворшее над царем, проводив его с плачем и со слезами, поклонився царю, ни единая же ночи препочинув у града, и побежа скоро к Москве, и поведав сие самодержцу. Казанцы же отпустиша воеводу, ни единого же слова рекша худа, а после же каявся, отпущив его. А другаго воеводу, коего с царем послана на бреже-

ние, того на посаде оставиша, даша двор ему стояти за градом, не брежаху: егда како хошет; но токмо ездить ко царю не даху ему. Он же паче изволи со царем умерети

л. 68 об. в Казани, а к Москве не восхоте ехати. || И бысть тогда в Казани царь един, в лета 7054 (1546 г.), не яко царь, но яко пленник изыман и крепко брегом. И не спущаху его из града гуляти никамо же. И видев себе от казанцев неизбытную беду велику, тужаше и плакаше, и втаи бога небеснаго моляше, по вере своеи, и русьских святых на помощь призывая, и мысляше, как свободитися от напрасныя тоя смерти. Во царьския место власти смиряшеся пред ними, повиновашеся пред ними, ни в чем же пререковаше им, и славны пиры на них творяше по вся дни, дарове им подаваше, не

л. 69 хотяше же уже царьства, токмо || от горкия и напрасныя смерти избыти. Они же царьскую честь и дары ни во что же вменяше, и сосуды его, разставленные пред ними, златыя и сребренныя, на столе, разграбляюще, сердце его раздражающе, злии, да что изречет им — они же, вскочивше, ту скоро разсекоша мечи, аки сыроядцы звери аки овца или козла разторгнути. Но царьская смерть не бывает без ведома божия, ни проста человека ни коегождо. И вложи бог милосердие о царе вернаго ради его страдания за кристьяны, в сердце "большаго князя Чюре Нарыковичю", властеля казанскаго, власть имея надо || всеми казанцы, и пожелю о нем сердцем и душею своею, и припаде ко царю верною правдою нелестною, добру помощь ему дая советом своим, печаль от него отревая, и время подобно избежанию его сказуя, избавляя царя от неповинныя смерти; обличает же и сказует ему велмож московских, по имяном, доброхотающих ему, ис Казани вести о зле и о добре подающих им, дары и от них великие взымаше. И вдасть же ему грамоты их веры для за печатми. Казанцы же неотложно того дни хотяше царя убить, но побеждаше их смирение его, и маняху им Чюра, царя

л. 70 убить, день ото дни отлагаше. || Во един же день праздника некоего срачинскаго обычаи же имяше казанцы праздновати и веселитися дома, испивати в корчемницах многих. В тои же день созва царь на обед свои всех казанцев и велмож, и властелей, и судьи, и всех ратных людей, и купцев великих, до обычных и до простых, учрежа же их царь сам в полатах своих царьских, всему народу градцкому повеле брашно и пития, вина и медове на возех возити, великия сосуды мерныя наливати, неизчерплему быти поставляти на цареve дворе, и на площади, и во всем граде, и по улицам, и на распутиях, иде

л. 70 об. же збираютца || людие и куплю деют, и неимушым давати не-

возбранно пити до воля их всех. Велможам же великия дары им подаваше. Уланове же и князи и велможи, и мурзы все упившеся допьяна: кождо их, где завалашеся, и спаше. И вси царя похвалиша, убозии и нищии бога о нем моляху, и все до мертва пьяны спаху, до болших и до худых. И домыслися царь сего, — токмо бы тогда всех царь побил или бы царя на то кто вразумил, — токмо болших велмож казанских 20 убил и 20 болших велмож пьяных с собою ухватя и умча. Они же проспашася, все в чепех и в оковах, ведомыя на пути, они же плакахуся || совета своего и домыслия. Царю же а. 71 изготовившуся и воеводе его, нощи того дни приспевшу, во граде же всем людем, малу и велику, пьяным, Чюра же проводи царя ис Казани до Волги и испусти его убежати, и знорови ему, и рече Чюра: „Аз, царю, вместо тебе умру в Казани, и моя буди глава во твоея место главы. Ты же мною да избавлен буди и не забуди мене, егда будеши преже мене на Москве, пред самодержцем станеши, воспомяни мя ему и о себе“. Исповедав Чюра всю свою мысль царю: „Яко да и аз буду за тобою готов бежати ис Казани к Москве же, на имя самодержцovo. Аще ли не избегну, || убьен буду от а. 71 об. казанцев про испущение твое“. И совет ему дав Чюра, яко да ждет его царь на некоем месте знаеме, день ему нарек: „Да з женами своими, з детми, и с рабынями, и со всем имением своим, немедля ни мало да побегну и аз к украинам русьским“. Разгневаясь князь Чюра на казанцев о царе Шигалее, что леть сотвориша над царем не по совету его: взяша бо царя на вере и роте велицей, и восхотеша его убити, аки некоего злодея и худа человека, бога не убоися; брань бо конечную и кровопролитие зачаша с московским самодержцем, на отомщение себе и || чадом своим. Се бо царь испущен а. 72 Чюрою князем — и нареку же богом — и воевода его, со всеми отроки, князь Дмитрий Бельской небрегом, за царем же, побежаша к Василию граду, к Руским украинам, в борзоходных струзах, токмо душами своими, яко же роженны, чтобы едины главы своя унести от напрасныя смерти, всю казну свою пометав в Казани, златую и сребрянную, и оружную, и ризную, урвася аки зверь от тенята и яко птица от пругла на воздух полете, паки второе избыв от казанцев. От страха смертнаго царь же забы пождати друга своего вернаго, Чюру Нарыковича, || на месте уреченнем, избавлешаго его а. 72 об. от смерти. Во утрии же день приехаша нецен казанцы, князи и мурзы, надзрети царя и видеша царев двор, аки пуст стояще, ни входящих, ни исходящих не бе, ни стражей, ни брежателей, ни слуг царевых, стоящих его; и поискавше

царя в ложницах его, и не обретоша ни в единой храмине и видеша токмо стоятелей царевых лежаща иссеченных. Они же рече: „Ох, ох, увы, яко прелщени есмя; всяк посмеется нам; ведомо бо казанцем бежание царево“. И гнашася за ним, ведуще, яко не согнати его, и между собою котора-
 л. 73 хуся и пряхуся между собою, ово на того, || ово на инаго, и многи избиша между собою неповинных. Гневашеся вси на Чюру, яко унимаше их убити царя, и роптаху нань и зубы скрежетаху. Инии же почиташе Чюру за храбрость его и за высокоумие его во всем граде. Чюра же по времени собрався з женами своими и з детми; с ним же бе 500 служащих раб его, во оружиях одянных; и всех ратник с ним 1000, и присталых к нему — со всем богатством князеи, з женами и з детми, аки в села своя поеха прохладитися ис Казани, и побежа к Москве, спустя по царе Шигалее 10 дней. И догнав
 л. 73 об. места уреченнаго || и не обрете царя, ждуща его. И горко ему бысть в тои час. А казанцы же, уведав бежание Чюры, и гнавше по нем, и догнавше. Он же, обострожася в месте крепце, чаяхся отбити от них; и бившеся с ними долго. И убиша храбраго своего воеводу Чюру Нарыковича и с сыном его, и со всеми отроки его, яко прелагатаи есть Казани, доброхота царева; токмо жены его живы с рабынями в Казань возвратиша. И несть болши сея любви ничтоже, аще кто за друга душу свою положит или за господина.

О третеем взятие на Казань царя Сапкирия на царство, и скорой смерти его в Казани,
 л. 74 и о царицах его, и о казани велмож || московских, и о послание воевод московских в Казань

Послание по царя Сапкирея. По избежание царя Шигалея ис Казани, казанцы же приидоша за Яик и приидоша ко царю Сапкирею и молиша его, да идет на Казань царем третее, ничего же бояся; он же рад бысть и поиде с ними с честием в Казань на царство. И встретиша его з дары царьскими, и умиришася с ним, и царствова два лета, изверже окаянную свою душу вон от себе. Оле судеб божиих! Его же мечь ни копье не уби, — а многожды на рати смертныя раны возло-
 л. 74 об. жаху нань, и тои же пиян, руде свои и лице и нози умы||ваху, напрасно запенся ногама своима, и ударися во умывалный теремець главою своею, и заразися весь о землю, и все суставы тела его разлабеша, не успевшим предстоящим его ухватити. И оттого умре того же дни; рече сие, яко кровь кристьянская уби мя. И всех лет царствова на Казани 32 лета. И уми-

рая же "приказа царство меншой царице своей Нагаянине", сын бо ему от нея родися; трем же раздели имение свое равно царское и отпустить повеле во отечествия своя: болшая же поиде в Сибирь, ко отцу своему Сибирскому царю; другая же в Асторохань, ко царю своему отцу; третья же в Крым, ко братии своей, князем Ширинским; четвер||тая же бе руская л. 75 пленница, дщерь некоего славна князя, та по возвращении царя из Нагаи умре в Казани. И по смерти цареve воста брань велика в Казани, в велможах его крамола и губительство зло: не хотят бо казанцы меншие болших слушати и покарятися им, коим царство приказано бысть брещи; и вси бо творяхуся велики, и властвовать в Казани хотяще, за сие друг друга убиваше, инии же ис Казани убежаху к Москве, на имя самодержцово, служити ему. Он же небоязненно принимаше, подав им потребная нескудно, они же призываху племя свое к Москве. И выхаша || казанцев до 10 000 на Русь. л. 75 об. Божие слово збысться, во Еуангелие: аще кое царство востанет на ся само, то вскоре разорится и попираемо будет от язык. Царю же Шигалею ис Казани на Коломну прибегавшу, аки ястреб прибежав, борзо прилете и ту бо стояше все лето; царь же Шигалей московскому царю и великому князю втайне возвести вся на казанцев, о себе, как хотяше убиен быти от казанцев и как Чюра его упусти ис Казани. И показав грамоты их златыя за печатми их. Он же возяряся велми и рыкнув, аки лев, в правду сидевых обыскав и опытав, кристьянстих губители, бесерменских поноровников, || и повеле 3 бояр своих, полатных болших велмож, леств творящих, главней казни предати, четвертый же боле тех боярин, зелием опився, умре. 8 бояр тех, ведаючи дело сие, повинныя ти же бежанием скончаша, смертныя казни избыв, и дождашася времени, инеми обослашася. Царь же князь великий за сию измену казанцев посла земля казанския воевати все улусы 2 своих воевод преславных, а третьяго начального воеводу, храброго ^бкнязя Семиона Никулинскаго^б, достойнаго памяти и незабытнаго, да князя Василия Оболенскаго Сребрянаго и с ними || налехко рать многу, копенники л. 76 об. и тулоносцы и огненныя стрелцы. Отпущающе рече им слово царское свое, с любовью: „Весте, о силнии мои воеводы, каков пламень горит во сердцы моем от Казани и не угаснет никогда же. Вспомяните, когда же благо прияли есте от отца моего, от мене же еще мало, се ныне предлежит вам время показати ко мне служба своя нелестно; аще ми послушайте и печаль мою утешите, то-многим благим, паче перваго, друзи мои бысте“. И отпускает их Волгою в лодьях, и запо-

веда им не приступати х Казани, сам бо мышляше итти изговяся, егда ему время || будет.

Похвалю же мало словом храброго воеводу, всеми любимаго князя Симеона. Таков бе обычаем и умом: весел всегда, и светел лицом и радостен очима, и тих, и кроток, и силен в мужестве, и славен в бедах, и в скорбех терпелив, и научен копьем метати, и укрыватися от стреляния, и мечем сечи и на обе руки стреляти и в примету не грешити. Тои же воевода, князь Симеон, з другим реченным воеводою уязвляются сердцем и вооружаются накрепче со многими храбрыми вой, и шед повоеваше многия казанския области, кровью наполниша черемиския поля || и земли варварския побитыми мертвецы, а Казань град мимо идоша, неподалече, токмо силу свою показаша казанцем, не приступающе ко граду. А велми было мощно тогда невеликим трудом Казань взяти; пришли бо воеводы неведомо в землю Казанскую, а во граде бе мало людей: все велможи разъехашася по селом гуляти з женами и з детми, и царя во граде не бе. Обретоша его на поле со птицами ловящъ и со псы, впросте, в мале дружине. И побиша казанцев 3000, бывших с ним, и шатры и казну его всю, бывшую ту, разграбиша, большаго хлеба кормлю его яша жива, и самого же царя мало жива не || яша: мало жив во град утече, 5 или 10 юнош с ним, и град осади. И увиде бо царь, воеводы прошли Казань, в 3 день собра царь казанцев 20 000, посла за ними на похвале: ста тысящ Руси не бояться и переняти у них дороги, и догнати их, и побити, и повоевати руския пределы. Воеводы же почуяше за собою погоню и ставше негде в крепких местех, утаившеся; казанцы же 3 дни гнашеся за ними, и утомишася сами и кони их, и падоша опочивати замертва, чающе у них ушедших воевод. Воеводы же, изшедше от места своего, и поидоша молком, тихо гребуще к месту тому, || идеже казанцы от труда испочивают, и послаша неких подзрети. И видеша их крепко спящих всех и оружия с себя посъемшим, и стражей не имущим, и стада конская далече от них пасомы, не боящимся никого же, занеже во своей земли. И отогнаша преже кони их и, вседше на ня, и вострубиша в трубы и в сурны и нападаша на них в полудне, вару сущу и зною велику, и побиша тех 17 000, а 2000 взяша в плен, а с тысящу здравых и язвенных убегоша в лесы. И с великим пленом казанским воеводы пригониша к Москве, здравы все, ни мало их не паде. Рад бысть о сем велми царь и князь великий, и велелепно издари воевод || своих, и вся воя издоволи, ходившия с ними, и над пленом казанским великими своими дарованми царьскими, яко забыти им

вся труды своя, еже ходяще прияша нужным путем тем. И се збысться начальная победа, первая, сего самодержца нашего над злою Казанью. И никакоже царь с казанцы своими устраш(и)ся, ни смир(и)ся с московским самодержцем, ни престане от злаго обычая своего, еже воевати руския земля, но борзо умре по возвращении своем из Нагаи и царствова по той победе толко 2 лета. И от того лета, в не же умре царь казанский, начат царь князь великий рать свою подвизати, пременяя по вся лета, на Казанскую || державу; и неисходимо воинство руское бываше по 7 лет ие Казанския области, донележе, смилив его тем, и взят. л. 79 об.

Царь же князь великий, слышав царя казанскаго Сапкирея, злаго война и лютаго зверя, кровопийцу, але умерша, и в велможех его и во всех казанцех возмущение, и брань, и самоволие велико, и подвижеса умом и сердцем уязвися, и разгореся божественною ревностию по кристианьстве. И в третее лето царьства своего собра вся князи, и воеводы своя, и вся руская воя многа, и поиде сам х Казани, во || многих тысящах, в зимное время, в лета 7058 (1550 г.). И велика бысть нужда воем его; от студени бо и от мраза, и от глада мнози изомроша, и конскаго падежа безчисленно бысть. Велика бо тогда зима бе и мразна, к тому же и весна скоро поспе, и дождь мног велик идяше, месяць не престая лияше, — но или бог тако сотвори, или волхвованием казанских волхвов сие бысть, не вем, — яко и становищам воинским потонути, и мест сухих не обрести, где стояти, и огнем горети, и ризы своя посушити, и ядения сварити. И того ради мало стоя у Казани, токмо 3 месяцы от 25 дни декабря месяца и до 25 марта, присту||пающи ко граду по вся дни, бьюще по стенам из великих пушек. И не преда ему бог Казани тогда, яко царя не бе на царстве и не бы славно было взяти его. И возвратися на Русь, Казанскую землю всю почернив и главнею покатив, видя у града напрасное падение многое людей своих. И мимо грядущий путем по Волзе, ледом, за 15 верст от Казани, на реце зовомой Свияге, ей же устье в Волгу течет, и узрелу, между двема рекама, гору високу и место стройно, и твердо велми, красно, и подобно к поставлению града, и возлюбил ево сердцы своим. Но не яви тогда мысли своея воеводам ни единому же, и не рече, || ни досаже им, да не разгневаются нань, и паче времени не сущу. Бе бо место то пусто и лес велик по нему, подле же обою рек тех, Волги и Свияги, великия луги прилежат и травны велми и красны, вдале же от рек в гору, села казанския стояху, в них же л. 80 об.

горная черемиса живяше. Две бо черемисы бе в Казанской области, а языка их три, 4 язык варварьский, той владеяше ими; едина убо черемиса об сю страну Волги сидит, промеж великих гор, по удолиям, и та словет горная; другая же черемиса об ону страну Волги живет, и та ся наричет луговая, низоты || ради и равности земля тоя — и вся те луги, земля-пашцы и трудницы и злолютыя ратники. В той же стране луговой есть черемиса кокшаская и ветлужская, живет в пустынях лесных, ни сеют, ни орют, но ловом звериным и рыбным, и воиную питаются и живут аки дикии. И пришед к Москве царь князь великий, и роспусти воя своя препочити, и не прогневся на бога о неполучении орудия своего, и хульная словеса не рече к нему о напраснем хождении своем, и не ослабе от всегдашняго подвига и желания мыслию х Казани, и не обленися, ни преста от моления своего к богу || со слезами, || и не отчаяся надежда своя.

О видении сна царя и великаго князя, и о втором его послании воевод его х Казани, и о поставлении Свияжскаго града

И абие видит видение некое во сне, показующе ему место, где сам виде, и град ту поставити веляше, яко и древле царю Костянтину, на устрашение казанцев, яко да погибнут от лица его и да мало некое пособие и от града будет и украинам руским, и воем крестьянским крепость и покой, ратующимся с казанцы, да яко дома, на Руси, во граде своем живуще и временем исходяще из него, воюют || землю Казанскую. И убудився от сна своего и разуме, яко истинное есть видение, а не лжа, и послав призывает к себе скоро преж помянутаго многажды стараго царя Шигалея из отчины земля его, ис Касимова, яко верен ему бе паче инех царей и князей, и веля ему итти х Казани со всеми его служимыми варвары, яко же уже град знаем ему есть Казань и обычай их велик казанцом ведом. "Посылает же с ним 9 великих воевод своих, перваго князя Петра Шуйскаго, другаго князя Симеона Никулинскаго, выше реченнаго, третее князя Василья Оболенскаго Сребрянаго, четвертаго брата || его, князя Петра Сребре||наго же, пятаго Ивана Челяднина, шестаго Данила Раманова, седмаго Ивана Хабарова, восьмое Ивана Шереметева"; с ними же прочих воевод и многочисленное воинство руское, твердо-оружное и все златом испещренно, и хитреца и градоздавца и делателя; и повелев им казанския улусы пленити и воевати, и не щадити ни

жен, ни детей, ни старых, ни юных, но всех под мечь клонити. И на месте же своем, на любимем и паче же богом избранном, и град возградити, и всячески и неослабно при-
тужити их Казани, егда коли будет мощно.

Царь же Шигадей касимовский повеленье прием || от царя л. 83 об. самодержда своего веселым сердцем, не с гневом и хулением и скорбию, тако же и все воеводы великия и все московское воинство радостны поидоша, аки ведая и на готово орудие, шествие вскоре творящи х Казани плаванием в лодиях великою рекою Волгою, течение имеюще ей из Руси прямо на восток, от нея же за 15 верст град Казань о левую страну, везущи с собою готовый град деревянный на великих лодиях белозерских, того же лета нов и хитр состроен. И плывше 30 дней и приидоша в землю казанскую на реку Свиягу, на место указанное им, мая месяца в 16 день, || в субботу л. 84 седмую по Пасце, и стаха ту, не дошедше Казани за 15 верст. И видеша место угодно и добро велми, и возлюбиха е царь и воеводы все, и возрадовашася воя вся, и наутре, в неделю, распустиша воя по улусом казанским воевати, и пленити горняя черемиса и нижняя, овому же войску, пещдем, повелеша на горе той сещи лес и место чистити на поставление града, и божиим повелением вскоре делу конец прияти. И немногы дни готовый собравше, и поставиша град, велик и красен, в лета 7059 (1557 г.), месяца июля в 30 день, и в нем церковь соборную пречистыя богородица, честнаго || ея л. 84 об. рожества, деревяна и 6 инех монастырей у града устроиша, в нем же храм преподобный Сергии чюдотворец. Все воеводы и бояре, и купцы, богати и прости, и жителie во граде дома светлыя многи жити себе построиша, и радости и веселия наполнишася вси людие, и прославиша бога.

О бывшем звону на месте о чюдотворени, и о явлении Сергия чюдотворца Радонежскаго

И многа тогда быша исцеления от иконы великаго чюдотворца Сергия, яко же у гроба слепии прозреша, немые проглаголаша, хромым хождение, сухим простираение, глухим слышание, и бесы изгна, || и от плена ис Казани из- л. 85 бавляше, и всяк недуг исцеляше данную ему от бога благодатию. Яко же бо царь некий град свои великий возлюбил, в нем же царьствовати хотяше, то всяцemi земными вещми драгими и видимыми добротами украсил, да тем славен и красен будет ото иноземцов далечих и странных купцов и от всех человек, входящих в оный, да зряще на нъ и дивятся

и во своя си пришедши, и скажут инем красоты его, — тако же и блаженный отец наш Сергей чудотворец благими своими знаменми и чудесы украси и прослави новый град свой, ||

л. 85 об. от всех познася по сему, яко хощет неотступно жити в нем, и град свой и вся люди своя, живущая в нем, надблюдаеми присно, от варвар сохраняти. И прежде нам всего радостный вестник, неложный, бывает, о еже до конца исчезновение велико казанцем. И от сего прияша вся воя руская известно дерзновение на враги своя казанцы и на всю черемису их. И место же то сяково, идеже поставися град: прилежаху бо к нему подале от него превысокия горы, и лесом верси своя покрывающи, и стремнины глубокия, и дебри, и блата; близ же

л. 86 об единому стену озеро мало, имеющи в себе || воду сладку и рыбыц всяких мале доволно на пищу человеком, из него же округ града течет Шука, и река мало шед, втечет в Свиягу реку. И на таковой границы красне, промеж двою рек, Шуки и Свияги, новый град ста. И се первое явися начало божия помощи, молитв ради пречистыя богородицы и новых святых всех чудотворцов русских: егда бо царю и воеводам, пришедшим и град Свияжский ставити почавшим, в третий день приидоша ту з дары и обославшися старейшины и сотники горния черемисы, и моляхуся царю и воеводам, еже не воевати

л. 86 об. их, князем бо и мурзам их || оставлешим их в Казани во осаждение. Тогда вся горния черемиса царю и великому князю приложися, пол земля Казанския людей. И посла царь в улусы писари, и отписаша их 12000 луков гораздых стрелцов, кроме мала и стара, не возраславо юноши, ни стара мужа не написоваху тех луков. Сказоваху же бо и се царю и воеводам нашим старейшины и сотники горния черемиса, живущи неподалече от Свияжска града, тужаще и жалащися, иже добре гора сия святящися „и до поставления града“, рекоша,

л. 87 „за 5 лет, царю нашему того лета умершу, и месту тому пусту сущу, || и граду Казанску мирну, и всей земли его не сильно велми воеване от вас, слышахом ту часто по руски звоняще церковный звон; нам же во страсе бывшим и недоумеющимся и чюдящимся. И послахом неких юнош лехких, многожды, доскочити до места того и видети, что есть бывающее. И слышахуся гласы прекрасно поющих во время церковнаго пения, а поющих не видеша ни единого же, но токмо видеша стара калурия, выше рекше калугеря, ходяща со крестом и на вся страны благословляюща, и водою кропяща, и с образом яко любующа, место раз-

л. 87 об. умеюща, идеже || поставитися граду. То же место исполнено благоухания многа. Наши же юноши посланы жива яти

его покусишася, егда в Казань сведут на испытание, откуда приходит на место, и невидим бываше от них; они же стрелы своя из луков своих пушаху на него, да уязвивше поне тако изымут его, стрелы же их ни блиско к нему прихожаху, ни уязвляху его, но вверх восходяще на высоту и сокрушахуся тамо на полы, и падаху на землю. И устрашившеся юношата, и прочь отбегаху. Мы же дождахомся и помышляхом и дивящеся в себе, что се будет новое сие || знамение над нами; и поведяхом государем нашим, князем, и мурзам, они же шедше в Казань царице своей поведаше и всем велможам казанским. И царица же и они тако же дивляхуся и ужасахуся о явлении калугеря“.

О волхвех, прорицающих взятие Казани,
и о сетовании казанских старейших,
и гордение

И многажды бо и от велмож нецыи сами в полудне видаху и жены их и дети играюще, и градстии стражие в нощи того же калугеря, по стенам казанскаго града ходяща и крестом град обсеняяща, и такожде и водою на четыре страны покропляюща, но та||яху в себе и никому же того поведяху, да не страх и боязнь преже времени на вся люди нападет; но тайно друг со другом глаголаху и посылаху по хитрью своя волхвы, допрашивающе у них о том, что сие хощет необычное явитися. Волхвы же, яко древле елиньстии пророчествоваша о христове пришествии, сие и казанския глаголаху: „О горе нам! яко приближается конец нашему житию, и вера крестьянская будет zde, и Русь имать вборзе царство наше взяти, и нас поработити и владыкати нами силно не по воле нашей. Вы же, аще хощете, скажем вам прямо и необинующеся, и еще тихо || пожити в земли вашего отечества, и жен и чад ваших и родителей состаревшихся пред очима вашима побиваемых и ведомых в плен не видити, то избравше от себе пошлите мужа мудры и словесны к московскому самодержцу, могущих умолити его и укротити, заранее смиритесь с ним и обещаитеся быти подручни к нему, не гордящеся, и дани давайте: не требует бо он вашия дани, злата и сребра, и не нужно есть ему, но ждет смирения вашего и покорения истиннаго; и аще сего не сотворите, яко же глаголахом вам, то вскоре вси погибнем“. Старейшины же наша тужа||ху и печаляхуся, ови же горделиви и злии смеяхуся, и не внимаху речем волхвом, глаголюще: „Мы ли хотим подручники быти московскому держателю и его князем

и воеводам, всегда нас боящимся! Им достоин бо; и лепо есть нам итти владети и дани у них взимати, яко и прежде; оне бо царем нашим присягали и дани давали, и мы есмя тем изначала господие и оне раби наши; и како смеют или могут наши раби нам, господем своим, противитися, многажды им побежденным от нас бывшим? Мы бо искони обладани не быхом никем же, кроме царя нашего, но и слушающе ему волны есмя в себе: камо ходем, тамо идем, и ту живем || и волею своею служим; и в велицей неволе жити не обыкохом, яко же на Москве у него живут людие, велики скорби терпяще от него; тем ни слушати ходем, еже глаголете“. И многи хулы глаголавше и укоривше волхвов, и посмеявшеся им, и вон изгоняху от себе безчестны, плюнувше на лица их. Иногда же в темница всаждаху их, да не возмущают людми. Они же паче вопяху к народу: „Горе, горе, казанским людем! яко во плен и в расхищение будут руским воем. Горе же и нам, яко волхвования наша с нами исчезают“. И се тако збысться, яко же рекоша волхвы наша.

л. 90 об. И разуме царица от волхвов, яко збысться || конец проречения оная болящая царица сибирския, но молчаше и людие укрепляше. Прорече бо некогда та царица казанское взятие в болезни своей, аки неволею в себе таив.

О царицыне проречение о Казани. Глава 31

При царе бо еще некогда, ходившим казанцем войною на Руския пределы, на Галич и на Вологду, и на Чюхлому, и на Кострому, и много крови кристьянския пролившим и взявшим тогда, изгоном прискочившим, град пребогат Балахну, немногими людьми посланы от болших вои, токмо 6000, на мясной всеедной неделе, на зоре утренне, градцким людем

л. 91 изооплошившимся || и во время то испивающим, яко же обычаи есть кристьяном в тыя дни о бозе веселитися. Варвари же мужей и з женами и з детми всех под меч подклониша, не ведуще их в плен, отяччения ради: едином бо златом и серебром и одеждами златыми, инеми таковыми же и всяцыми вещми многоценными угрузишася и взяша боле всяя рати своя, наполнивше возы выючныя бремяна тяжкая; обычного же рухла от смиренниших ничто же взимаху, но вся во огонь сия вметаху и зжизаху, яко непотребна им. И с таким с великим

л. 91 об. пленом в Казань пришедшим. || Царю с воеводами своими веселящуся на пиру своем, а царице его болшей, Сибирке, на одре лежащи и люте болезнующи недугом неким, и царь весел прииде к ней в ложницу, радость ей поведая, рускаго

плена и богатства неизчетнаго привезение к нему; она же, мало помолчав, аки новая Сивилла, Южская царица, со вздыханием испущаше глас, отвеща ему: „Не радуйся, о царю, сия бо радость и веселие не надолго время будет нам, но по твоей живот, и оставшимся в плач и в сетование нескончаемое обратится; и за ту неповинную кровь крестьянскую своюю кровию отлиют, и зве||рие и пси поядят телеса их, и не родившимся и умершим до того будет и блаженишии. И царице в Казани по тебе уже не будут, вера бо наша во граде сем искоренится и вера будет святая в нем, и обладан будет руским здержателем“. Царь же замолчав и разгневався на ню, вон от нея из ложницы изыде. л. 92

О бесе, творящем мечтание пред человеки,
живущим во граде

К сему же и се третье знамение при мне же бысть, еще бо ми тогда в Казани живушу. Бе не в коем улусе казанском мал градец пуст, на бреже высоце Камы реки стоя, его же || Русь именует бесовское градище. В нем живяше бес, мечты творя от много лет. И то бе еще старых болгар молбище жертвенное. И схожахуся ту людие мнози со всея земля Казанския, варвари и черемиса, и мужи и жены, жруще бесу и о полезней себе вопрошаху от ту сущих волхвов. Бес же аки овех от недуг исцеляше, и овех, с нерадением минующих его, умаряше, не пометнувших ему ничто же и плавающих рекою опроверзаше ладыя и потопляше в реце, чюдо же, и от крестьян неких погубляше, тем никто же смеяше проехати его, не повергши мало что от рухла своего. И к вопро||шающим ответы невидимо отдаеше жертвы своими, л. 92 об. и комуждо их ⁸долголе(т)ствие сказоваше, и смерть и здравие, и немощи и убытцы и на землю их пленение, и всяку скорбь. И на войну пошедше, жряху ему совопрашающиеся с волхвы, аще з добытком или со тщетою возвратятся. Бес же все провяляше им впред и сим прелщаше, овогда же и лгаше. И посла тогда царь самого сеита казанскаго вопрошати, аще одолеет Казань московский царь князь великий, или казанцы ему одолеют, и до 10 дней павше на землю кляцаху и молахуся ерея бесовския, не востающе || от места л. 93 об. и мало ядуще, да не умрут з гладу. Минув 10 дней, в полудни отозвася глас от беса в мечети, глаголюще, всем людем слышащим: „Что стужаете мене? Уже бо вам отныне несть на мя надежи, ни помощи ни мало от мене; отхожу бо от вас в пустая места, непроходная, прогнан христовою силою;

приходит бо зде, со славою своею и хошет воцаритися в земли сей и просветити святым крещением". И по мале часе явился дым черн, велик, изнутри градца, из мечети, на воздух идя, смрад зол. Из дыма же излете змий велик, огнен, и на запад полете, всем нам зрящим и чюдящимся, и невидим
 л. 94 бысть || изо очию нашу. И разумеюще вси бывшее ту, яко исчезе живот их.

О царицыне владении Казанию всею
 и велможам с нею же болших, и печаль их
 о поставлении града Свияжска

Царя же в то время не бе на Казани, умерл бо бяше, и остана царица его млада, и "родися от нея царевич един, именем Мамшкирей", едином летом у сещу матери своей. Ему же по себе отец царство приказа. И владевше тогда пять лет после царя своего царица, Сумбек имя ей, всем Казанским царством, докуду сын ея возрастет, царевич, и во царьский
 л. 94 об. разум приидет совершен. И брег||яху с нею Казань уланове, и князи, и мурзы, и болшия велможи, приказшики, в них же бе первый боле всех царевич крымский, "именем Кошак". Той за едино лето до сего Казань отстоя и от взятия удержал от самого царя московскаго. Се же вси видевше, царица и вси держатели казаньския, и простыя земския люди, черемиса нижная, по рускому же чернь, что прииде из Руси царь Шигалей касимовский со множеством вои русских, с великим народом именным, аки смеяся им, и играя, не во многи дни поставиша град среди земли их, яко на плещах их, да поди-
 л. 95 вятся им; нагорная страна черемиса отступиша от них || вся и заложися за московскаго царя. Казанцы же вборзе ничего же не ведавшие, ни поставления граднаго, ни черемисы отложившиися; много им сказующе и не яша веры, гордостию снедаемы, чающе малый градец поставлен, зовом гуляй. Тот бо многожды ходил с воеводами х Казани, сотворен на колесех и утвержден чепми железными, его же некогда оторваша казанцы и в нем пушек ухватиша. Егда же истинну уведаша казанцы, что поставлен бысть великий град, и почаша тужити и тосковати. И возбоися царя казанцы вси, и устрашишася зело:
 л. 95 об. вниде трепет в них велик, крепость их || в них исчезе, и мудрость и гордение их поглощено бысть христовою силою; и рекоша сами к себе: „Что сотворихом? почто не убрегохомся? как уснухом? как оболсти нас Русь лукавая, аки во сне?“. И думавше много со царицею. Она бо, аки лютая лвица, неукротимо рыкаше, веляше им в Казани осаду крепити и вои

многих на помощь отвсюду збирати, отколе пойдут к ним, от Нагаи, и от ⁹Асто(ро)кани, и от Крыма, и от Азова, аще не достанет столикых своих вои на противление Руси, и давати им царьския казны злата и сребра без скупости наима, елико хотят; царя касимовскаго Шигалея и воевод московских || со всею силою рускою изгнати от земля Казанския, и л. 96 град новый отняти, всячески противитися, доколе мочно. И никто же ея слушаше. Царица бо ведаше неизбытие свое: волею предатися не хотяше. Един бо некто ея подкрепляше и крепче с нею стояше за Казань, противляшеся безо лсти московскому самодержцу, воюяся и премогаюся с ним 5 лет, по наказу царя своего, и по смерти его выше всех почтен бысть от царя своего, воеводства его ради и мужества его на бранех, именем Кошак царевич, муж зело величав и свиреп. К нему же приложишася крымцы и нагаи и все приезжаху языцы в Казань || до 20 000; и хотяху те брань составляти с Русью. Казанцы же все не хотяху, глаголюще, яко мы немощни есмя ныне и не сильны противитися воем руским, аки неизученные младенцы; и бысть между всех прѣя и несогласие во едину мысль, и за сие погибоша. л. 96 об.

О любви блудной со царицею улана Кошак,
и о избежание его из Казани, и о ятие его,
и о смерти

Того же царевича Кошак не токмо вси казанцы ведаху от своя ему жены прелюбы творѣща со царицею после царя, но и на Москве слышащим речь ту и во многих ордах. Еще же и злее сего, мысляше с нею царевича, сына ея, убити, юнаго. Велможи же || все обличаше его о беззаконии л. 97 том. Он же восхоте царицу за себя взяти и воцаритися на Казани. Тако бо женское ко греху естества полско; никийждо бо тако прелютый зверь убивает щенца своя, ни лукавая змия пожирает изчадий своих! Советницы его, велможи, възбраняху ему, да престанет от злодейства того, и убийством преѣдаху ему; он же, власть имый надо всеми, и не смотряше же ни на кого же. Любляше бо царица, зазираше доброте его, и разжизанми плотскими сердце ея уязвлено бе к нему всегда: не можаше ни мало быти без него, не видя лица его, огненными плотми распаляема. || Кошак же л. 97 об. царевич, видев царство все волнуемо люте, и разуме немощение свое и неизбытие, неминующую беду свою от казанцев мятущихся всех и не слушающих его ни в чем, и умысли убогжеством сохранити живот свой, и нача у казанцев про-

ситися ис Казани ласковыми словесы, яко да отпустят его в Крым. Они же отпустиша его честно, со всем имением его: бе бо велми богат зело. Он же собрався с крымскими варвары, жившими в Казани, и взя брата своего, и жену свою, и два сына своя, и взя стяжания своя, и нощию востав, побеже ис Казани, не являясь никому, яко не побежа, яко ||

л. 98 збирати воя и поиде сам, не веруя бо инем посланным от него: все бо посылаеми дожидаху тамо, уду же посланны бываху, на собрание воинном, к Москве и з грамотами его приезжаху и отдаваху самодержьшу. Казанцы же испустиша его и даша весть царю Шигалею, да не въздет на них вина бежания его, — не любяше бо его казанцы за сие, что он, иноземец сый, яко царь сильно владеша ими. Царь же Шигалей послаша за ним в погону воеводу Ивана Шереметева, а с ним 10 000 легких людей. Воеводы же догнав его в поле бежаща л. 98 об. межу двема реками, || Доном и Волгою, на переволоке, и побиша всех бежащих с ним 5000, и взяша богатства много у них. Самого же улана Кощака и з братом жива яша и з женою, и 300 добрых с ним варвар, в них же бе 7 князей и 12 мурз, и послаша к Москве оттуду. И приведоша буяваго варвара во царствующий град бесчестна, аки лютаго зверя, всего железными чепми окована. И не хотеша добром смириться и волею предатися, бог неволею предаша же его. И вопросиша же повелением царевым: аще хошет креститься и служить ему, л. 99 то да милость примет от него || и жив будет. Он же раб его быти хотяше, а креститься отрицашеся, ни мыслию внимаша. И благословения не хоте и удалися от него. По неколкоцех днех державше его в темницы, изведоша его войны из града на секательное место со всеми его варвары и побиша их паличьем всех. А жену его и со двема сыны ея крестиша во православную веру, и взят ю к себе христоролюбивая царица в полату жити, а два сына Кощаковича царь взяша к себе во двор и изучи их руским грамотам гораздо и крепко.

О думе велмож казанских с царицею о Казани и о миру их со царем Шигалеем и с воеводы

л. 99 об. По избежении ис Казани царевича Кощака собращася ко царице и рече: „Что дума твоя с нами, еже о нас? когда утешимся от скорби и печали нашаия душа? На ны уже бо прииде кончина твоему царьству и нашему с тобою владению, яко же мы сами себе видим за великое наше согрешение и неправду, бывшую на русских людей, и постиже царство наше гнев божий и нас плач неутешимый и до смерти

нашия; бе бо сама видела еси, колко Руси победих и погубих и с великим таким царьством много лет боряхуся. И паче боле их умножается, бог бо их с ними всегда побеждает нас. И аще восходем || на них востати, супротив Руси, бранию, л. 100
яко же ты пущаешь нас, руским бо воем многим сущим, готовым уже, велик наряд у себе имущим, на том пришедшим к нам с нами братися. Нам же немногим с людьми не собравшимся и не изготовившимся; да вемы сами себе, яко побеждени будем от них, неже победим их. А храбрый Кошак царевич, его же имехом у себя в даря место, чтяще и покаяющееся ему по цареву приказу, и надеяхомся нань, аки на царя же, а он в горкое сие время и нужное прежде всех нас устрасися, и оставя нас в мятежи и в печали, взяв имения многа своя же || и чюжая, и храбрых людей тайно сведе у нас, л. 100 об.
яко всему царьству грубя, и побежа с великою корыстию, хотя един угонзнути божия суда. Не убежав и от коих бегаше, и бояся изымания, и к тем сам прибежав, и впаде в руде, и погибе. Ныне же высокоумие наше и гордение наше преложим на кротость и на смирение, вся оставльша нелепыя наша думы, идем ко царю Шигалею с молением и смирением от лица твоего, яко да не бы помнил нашия вины и поругания, еже иногда сотворихом ему и хотяще многажды убить его, дабы царем на Казани сел и взял тебе че||стно женою л. 101
себе, не гордяся тобою, с любовию, не яко горкую пленницу, но яко царицу любимую и прекрасную, да бы укротилось сердце его, и умирятся воеводы все“. И любя бысть речь царице и всем велможам, и всему народу казанскому. И сими словесы совещававшиеся и болша сих, и поидоша от царицы болшие велможи и уланове, князи и мурзы казанския во Свяжский град ко царю Шигалею и к воеводам. И пришедшим к ним и вдаша им дары светлыя и начаша тихо глаголати о смирении от всего сердца их, неместно молити царя Шигалея, яко да идет на царство в Казань и ни||чтоже л. 101 об.
сумняся: „Молим тя, благоволный царю, и кланяемся вам, великим воеводам, всем; не погубите нас, раб своих, до конца; примите наше смирение и покорение, и великий град наш, и вся земля державы его пред вами есть, и ваша да будет; у нас же ныне несть даря на царстве, того ради меж нами бывает мятеж велик, межюусобица и нестроение земское. Ты же аще помилиуеши нас, царю, и все зло наше забудеши и не воспоминаеши древние своея обиды, не мстиши нам, и царицу нашу возмешь за себе, то все царство наше и со всеми нами повинна ти будет“. Царь же, советовав с воеводами, яко же наказа им || самодержец во единой л. 102

мысли жити и о себе ничто же творити, и прият смирение казанцев и няся у них царем быти на Казани и царицу их поняти. И приезжаху на зговор по 15 дней казанцы и пиро- ваху и веселяхуся у царя и у воевод. И уложиша царь с казанцы мир аки вечный, и приехаша в Казань велможи, возвестиша царице, яко мир со царем совершен прияша, да и царство предаша, и тебе хочет поняти царицею.

О царицыне отраве, данной царю на смерть,
и о гневе его на царицу

Она же аки на радости велицей посла ко царю некия
л. 102 об. дары честныя и царское некое брашно устроив; он же по-
веле поискусити, брашна часть малу дати псу снести,
а питье же излити: пес же, брашна того лезну языком, и
расторже его на кусы. В другой же ряд царица присла к нему
срачицу драгу, царьску, зделав сама, своими рукама; царь же
повеле возложить на себя служащему своему, осужденну на
смерть варварину: отрок же паде тотчас на землю мертв, яко
всем бывшим устрашитися ту. Царь же извет о ней сотвори

л. 102а казанцем, глаголя, яко по вашему научению сотво||ри сия мне
царица ваша. Они же кляхуся, неведуще сего, и даша ему
волю, яко же хочет с нею за сие зло. И разгневался на ню
царь, и ят царицу и к Москве посла ю, яко прелютую зло-
деицу, со младым лвищем, сыном ея, со всею царьскою
казною их. А казанцы же ведаша то известно и не стаха
о ней со царем вопреки, что царица слово свое и клятву пре-
ступи. Казанцы же подустиша его на ню и волю ему даша
вывести царица невозобранно ис Казани, яко да не все царь-
ство погибнет единыя ради жены: „Яко мы составляем мир
и любовь, како бы избыти вскоре печали сея минути, она же
л. 102а об. воздвизаше брань || и мятеж: вправду она сего достойна изгна-
ния“.

О смерти сеитове и всего рускаго плена
испущение ис Казани

По царице же сеита своего казанцы, мнимаго учителя
ложнаго закону Бахметева, сами руками своими явше и от-
давшие его царю приведша, яко худа и непотребна им, воз-
мущающа всем народом, во единой совести с ними не согла-
сующеся, и царю не покоряющеся. И повеле царь в той же
час главу ему отсеци, а богатство его все в казну переписав
самодержьцеву взяти повеле, и весь в Казани плен русский,

много, избравше за 30 лет, изо вся земля казан||ския, числом л. 103
боле 100 000 мужей и жен и отроковицы, и на Русь от-
пустиша. Инии же застаревшеся прелестницы мнози у них
осташася, не хотяща обратитися к вере христове, и до конца
отчаявше своего спасения, и погибоша окаянии, свет от-
вергше истинныя веры, а тму возлюбивше.

О изведение царицы с сыном ея из Казани
и о плачи ея

И егда ведомо быти царице ис Казани, тогда посла по
ню царь великаго воеводу московскаго, князя Василия Среб-
ряного, а с ним вои 3000 вооруженных, 1000 огненных
стрелцов. || Воевода же, вшед во град, и ят царицу со царе- л. 103 об.
вичем ея, яко смирну птицу некую во гнезде со единым.
малым птенцем, в полатех ея, в превысоких светлицах, не
трепещущи же ей, ни боящися, со всеми ея любимыми рабы-
нями и с великими рожденными женами, отроковицами, жив-
шими в полатех с нею. Царице же не сведавше изымания сво-
его: аще бы сведала, то бы сама ся убила. Вшед же к ней
воевода с велможами казанскими в полату, одевя во златую
одежу, и ста пред нею и, снемша златый венец з главы
своея, и рече ей слово тихо и честно, толком: „Поимана л. 104
еси, волная || царица казанская, великим богом нашим, Исус
Христом, царствующим на небеси, от него же царствуют
вси цари на земли и служат ему князи и власти до воля его,
богатыи величаются и силнии похваляются и храброствуют;
той надо всеми господь един, царству же его несть конца,
той ныне от тебе царство твое отъемлет и предает тя
с ним в руке великому и благочестивому самодержцу вся
великия Руси. Его же повелением аз, раб его, приидох
по тебе послан: ты же буди готова скоро с нами поитти“. л. 104 об.
Она же разуме толком речь его и против отвещав слова
сего, воспрянув от высокаго ме||ста своего царскаго, на нем же
сediaше, и ста поддержива под руке рабынями ея, и умильно
с тихостию отвещав варварским языком: „буди воля божия
и самодержьцева московскаго“, и после заразися о руки
рабынь, поддерживающих ю, и пусти глас свой с великим пла-
чем и подвизающе с собою на плач и то бездушное каме-
ние. И тако же и честныя жены и красныя девица в полате
у нея многоплачевный глас на град пушаше, и лица своя крас-
ныя деруще, и власы рвуще, и руке и мышцы кусающе.
И восплакася по ней весь царев двор и велможи, и властители,
и вси царьстии отроцы. И слышав||ше плач той, стекахуся л. 105

народ ко цареву двору и тако же плакахуся, и кричаху неутешно, хотяху воеводу жива поглотити, аще бы мощно и воля, его камением побити; ино не да им воли властели их, бьюще их шелыгами и батоги, и дреколием разгоняху их по домом. И похватиша царицу от земля стояще ту с воеводою ближнии ея старейши, воеводы и велможи, мало не мертву, едва отлияша водою, и утешающе ю. И умолен бысть воевода, да еще помедлит мало царица в Казани. Он же у царя и у воеводы вопросы, и дал ей воевода 10 дней пребыти в полатех своих, за крепкими стра||жами, да не ¹⁰(у)бьет сама себе, и дав ее беречи велможам казанским и сам почасту ходя назиравше ю. И стояще же во цареve же дворе во инех полатах, не просто, бегом от своих вои, да не зло некое неведомо учинят казанцы лукаво над ним, и преписоваше цареву казну всю и до пороха, и запечатав самодержждовою печатью, и наполнив до угружения 12 людей великих, златом и сребром, и сосуды сребряными и златыми, и украшенными постелями, и многоразличными одеянии царьскими и воиньскими оружьи всякими, и высла ис Казани преже царицы

а. 105 об. со инем воеводою в новии || град. Посла за казноу и хранителя казеннаго,скопца царева, да тои сам книги счетныя пред самодержждем положит. И по десяти днех поиде воевода ис Казани, за ним же поведоша царицу ис полат ея; во след его воеводы несущи ея под руце, а царевича, сына ея, пред нею несоша на руках пестуны его. И упросися царица у воеводы у царева гроба проститися; воевода же отпусти ю за стражами своими, а сам ту у дверей стояще. И вниде царица в мечеть, где лежаше умрый царь, и сверже златую утварь з главы своея, и раздра верхнии ризы своя, и паде у гроба царева, власы своя терзающе, || и ноготми лице свое деруще, и в перси своя бьюще, и плакася горко, вопия, глаголя: „О милый мой господине, царю Сапкирее! Виждь ныне царицу свою! Любил еси паче всех жен своих, сведому бываему в плен иноязычными воины на Русь, с любимым твоим сыном, яко злодеица. И не нацарьствовашеся с тобою много лет, ни нажившись. Увы мне, драгий мой живот! Почто рано заиде красота твоя ото очию моею под темную землю! Увы мне, меня вдовою остави, а сына своего сиротою младенца. Увы мне, где лежиши, где тамо живеши,

а. 106 об. да иду к тебе и живу с тобою. И почто ныне || остави зде? Увы мне, не веси ли сего: се бо предается царица твоя врагом твоим в руце, ненадеемым сопостатом нашим, московскому царю. Мне же убо единой не могущи в рати битися силе и крепости его, не имех помогающих мне, вдахся воли

его. Увы мне, аще от инаго некоего царя пленена бысть была единого языка нашего и веры единая, то шла бы тамо, не тужа, но с радостию и без печали. Ныне же, увы мне, мой царю милый, послушай горкаго моего плача и отверзи ми темный свой гроб и поими мя к себе живу, и буди нам гроб твой един тебе и мне царская наша ложница и || светлая л. 107 об. полата. Увы мне, царю мой, не рече ли тебе большая твоя царица, яко добро тогда будет умершим и неродившимся, и се не збысть ли ся тако? Ты же ничего сего не веси, нам же прииде живым горе, и болезнь прииде. Приими, драгий царю мой, юную и красную царицу свою, не гнушайся мене, яко нечто да не наслаждаться иновернии красоты моя, да не буду лишенна от тебе конечнее, и на землю чюжую не иду в поругание, и в посмех, и во иную веру в чюжую, и во язык незнаемые люди. Увы мне, господине мой, кто пришедши мне тамо плач мой утешит, и горкия слезы моя утолит, || и скорбь души л. 108 моей возвеселит, или кто пресетит мя? Несть никого же. Увы мне, кому тамо печаль мою возведу: к сыну ли нашему, но той еще млечную пищу требует; или ко отцу моему, но той отселе далече; х казанцем ли, но они чрез клятву отдаша мя. Увы мне, милый мой царю Сапкирее, не отвечаеши мне ничего же, горкия твоя царица не слышиши ли? Се при дверех, zde, стоит немилостивый воин и хотя мя поглотити, яко зверие дивии серну восхитити от тебе. Увы мне, царица твоя бех иногда, ныне же горкая пленница; и госпожа именовался всему || царьству Казанскому, ныне убо убогая его и худая л. 108 об. раба. И за радость плачь и слезы горкия постигоша мя, и за царскую утеху сетование и болезнь и скорбныя беды обыдоша мя. И уже плакаться не могу — слезы текут ото очию моею; и ослепоста очи мои от безмерных слез моих, и премолче глас мой ото многого вопля моего“. И ина многа причиташе царица и кричаше, лежаще у царева гроба на земли, яко 2 часа, убивающесе, яко и самому воеводе приставнику прослезитися, и уланом же, и мурзам всем предстоящим ту плакаться, многим и рыдати. И приступиша к ней || царевы отроцы л. 109 повелением приставника воеводы, со служащими рабынями ея. И подняша ю от земли мертву исполу, видеша ту вси людие открыто лицо ея, кроваво все от многого драния, опухше от слез ея. Красоту ото обычных ея велмож, всегда входимых к ней о делех земских, никто же нигде же никакже виде. И ужасеся приставник, воевода, яко не брежаше ея. Бе бо царица образом красна велми и в разуме премудра, яко не обрестися такой лепоте лица ея во всех в казанских женах и в девицах, но и во многих в русских на

Москве, во дщерях и в женах в боярских и во княжнах. ||

л. 109 об. О утешных воеводских глаголах ко царице и о провожение ея от рода казаньскаго

Воевода же приставник, близ пришед к ней, и болшия казанския увещаваху царицу сладкими словесы, да не плачется и не тужит, глаголюще: „Не бойся, госпожа царица, престани от горкаго плача, не на бесчестие бо и не на смерть идеши с нами на Русь, но на великую же честь к Москве ведем тя, и тамо госпожа многим будеши, яко же zde в Казани была еси; и не отыметса честь и власть твоя от тебе: самодержец милость велику тебе покажет, милосерд бо есть ко всем, никакоже воспо||мнит зла царя твоего, но и паче возлюбит тя, и даст на Руси некия грады своя вместо Казани, в них царствовать, и не оставит тя до конца быти в печали и в тузе и скорби, и печаль твою на радость преложит. И есть на Москве много царей юных, по твоей версте, кроме Шигалея, кому поняти тя, аще восхощеши за другаго мужа посягнути. А Шигалей бо стар есть, аки отец тебе или дед, ты же млада, аки цвет красный цветяся или ягода винная, сладости наполнена; и того ради Шигалей не хочет поняти тя за себе. То бо есть в царевице воли самодержьцеве, яко той похошет, ||

л. 110 об. тако и сотворит о тебе. Ты же не печалися о том, ни скорби“. И проводиша ю из града честно всем градом и народом градцким, мужи и жены и девицы, и мал и велик на берег Казани реки, воюще горко по царице, аки по мертвой, все от мала и до велика. И плакася ея горко весь град и вся земля неутешимо лето цело, и поминающе ея разум и премудрость, и к велможам честь, и ко середним и ко обычным милование и дарование, и ко всему народу бережение велие. И приехав царица в колымаге своей на берег к реке Свияге, и подняша ю под руже ис колымаги ея, не можаше бо востати сама о себе от великия печали, и обратися и || поклонися всем казанцем; народи же казанския все припадаша на землю на коленех своих и поклонение дающе ей по свойски. Введоша ю во уготовленные царския струги, в нем же иногда сам царь на потеху яздыше, борз хождением, подобен летанию птицы и утворен златом и серебром, и место царицыно посреди струга, теремец цклян доспет, аки фонарь светел, златыми цками покрыт, в нем же царица седище, аки свеща горя, на все страны видя. С нею же взя воевода 70 жен и девиц красных 30, добродородных, на утеху царицы; и поло-

л. 111 об. жиша ю в теремце, яко на царьской постели аки бол||ну

и пьяну упившуся непросыпною печалию аки вином. Воевода же и велможи казанския седоша по своим стругом. Мнози же от гражан простых, чернь, пеши провожаху царицу, мужи и жены и дети, по обема странам Казани реки, очима идучи зря вслед ея докуду видети она, и возвращахуся назад с плачем и рыданием великим. Пред царицею же, впереди и назади, во обоих струзах стрелцы огненные идяху, страх велик дающе казанцем, силно ударяюще ис пищалей. Велможи проводиша царицу и обычныя казанцы до града Свияжска, и вси возвратишася в Казань, тужаще и плачуще, полезная о животе своем промышляюща. ||

О поведении царицыне к Москве ис Казани л. 112
и о плачи ея от Свияжскаго града идущи

И проводиша царицу от Свияжскаго града 2 воеводы с силою до рускаго рубежа, до Василя града, третей же воевода, приставник царицын, боящеся, егда казанцы раскаются и достигнуша царицу отымут у единого воеводу, многожды бо они извершася, преступающе клятву. Царица же казанская, егда поведена бысть к Москве, горко плачуще Волгою идучи, зряще очима на Казань и рече: „Горе тебе, горе тебе, граде кровавый, горе тебе, граде унылый, что ли еще гордостию возносишися? Уже спаде венец || з главы л. 112 об. твоя, и яко жена худая вдовая явльшиися осиротевши. Раб еси, а не господин. И преиде царьская слава твоя и кончася, ты же изнемогше и падеся, аки зверь, неимуше главы. Не срам ти есть, аще бо вавилонския стены имел еси и римския превысокия столпы, то никакко бы еси от такова царя силна устоял еси, всегда огневою обидою от него тебе быти обидиму. Всяко бо царство царем содержится премудрым, а не стенами столповыми, и рати сильные воеводами крепки бывают и без стены. И кто тебе царьство не одолеет? Царь твой сильный умре, и крепкие воеводы изнемогше, и вси || людие охудеша, и ослабеша, и царства иныя за тебе л. 113 не сташа, не давша ни мало пособи, и тем же сы всячески побежден еси. И се со мною восплачешися о себе, красный граде, воспомянув славу свою, и торжества своя, и пиры и веселия всегдашния! И где ныне бывшая в тебе иногда царския пирове и величества твоя? и где уланове, и князи, и мурзы твоего красования и величания? и где молодых жен и красных девиц ликове, и песни и плясания? И вся та ныне исчезе и погибоша; в тех место быша в тебе много народного стонания, и въздыхания, || и рыдания непрестанно. Иногда л. 113 об.

в тебе реки медвенныйи и потоцы винныйи в тебе тедаху; ныне же в тебе реки людей твоих крови проливаются, и слез горячих источницы проливаются, и меч русский не ¹¹от(рыва)ется, дондеже вся люди твоя изгубит. Увы мне, где ныне возму птицу борзолетную, глаголюще языком человеческим, да пошлю от мене ко отцу моему и матери, да возвестит случившаяся чаду их. Суди бог, мсти во всем супостату нашему и злему врагу, царю Шигалею. И буди вся клятва наша на нем и на всех казанцех, что предаша мя врагу нашему. И само-

л. 114 держду оболсти, не хотя мя пленницы поняти и болшею женою имети, но един хотя без мене царствовать в Казани з женами своими. И разгневаться самодержцу сотвори на мя; по велению его изгоняет нас с царства нашего, неповинна. И за что лишает нас от земля нашия и пленует нас? И болша сего не хотела бых ничего от него, токмо бы мне дал негде в Казани улусец мал земли, иже бы могла до смерти моя прожити в нем; или мя отпустил во отечествие мое, в Нагайскую Орду, ко отцу моему Исупу, великому князю заяитцкому, от тоя же страны взята есмь за царя казанскаго, да

л. 114 об. тамо бы жила у отца в дому его, аки раба || его свету дневному не зря, и плакалася бы сиротства и вдовства моего до смерти. Но того бы ми лутши было, где царствовала с мужем моим, ту заточение нужное прияти и горкую смерть и умерети, нежели к Москве сведенна быти, в поругание и в посмехи на Руской земли, и во всех наших срачинских ордах от царей и от князей владомых, и от всех людей горкою пленницею быти и слыти". И хотяше ся царица сама убити, но не можаше, приставник ради и брежения крепкаго. Ведущи же ю приставницы и не можаше ю всяко утешити, и до Москвы путем идущи от великаго умильнаго горкаго плача ея, обеща-

л. 115 ва||юще ей велику честь от царя прияти. Приставник же воевода, аки орел полете похищая себе сладок лов, мчаше царицу, не медля, день и ночь, скоро ведяше ю в великих струзах до Нижнего Нова града, по Оке реке к Мурому, и к Володимерю, из Володимеря же посадив царицу на царьския колымаги, на красныя позлащенные, яко царице честь творяще.

О бывши вести турскаго царя о Казани и о царице, и о послании з дары его к мурзам нагайским

Скоро же доиде весть от Казани о царе до самого нечестиваго царя турскаго салтана во Царьград. И воспечалися ||

л. 115 об. о том велми турский царь салтан, яко все свое злато египетц-

кое погубил, болши всех даней земных его, приносимых к нему, недовадав, кое пособие дати царьству Казанскому, далече от него отстоиму ему.

И умысли с паши своими, посла в Нагаи послы своя ко всем начальным и болшим мурзам, со многими дары, и глаголя им тако: „О силныя Нагаи многия, станите, мене послушав, соединитесь с казанцы во едино сердце, в поможение за Казань на московскаго царя и великаго князя, и паче же за веру нашу древнюю и великую, яко близ его живуща; и не давайтесь во обиду, мощни бо есте противитися ему. || Слышу всегда про вас, аще хотите противитися: зело а. 116 бо востает на веру нашу и хочет до конца потребити ю. И аз о сем в велицей печали есмь и боюсь, егда вам помале то же будет от него, яко же и Казани: в несогласие живуще межю собою изгинете, и орды ваша запустеют“.

Нагайския же мурзы все тако рекуще послом: „Ты, великий царю салтане, пецдися собою, а не нами. И ты убо не царь еси нам и земля нация не строиши, и нами не владеши, и живещи далече от нас, за морем, богат еси и силен, и всем еси изобилен, никоея же нужда от житейских потреб не обдержит тебе; нам же убогим || и скудным всем. И аще не бы а. 116 об. наполнял потребою нашу землю московский царь, то не бы могли жити и ни единого дни. И за его добро подобает нам всячески помогати ему на казанцев, за их пред ним великое лукавство и неправду. Хотяще язык наш с ними един и вера едина, то убо довлеет нам правда имети. Не токмо же нам подобает помогати московскому на казанцев, но и на тебя самого, царя царем, аще встанеши (нзнь). Или несть то ты слышал, каково зло всегда казанцы сотворяют московскому, непрестанно землю его воюще и люди руския губят. И многожды межю собою рускому клятву преступающе, || и мир а. 117 изменяюще? А еже рекл еси нам: то же вам от него будет, аки казанцем. Нагаи же рече тако; не срам бо есть нам покоритися ему и служити—подобен есть он тебе всем богатством и силою. Пишут бо наши книги и христьянския, яко в последняя лета соединятся все языцы, будут во единой вере крестьянской и под тою же державою. Да которая есть вера такова, яко же крестьянская, святая, еже есть руская? Всех до наших вер темных лутще, аки пресветлое солнце сияет“. И тако же мурзы нагайския написаша турскому, и с тем отпустиша к нему послов его; и взявша у послов напрасно || дары великия многоценныя, и отпустиша по- а. 117 об. слов.

О вошестве в Казань царя Шигалея, и о поса-
 ждение его на царьство, и о избьение казанских
 велмож от него

Царь же Шигалей посла царицю к Москве, изымав ю и вины ради ея, хоте бо она его отравою уморити, яко же прежде рех, но бог сохрани его от нея. И по царице царь въехал в Казань и седе на царьстве. И взял себе в помощь единого воеводу московскаго Ивана Хабарова, и своих служимых варвар 20 000, и 5000 огненных стрелцов, да той воевода с ним строит царьство его и брежет самого. А во граде¹² (Свияжском) остася воевода со всю силою рускою. Казанцы же с великою || честью и радостию поставиша его на Казани царем в третий ряд, по закону своему; прежде бо сего дважды бе на Казани царем и дважды его хотеша убити казанцы. И во град вшел, казанцы и предашася великому князю московскому и за него сами ся¹³ заложиха со всею другою половиною болшею земля своя, с нижнею черемисою, доброволно, и без брани и без пролития крови, на всей воли его, яко любо ему, и служити ему¹⁴ обеща(ша)ся нелестно, и дани давати, яко всем бывшим своим царем казанским, и роту писаша по вере своей, яко же обычай есть клятися. Царь же вшел во град, и седе на царьстве, и жити нача бережно по царьскому || своему обычаю, и пристави ко всем вратом града своя вратники, огненные стрелцы, и ключа градныя на всяку ночь повеле приносить к воеводе своему. Тако же и царева двора стражеху по 1000 огненных стрелцов, а в нощи по 3000 со оружием, воеводскаго же двора стражеху по 500 в день, а в нощи по 1000. И мало аще царь на коего казанца оком ярим поглянув и перстом указа, они же вскоре того часа мечи на кусы отсекоша, не бояшася казанцев, и в думу их к себе не пушаше, и не слушаше их ни в чем же, и ото очию своею¹⁵ изгоняше их, и саны у них отъемляше, и своя князи || во власти поставляше. Казанцы же всячески тцашася услужити ему, яко раби господину верныи. Аще и мало царьствоваше на Казани, владея казанскими людьми не полное лето, но много добра и великую помощь сотвори, служа и спомогая самодерждву своему. Аще и поган есть, но писано во святых книгах: во всяком языке творяй волю Божию и делая правду приятен ему есть. Казанцы же, видевше царя своего столь борзо творяща над ними тако, и почаша думати на него, да как бы его, поне жива не убиша, и избудут с царьства, не стерпевше от него, видяще мно||гих своих по вся дни часто втай задаваемых и отсекаемых, и яко свинья ножом закалае-

мых. Ирекоша к себе: „Аще сие надолзе будет нам от злаго царя нашего, то поне по единому всех нас до остатка пригубит мудрых казанцев, аки безумных, и разпудит аки волк овца, придавит аки мышей горносталя и приест аки куры лисица, и не оставит нас ни единого же жива быти в Казани, по научению самодержца своего“. И по мале уведав царь, что всегда они болшия велможы казанския ношью тайно съезжашеся на сонмища своя и мысляша на него, как его уловити и победити || или жива л. 120 с царьства згонити царя. И не стерпе то сему царь надолзе быти злому совету их смертному на него: и паче лютейша възъярися на них, и уби по сведение царицыне числом 700 великих велмож, и середних и менших, уланове, и князи, и мурзы, и имения их к себе похищая, коней стада и велбудов, и овец; обычных же людей и простых до 5000 мятежников казанских, лукавыя сонмища, по старой вражде своей нань претворяя им вины, ими же царьство строяшеся без царя и содержащеся. И мцая много измены их ко царю и великому князю и ко отцу его и к деду его, и крови || брата своего Геналия царя, и многа бесчестия своего, еже над ним преди творяше, яко младенцом им играюща, и за сие немилостиво и неправедно оскорбляше их и озлобляше всячески, смири их, и горце их поработив. Последи же рекоша сами казанцы про своих, яко „аще бы тыи у нас владыцы живы были вся, коих пригуби царь Шигалей, и кои разъехашася во орды, овии к Москве, овии в Крым, овии же в Нагаи, и не брань бы в них была, и не междоусобица, и не изменство ко своим людем, и едины мысли бо, и правда меж собя имели, и любовь, и непоноровление ко царю, прелстившеся, емлюще дары у него, по мале же всего своего лишашеся богатства || и живота л. 121 своего гонзнуша, и царьство погубиша. И при них не бы аще одолел царь московский, князь великий, Казани и взял, аки худое и пустое село вдовичье, славный град наш Казань. Наши же господие после даря нашего Сапкирея, аки ведаше кончину свою, восташа сами на ся и почашася ясти, аки гладные волцы, друг друга разтерзаша, и вси при царе Шигалее конечно наперед нас погибоша. Мы же, по них остахася, напастыи злыми и бедами и пленением всяческий исчезохом“.

О прелэгатае князе Чапкуне и о ¹⁵(измене) с ним на казанцев

В то же время бе на Москве бегун, казанский варвар, л. 121 об. именем князь Чапкун, оставль землю свою отечества своего, в ней же родился и живша прежде сего домом, и жену свою, и чада своя покинул и имения своя в Казани, вины ради сия

смертныя, хотяща ему быти по делом его. И прибежа к Москве оттуду на самодержцово имя, служити ему хотяще. Мнози бо прибегоша казанцы с ним на Русь. Царь же, князь великий прият его с любовью, и дарми его почти по немалу, и жити ему даша на Москве. Но да древняя злоба никакоже благих новых ходатай истинен есть не бывает:

- а. 122 несть мощно и лзе просту человеку со зми||ем дружитися и кормити его от руку своею всегда, и присвоити его к себе, и приучити, и в пазусе носить, и не сненну быти от него; но в место сего добра главу его разбии и не дружися с ним, да не преже он уязвит тя, и болев умреши от него зле. Тако же и от злаго слуги своего, невернаго раба иноязычника, не мощно есть ухранитися и убрещися от него, близ себе держаща и думающа с ним. Окаянный же сей варвар поганый жив на Москве, служа самодержцу 5 лет, в велицей чести и любви, и от всех велмож его и князей и бояр любим и почитаем, яко друг, яко брат превозлюбленный, аще
- а. 122 об. и варвар, но человек || превозлюблен бе и честен. И егда предася Казань за московскаго самодержца, тогда казанец он, лстец и прелэгатай, князь Чапкун, ста перед самодержцем и падает на колену свою, и моляся, яко да отпущен будет, пронырник, во отечествие свое в Казань, видети родителя своя, род и друзи и вся знаемая им, живы ли есть вси, и взяти ему их к Москве оттуду, все подружие свое змино, и дети своя, и рабы, и имение свое, все оставшеся тамо избрать. Царь же князь великий отпусти его и рече ему: „яко хощеши иди“, не ведав пронырства и лсти лукаваго того варвара. Он же
- а. 123 отпущен и поиде, пе||чать нося цареву и не блюдяся никого же, и поиде в землю свою в Казань, и свидеся с своими, и прелстися, и паки приложися х казанцем, лстивых огненных словес жены своея послушав, не хотяща ей от земля своя и от рода своего и от племяни на чужую землю, на Русь, итти с ним. И забы самодержцеву честь и любовь, бывшую его на Москве, и возвратися паки к силу удавления, его же крепче сам на ся посла, не избежав его преже: боле неправду и зачат болезнь и беззаконие; ров изры, ископа и впадеся в онь; и обратися болезнь его на главу его, и на верх его неправда его сниде. И совокупися с велможам
- а. 123 об. казанскими и на||ча развращати люди, и смущати казанцев всех, и советы многи с ними шествовати, веля им Казань затворити и царя Шигалея убити, яко же и брата его убиша, Геналия царя, и отложитися от самодержца московскаго, ни служити ему, ни повиноватися, яко да не болшую напасть и победу постражут впредь от раба его, царя Шигалея,

умучатся зле, и по странам от него расточени будут, и разведенны, и вера срачинская погибнет, и обычаи старыи изменятся. Казанцы же послушаху его с великим усердием, еже отложитися от самодержца, яко добра им хошет, а о царе инем же не внимаху еже || царя убити, словесем их, да не болма л. 124 согрешат и бога прогневают, и царя и великаго князя раздражат, и подвигнут на ся, чающе с ним вечным миром смириться. И сотвориша его надо всеми велможамы боле всех князя и воеводу, зане ото юности учен бе ратному делу. И возлюбиха его вси людие, и послушаху его во всем: „Воля твоя да будет надо всеми нами, и вся повелеваемая тобою с радостию сотворям: ты веси гараздо всякия обычаи московския и недавно есть оттуду пришел — и что про нас думает царь, князь великий, миловати ли ны хошет или до || конца л. 124 об. погубити, и что подобает нам о себе полезная смышляти, противная ли или смиренная, да как будет лутче, то веси всяко; но блюди, да не в полезных место паки зло сугубо постражем, велик бо нас всех страх обдержит“. Он же рече им: „Ничто же бойтесь, но токмо зрите на мене; еже реку вам, то и творите“. Помышляше бо безверный царем быти на Казани, аще Казань отстоит от московскаго царя. И совещава казанцем оболстити царя своего, воеводам московским стоящим во граде Свияжском, и возвести на него измену велику, да как его могут избыти с царьства, аще не || хотят его убити л. 125 избиеннаго, как хотят, так сотворят по воле своей. И по слову его подпадоша казанцы воеводам, яко верны ся творяща и нелестны, астяща же и оболгающа царя своего, яко хошет измену царь вборзе сотворити, совещал бо ся с некими нашими казанцы: „Мы вемы истинно, аще вборзе не сведете его с Казани, и сами будете вместо его беречи нас, или дати нам другаго царя, вернее сего, владети нами“. И ложны многи свидетеля поставляху на царя своего и паче же князя Чапкуна. „Аще нам веры не имете, — и глаголаху, — но токмо известно нашему царю вра||гу, а вашему приятелю. Мы убо л. 125 об. того ради прежде возвещаем вам, боящися, да не паки найдет на нас от вас горше пленение и пагуба; не хощем клятвы нашаия с вами преступити, но мир велик имети и жити за едино“.

О писание воевод ко царю и великому князю на царя Шигалея и о ишествие царя ис Казани и поимание казанцев

Воеводы же, испытав сие гораздо многими людьми, и пояша веры казанцем, и возбожешся, да не то же будет паки от царя Шигалея, яко же иногда от Махметемина царя в Казани

- л. 126 изменство случися, и отписавше о том и посла||вше к самодержцу к Москве з борзоходцем, яко да изведет царя ис Казани и некто от них пять или шестма повеле быти в Казани в его место. Царь же князь великий прочет послание воевод своих и послуша их, на единого многих свидетельствующа, и понегодова о том во уме своем на казанскаго царя Шига-лея, дивися, что новое сие явися в нем на старость его: несть было во юности его. И отписа к нему з грозою, да отставя царство выедет ис Казани с воеводою, и со всею силою своею, и казною, не оставив своего ни мала черна пороха в Казани,||
- л. 126 об. и скоро будет на Москве, и скажет о себе всю истину; аще так будет помыслил, то казнь примет о деле сем. А на месте его повеле быти князю Петру Шуйскому, с пятью инеми воеводами, с половиною воинством. А во Свияжском же граде князю Симеону со двема воеводами, з другою половиною войска. да с теми воеводами строится Казань, докуду истинно испытает о царе. Дошедшу же посланию от самодержца с Москвы ко царю Шигалею в Казань и разуме, яко оболщен есть от казанцев и от воевод, и не убоясь ни мало о лестном оболга-
- л. 127 нии на себе, и надеясь на бога жива || и на бессмертную свою правду, и не потужи отстати царьства Казанскаго. И созва к себе казанцев на пир, и творяшеся аки не ведая лукавства их, навадиша нань, и тем оплоши их, и прощаяся с ними, и веселяшеся светло, яко да не уведают на ся злобы царевы: или засядет, или убьют его, или все разбегутся сами от него. И пировав с казанцы 4 дни, испущая люди своя ис Казани со стады конскими, со всею казною своею, дожидаяся воевод Свияжских, да при нем въедут в Казань со всею силою своею, и посла же по них. И не дождался в 5 ден, и сам
- л. 127 об. выеде ис Казани с воеводою, радуясь, избы || печали казанския, аки младенец испущен на свет родися, или мертвец ото ада испущен. А князь Чапкун утаися царя, остася в Казани, да не изымав его к Москве сведет с собою, яко сходника и прелагатая, и грешится надежда своя, вкупе же и живот свой погубит.

Царь же ис Казани пошел, повеле казанцем себя проводить до Свияжскаго града и оставшимся немногим болшим улановом, и князем, и мурзам, которые на него измену возвели и в коих была неправда вселися и мятеж, яко да обедают у него и пируют еще и повеселятся вкупе с воеводами, яко уже

л. 128 со царем невидатися им за живота своего || николи, и сим сих неразумных прелсти. Казанцы же, меж себе смеюшеся, провождаху царя, вкупе же аки тужаще, в очи глаголюще, яко не быти царю у нас такову добру, ни до смерти на-

шая, и счастливу, и премудру, и правосудну, и ко всем нам милостива, и почestьлива, и многодаровита, и не нажити нам такова, ни детям нашим, ни внучатом. Тако же и царь по них мняся тужа и в сердцах их прослезяшеся. И послав пред собою к воеводам, яко да встретят его и на пир его к себе зовут. Воеводы же все, по словеси цареву, встретиша царя за 5 верст от града, || дающе ему почestь, яко же лепо а. 128 об. есть царем, и зваху царя и казанцев к себе на пир кождо их. Въехавше царю во град и всем воеводам, и казанцем, и повеле царь врата граду затворити и всех казанцев изымати, мятежников и клятвопреступников казанских. И поймавшие всех, и не утече с вестию ни один в Казань. Всех же бе казанцев 700 со служимыми их. И болших велмож 90, железы оковав, того же дни царь наперед себе к Москве посла, яко всегда лeсть творя и мятеж, да не веселие и радость и смеяние прибудет про царя им, яко прелукавиша его, но || плач неутешимый женам и детям их, туга и сетование а. 129 немолчное всем казанцем; а служащих же, ту ятых во граде, всех главней казни предаша.

О веселии пира воевод, и о послание в Казань отрок их, и о сетование казанцем по велможам своих

Сами же воеводы того дни со царем почаше пировати и веселитися, яко сотворше последнюю победу над казанцы и крепче и конечно взявше Казань, и позакоснеша мало, и прозабывшеся в пьянстве, и не поспориша того дни въехать в Казань со всею силою своею. А царь не премолкая глаголаше им || и посылаше их в Казань, доколе не сведают казанцы а. 129 об. велмож своих изымаемых. Но единаче продумавшеся, не послушав царя. Таковое дело великое в простоте покинуша; послаша же точию того дни наперед себе избранных своих отрок 3000 с казною своею и с нарядом ратным, изготовленным на все лето, и з запасом пищальным, займати дома лутчия на все лето на стояние себе, а сами отложиша в Казань ехати до утренняго дни, не мняще измене быти во оставшихся казанцах, ни в князе Чапкуне, зане велможи их и воеводы избиежны, иныя же изведены, и мало остана || князи и мурзы а. 130 в Казани, злаго того же семени, и все воинству искусен и ратник учен. Казанцы же, слышав бывшая над старейшинами своими, яко изымани быша вси, страха и ужас нападе на всех на них, и сетоваху, и тужаху середние и меньшие по своим владыцех. И восплакашася горко, и воскричаша по мужех

своих катуны, и дети по отцех своих, просящися во единех срачицех за ними, на Русь, вопияху: „Отпустите нас, казанцы, за нашими мужи и все наше имение возьмите у нас, единех пеших, нагих, отпустите нас, да умрем с ними в темнице || на Москве; и не можем бо zde жити без них ни единого дни, нам молодым овдовевшим, а малым чадам нашим осиротевшим, и дома наша и села великия запустеют, и богатство все изгибнет“. И бысть плачь неутешимый по многи дни. Они же утешаху жены те, оставшися сродницы их и племя и знаемии, проклинаху царя, и жестока его, и лукаваго его и немилостиваго глаголаху, и волхва его нарицающе: „И колико бе в руках наших, при смерти, всячески убегаеши, прелщая нас; ныне же до конца все царство наше прелсти, и вся премудрыя нашия властели и велможи многия, един, аки младенца, пре||лукаво, овех многих в Казани изби, а досталныя изведе и позоба я, яко вопрь дивий сладок виноград, яко пшеницу чисту на поле пожа, а нас, яко терние острое, подобно ноземи босыми ходящему по нему; и мал камень разбивает великия корабля“. И плакавше, и туживше по многи дни, и поставиша в тех всех место новыя князи и воеводы, избравше от родов их, надо всеми же князя Чапкуна, яко в победах искусна. И по совету его вскоре град затвориша. И измениша казанцы дарю и великому князю, и преступиша обещание свое и клятву, и солгавше на конечную себе погибель. ||

л. 131 об.

О смерти отрок воеводских

Тех же воеводских юнош в Казань пустивше, и яша всех, и понудиша их преже ласканием отрещися веры христьянския и прияти веру бусорманскую, яко в чести велицей будут у них: князи нарекутся и со единого с ними воевати учнут ходити. Они же возопиша вси единым гласом, купно: „Не даждь нам бог отлучитися веры христовы и попрати святое крещение вас ради, нечестивых и поганных человек!“. Казанцы же разгневашася на них и, по многих истомлених и мучении различными муками, ¹⁶смерт(и) предаша всех: овех огнем сожгоша, овех || живых в котлах свариша, овех на колья посадиша, овех по суставом резаша и секуща телеса их, овех кожа со главы и до пояса драша, наругающеся, немилостивии кровопийцы. И тако доблии тыя юноша нестерпимыя муки претерпеша и умроша за веру христову и пострадаша мученическия страсти от безбожных варвар, положиша главы своя за Рускую землю, и вместо земныя чести же и работы князий

л. 132

своих прияша мученеческия венцы победныя от Христа бога нашего.

О пошествие на утре воевод х Казани,
и хула, и уничижение им от казанцев, и печаль
их о Казани ||

На утре же поидоша воеводы из града Свияжскаго ко граду Казани со всеми с вой своими, надеющиеся по обычаю въехати в Казань, яко же рекоша им казанцы прежде, избы-
вающе царя своего с Казани. Пришедше же воеводы ко граду Казани и смотряще против себе ишествия казанцев, с честию и з дары в стретение, и не изыде против их ни един казанец ни худ, ни хром, ни слеп. И объехавше около града и видеша все врата градныя извнутриюду твердо затворены и заключены, а казанцем по стенам града ходяща вооружены, на брань готовящася, битися хо||тяща, аще учнут московские вое битися и на град налегати. И стояще на граде, и глаголаху воеводам: „Отступите прочь от града нашего поздорову, безумныя воеводы московския; другой же град Свияжский нам отдайте, и мир с нами сотворите. Той же град постависте чрез правду, насиліем, на чужой земли, и вон из земля нашия поидите, не тружающиеся напрасно; взявше царство, и не умеете держати, и уже бо паки не имате его взяти, а нас оманути, яко же и первыя властели наша и велможи, аки безумных, прелсти, чрез клятву их преступисте. Ныне же у нас воеводы || и велможи новыя крепчайша и премудрейша бывших: аще и сам на ны приидет злый ваш царь, князь великий, то мы его не убоимся“. И леств с себе снимаху, и на воевод самех полагаху, яко „по зависти и без вины взясте от нас добраго царя нашего Шигалея, и оболстив сведосте его с царства, хотяща сами быти в его место, владети нами, и поклонение и честь и приношение от нас приимати. Недостоини есте ни видети Казани за неверствие ваше, неже жити во царствие том. Казань бо царство волное и держат царя по воли своей, брегущаго людей своих, || а злаго отсылают или убивают. Не от князей бо и воевод или от простых людей строима бывает Казань, но от царей: и всегда на царском месте подобно есть быти царю, а не вам, руским московским людем и воеводам лживым людем и ни мало в себе правды имущим“. И много укориша их казанцы и лающе, аки пси. Воеводы же московския болши срама себе добывше и студа и поругания многа и стояща у града 3 часы с воинством, и развее погрозивше казанцем, и ничто же доспевше им,

и возвратишася во град свой без успеха, не смеюще без веда-
 л. 134 об. ния самодержь||ца ничто же сотворити Казани. И тужаху
 и печаляхуся: „Что се нам будет от самодержца, яко мы
 возьхом град Казань и мы же паки отдыхом его? И како же его
 ради много лет трудихомся и доступахом, и се его взяша из рук
 наших испустихом. Кий сон удержаша нас, како уснухом и Казань
 забыхом от горкаго нашего пира вчерашняго. О безумнии
 есмя всех безумных, и како явимся в очи нашему самодержцу,
 на дело сие пославшему нас, како же смертныя скорби
 пременимся, или кое здравие примем от него, коими же зла-
 л. 135 тыми венцы украсит || главы наша! И в правду есмя повинны
 великим мукам и казнем смертным от него“. И умоляти почаша
 царя Шигалея, да не речет на них самодержцу слова лестна,
 яко же они с казанцы леть возвели на него не ведаючи, но
 и паче да молит о них самодержца и печалуется.

О пошествие царя Шигалея к Москве, и печаль
 царя и великаго князя о Казани, и о пришествие
 в Казань Едегера царя

Царь же скоро поиде к Москве, и проводиша его все
 воеводы с великою честью, а сами ту остася во Свияжском граде
 со всею силою своею. Казанцы же вскоре, того же лета,
 л. 135 об. послав||ше и приведоша себе из Нагайския земля „царя,
 именем Едегера“ Касаевича. И отгаи ходиша по него и при-
 ведоша его в Казань путями леса, непроходными пути,
 да не сведавше воеводы московския и устерегше изымут его:
 стояху бо ему на всех путех заставы. Он же, 3 заставы малая
 побив, проиде и перелезе Каму реку выше Вятки. Сузгу же
 ему по роду ото астореханских царей. И с ним прииде
 в Казань 10 000 варвар качественых, самоволных, гулящих в поле.
 Бысть же тогда Казань владаема от Москвы 10 месец,
 строима царем Шигалеем. И пришед к Москве ис Казани ||
 л. 136 и ста пред самодержцем. Царь же князь великий о здраве
 вопроси его и о воеводах, тако же и о всем воинстве, переча
 на него, яко не добро еси правил царство. Он же рече: „Много
 лет буди, самодержце славный, со всем царством твоим, а мы
 есмя раби твои здрави все. За еже глаголеши ми, то есть
 неправда, не буди то, ни не вем сего; се бо нанесосте ти на мя
 врази мои, казанцы, избывающа мя с Казани, да изведеши мя
 от них. И несть бы имел прелагатайства ни мыслию ни во юности
 л. 136 об. моей, ни в старости, и се ныне готов есмь у тебе и в ка||зню
 и в смерть“. И подробну ему вся исповедах, еже как строиша,

и как смиряше казанцев, и что по нем зделаше казанцы возмущением князя Чапкуна. „И аще бо, — рече, — аз еще мало был в Казани, то бы не бы сие лучалося; ныне же, самодержце, совет даю ти, яко да не печалишися, и аще мя послушаеши, раба твоего, тогда сам подвигнися на Казань, богу ти помогающу, возьмешь царьство и славно ти будет. Казань бо ныне есть безлюдна и пуста; аще есть люди, но худы и немощны, и бояться самого тебя, не силны ти будут; и аще не поидеши сам и обленишися, || то известно ти буди, господине мой, воеводами а. 137 твоими без тебя ни взята будет Казань. Казанския бо люди есть худыя, в ратном деле зело свирепы и жестоки, яко сам их знаеши. Ныне же наипаче пременятся, и живот свой на смерть дадут. И ведают воевод твоих слабых и мяхкосердых, и не повинуются им. Живут бо у тебя князи твои и воеводы в велицей славе и богатестве и тем во время брани бывают некрепцы, и несилны, и подвизаются лестно и нерадиво, друг за друга уклоняющеся, воспоминающе славу свою, и многое имяние, и красныя жены своя, и дети“. И ина многа изрече || ему. Царь же князь великий, слышав реченная от царя Шигалея про ево дело казанское, яко вся он добре творяше а. 137 об. и к ползе велицей, несть неправды в нем, ни воеводам вины в том не учини, не ведая бо сотвориша се, искусиша бо их казанцы лестью, а князя Чапкуна сам бе отпустил в Казань. И тяжко сие вмени отвержение казанцев от него, паче живота своего, и очи свои слез наполни, и глагола слово псаломское: „Суди, господи, обидящая мя и возбрани борющая мя, прими оружие свое и щит, и стани в помощь мою, и воспрети гонящих мя, и рцы души моей спасение, твой есмь аз“. Царь же князь великий слу||жимаго ему царя Шигалея дарми великими попремному почти его, за великую службу его и верную и нелестную, и тем от печали тоя утеши его, и отпусти его честно во свою вотчину в Касимов, и наказав ему, яко да и паки будет готов с ним часа того х Казани итти, егда от него весть к нему придет, каяся о сведение его велми. а. 138

Совет з боляры своими царя и великаго князя

И призывает к себе в великую полату златую братию свою, благороднаго князя Георгия, и князя Владимирера, и вся князя местныя, и вся великия воеводы, и вся благородныя || своя а. 138 об. велможи. И посадив их по местом их и нача благ и мудр совет с ними творити, хотя сам второе двинути и на безбожную и поганую Казань, на презлыя и неверныя на недруги своя

- казанцы, мстити крови кристьянския, ^аяко же Елизвой ефиспский царь на омириттцкаго князя Дуонаса жидовина^а, ревнуя прадедом своим, великому князю Светославу Игоревичю, како той многожды Греческую землю плени, столь далечь ей сущи от Руския земля разстоянием, и дани великия со Царяграда имал со благородных грек, победивше их древле трою, и предивно и прегордаго || царя перскаго Ксера. Той же великий князь Светослав по Дунаю стоящих 80 градов болгарскихъ взя. Поревновав же сыну его, во благочестии восиявшему, православному и великому князю Владимиру, иже державу свою Рускую землю святым крещением просветившему, како взя великий град Корсунь и иныя земля, многия языцы рабстаху ему, дани дающе, и надо всеми враги его рука бе высока. Велми же позавиде и Владимиру Манамаху, како же и той подвижеся на греческаго царя Костянтина Манамаха великим ополчением ратным, не хотевшу греческому царю мира ||
- л. 139 об. поновити и дани давати по уложению прежде бывших его царей и великими князми рускими. Великий же князь Владимир Манамах шед всю Фракию начисто повоева и Халкидонину, и окрестныя области Царяграда греческия все пусты положи, и возвратися на Русь с великою корыстию и со многим богатством, пленив царство Греческое. Царь же Костянтин бысть в велице недоумении и печали, и в тузе, советовав с патриархом, да пошлет в Киев на Русь к великому князю о миру, дабы от сего престал проливати крови тадех же крестьян сущих, верных людей греческих, откуда и сам
- л. 140 про||ливая все кровь неповинную, верен бысть, всей земли своей спасение изобрете. Избрав посылает к нему с великим смирением великия своя и премудрыя послы, Ефесскаго митрополита кир Неофита и 2 епискупа с ним, Митулинскаго и Мелетийскаго, и стратига Антиохейскаго Ивана и игемона Иерусалимскаго Еустафия, и инех многих своих с ¹⁷ним(и) благородных мужей, яко могущи укротити его ярость и свирепство княжее. С ними же посла к нему честныя и великия дары безценныя, самый свой царьский венец, и багряницу, и скипетр, и сердаликову крабицу, из
- л. 140 об. нея же еще || великий Август римский цесарь на вечерах своих пия и веселяшеся, и злата, и серебра, и бисера, и камени драгих без числа, и инех вещей драгих множество, утоляя гнев его, и светлым царем руским называя его, да уже к тому не подвигнется греческие земля его пленити. И сея ради вины великий князь Владимир, прадед мой, царь Манамах наречеся, от него же и мы прияхом цари нарицатися, венца ради и порфиры и скипетра Костянтина царя Манамаха.

И уложиша межу собою мир и любовь в веки паче первого. И вся бывшая сия царь князь великий з братею своею и со князи местными || и с великими воеводами премудре, а. 141
царьски думаше, и паки глаголаше: „Или егда аз хуждеши отца моего, великаго князя Василия, и деда моего, великаго князя Ивана, недавно предо мною бывших, и царствовавших на Москве, и скипетры правящих всеа Руския державы; тако же бо и инех покориша под ся, великия грады и земля чужих стран, и многих язык незнаемых поработи и память себе велику и похвалу в роды вечныя оставиша. И аз, сын и внук их, взя тыя же грады и земли, един содержю; коими бо царствовавшие оне, аз теми царствую, и коими областми || владела оне, и аз теми же владею, и вся суть в руках а. 141 об
моих, и ¹⁸(мною) ныне вся строятся. Аз есмь божиею милостию царь и сопрестолник их. Тацый же есть у меня воеводы и великии и славны, и силны, и храбры, и в ратных делах искусны, яковы же были у них; и кто ми возбраняет творити тако же, яко же бо и они поддшася, нам сотвориша многа блага. Тако же и мы хошем, богу помогающе нам, и инем по нас сотворити. Велико бо ныне зло постиже от единых казанцев, паче всех враг моих и супостат, и не вем бо, како мощен буду с ними управитися, зело бо стужаю от них и слышати уже не могу всегдашняго плача и рыдания людей моих || и терпети не хошу досады и обиды мне от казанцев. а. 142
И за сие вся, князи мои и воеводы, надеяся аз на премилостиваго и всещедрaго и человеколюбиваго бога дерзаю и хошу второе сам с вами итти на казанския срацыны и страдати за православную веру нашу и за святыя церкви, не токмо же до крове страдати хошу, но и до последнего издыхания; сладко бо есть всякому человеку умрети за веру свою, паче же кому, за крестьянскую святую, несть бо смерть, но вечный живот. Сие бо страдание прияха святии отцы, и апостолы, и || мученицы, и благочестивии цари, и благовернии князи, а. 142 об.
сродницы наши, и за то от бога прияха не токмо земныя почести, царство же, и славу, и храбрость на сопротивныя, и многолетне и славие на земли пожиза, но дарова им бог за их благочестие и страдание, еже за православие страдаша, по отшествии сего прелестнаго мира в земных место небесная, в тленных место нетленная, в бесконечную радость и вечное веселие. Се же бысть у господа бога своего всегда со ангелы предстояти, со всеми праведными веселитися в бесконечныя веки. Вы же, братия и вся благородныя наша || велможи, что ми от сих примы- а. 143
слите и речете?“ И преста глаголя и малу молчанию бывшу.

Ответ ко царю и великому князю от братия его и ото всех велмож его и воевод¹⁹. Глава 44

И отвечааша ему братия его, князь Георгий да князь Владимир, и вся благородныя его велможи, яко едиными усты и единым гласом, с веселием сердца²⁰ ре(коша) вкупе все: „Дерзай и не бойся, о великий наш самодержьче, побейай супостаты своя и славу присовокупляй благородству своему. Не супротивимся тебе, ни впреки что глаголем, и воля

л. 143 об. твоя, и ни в чем же у тебе не отнимаем, || и твори, еже хощеши. Много бо слышахом ото отец своих, и иная же и сами уже видехом очима своими, великия обиды тебе от казанцев и многия измены. Да вси мы по силе своей, елико поможет нам бог, крепко имамы страдати и класти главы наша не-лестно за святыя церкви, и за все православие державы твоя, и за тебе, великаго нашего самодержца, должны есмя умрети, и все богатество наше, и дома, и жены, и чада своя забыти, ни во что же вменити, а не яко же иногда нерадением и леностию своею одержими бежом и лестию

л. 144 тебе служихом, друг на друга смотривше, и || великия наша отчины, данныя прадедом нашим от прадед твоих, сами вкупе с казанцы небрежением нашим или неможением в конечное запустение предахом“. Сим же словесем реченным бывшим от братия его и от всех благородных велмож и бояр и воевод его. Сия же слышав от них царь князь великий и возлюби зело добрый ответ их и мудрыя глаголы их к нему. Вопросиши бо, рече, отца твоего, и возвестит тебе, и старца твоя и поведают ти. И востав от престола своего и поклонися им на все страны до земля и рече: „Велми угоден

л. 144 об. ми есть совет ваш, любимии мои думцы, || и познахом, яко будет на ползу вам и мне“.

О собрании руских вои и о рассмотрени их

И вскоре повеле всем князем, и воеводам, и благородным, средним же и обычным готовым быти на царскую свою службу со всяким запасом ратным, с конми и со отроки своими. Раславше листы по всей области державы своея по градом на собрание воинственного чина, да скоро соберутся в преславный град Москву иже вся воинская дела творяще люди. Вборзе же, не во многи дни, по царьскому его велению,

л. 145 множество собращася вои в преимынитый || град, яко от великаго собрания силы и не бе во граде места, где стояти по улицам и по домам людцким, но ставляхуся около посадов,

по полю и по лугом в шатрах своих. И по неколиких днех восхоте видети сам всего своего войска число, и урядив разное украшение их и прежде повеле всем князем и воеводам во град приезжати на великую площадь, пред царьския своя полаты, и красно нарядяся, по них же средним и обычным воем. Великия же воеводы и вся благородныя велможи и вся силныя же и несилныя приезжаху во град, един по единому их, || л. 145 об. площадь, ко царьским его полатам, и показующесе ему, изодевшесе в пресветлая своя одеяния и со всеми отроки своими, тако же и добрыя своя коня во утварех красных ведуще, яко достоин быти на ратех воеводам. Царь же князь великий рассмотрив сам своя князи и воеводы и вся благородныя велможи и до последних всех, на полатных своих лествицах стоя, и велми всех похвали, яко верно служащих ему; тако же и множество воинства своего, виде, из далных своих градов и земель скоро и незамедленно собравшихся по словеси его, и зело порадовася || радостию великою. Видев же инех вои л. 146 своих, убозех сущих и нужных всем, не имеющих у себе ни коней воинских, ни оружия такога, ни кормли, и тем отвори полаты своя оружныя и ризныя и житница хлебныя, и даваши им до любве их оружия всякия; и светлыя ризы, и кормлю, и добрыя коня с конюшна своего; и прежде всего своего пошества, избрав ис тех вои и отпускает воевод своих 12, с великою силою их х Казани, мая в 9 день, двема реками, в лодях и в струзах, Волгою и Камою; Волгою же рекою отпусти с кормлею и со всяким запасом ратным || всего л. 146 об. великаго воинства своего; и з болшим стенобитным нарядом и огненным, яко да не будет нужда от пищи в воех на долго время; Камою же, сверху от Вятки зашед, воевати полныя места и недвигомыя казанския. Кама бо великая река, обходит три земли вкруг: Пермскую землю и Вятдкую и всю Казанскую, и устьем в Волгу падет, ниже Казани за 60 версть. По ней же приидоша х Казани московския воеводы, с Устюжаны и с Вятчаны, с храбрыми людьми, воеваше по Каме богатыя улусы казанския. И по двоио месяцу по прежде посланными воеводами празнова || царь князь великий пятдесятный день л. 147 по Пасце, на сшествие святого духа на честныя ученики его и апостолы, и всю ту неделю пянтикостия царьски веселяшесе и с велможами своими, и предает преславный град Москву в божи руце и пресвятий богородицы, и оставляет в себе место на Москве царьская строити брата своего, благороднаго князя Георгия, и приказывает брещи его отцу своему, митрополиту Макарию.

Наказание царя и великаго князя ко царице своей Анастасие. Глава 52

л. 147 об.

И тогда благоверный царь князь великий мир и любовное целование царице своей Анастасии оставль и прирек ей слово едино: „Аз тебе, о жено, повелеваю никакже скорбети о моем шествии, но пребывати в подвизах духовных, и в посте, и воздержании, и часто приходити к церквам божиим, и многи молбы творити за мя, и за ся, и милостину убогим давати, и бедных миловати, и в царьских наших опалах разрешати, и в темницах заключенныя испущати, да сугубу мзду от господя приимеши в будущем веде“. То же слово и брату своему ||

л. 148

Царица же, слышав сия от благочестиваго царя, супруга своего любимаго, и нестерпимую скорбию уязвися о отшествии его, и не может от великия печали стояти, и хотяше пасти на землю, аще не бы сам царь супружницу свою руками своимъ поддержал. И на мног час она безгласна бывши и восплакася горде, и едва мало возможе удержатися от великих слез и проглаголати: „Ты убо, благочестивый мой господине царю, заповеди божия храниши и тщишися един, паче всех, душу свою положить за люди своя: аз же, свете мой

л. 143 об.

драгый, како стерплю || на долго время разлучение твое от мене; или кто ми утолит горкую мою печаль; или кая птица в час един прилетет путя того долготу возвестити ми сладкую вестъ здравия твоего, яко ты с поганым брався и одолети возможеш. О всемилостивый господи боже мой, призри на мое смирение и услыши молитву рабы твоея, и вонми рыдания моя и слезы, и даруй ми слышати супруга моего, царя, преславно победивша враги своя, и сподоби мя здрава его сождати, и светла и весела его видети ко мне пришедша, радующася и хвалящася о милости твоей“. Царь же

л. 149

князь великий, || утешив царицу свою словеси и наказанием, целова ей и здравие дав ей, исходит от нея ис полат своих и входит во церковь пресвятыя богородица, честна ея благовещения, еже стоит на Сениях близ царьских полат его. Благоверная же царица его Анастасия, проводив до церкви той супруга своего царя и возвратився в полаты своя, аки ластовица во гнездо свое, с великою тугою и печалию, и со многим сетованием, аки светлая звезда темным облаком скорбию и тоскою прикрывся в полате своей, в ней же живяше, и вся оконца позакры, света дневнаго зрети не хотя,

л. 149 об.

доколе царь с победою возвратится, и в по||сте и в молении пребываше, день и ночь бога моля о супруге своем, да нань же пошел есть, орудие свое и то непредкьновенно да испра-

вится ему, с веселием и радостью да придет к ней во своя, и оба да престанут от печали своя и сетования и туги.

О молитве и о молении царя
и великаго князя

Царь же князь великий со священники молебная пев и совершив, и поиде от пречистыя богородица, от Благовещения, в великую церковь и соборную пресвятыя богородица, славнаго ея Успения, и повеле ту молебная совершати и самому светейшему митрополиту Макарию, || правящему тогда митрополию а. 150 руския церкви московския, мужю в добродетелех совершенну, и всем епископом с ним, прилучившимся тогда во царствующем граде неких ради духовных вин, и со всеми прозвитеры, и со дяконы. Сам же христолюбивый царь из глубины сердца своего крепко востонав ко всемогущему богу и спасителю всех, пролив слезы, и рече: „Господи, боже всемогущий, царю небесный, и крепкий и сильный, и непобедимый во бранех Христе, помилуй нас пречистыя матере молбами, и не остави нас быти в скорбех и в печалех наших до конца; ты бо еси бог наш || и мы грешнии раби твои и на тя ся на- а. 150 об. дедем и от тебе всегда милости просим. Посли нам крепкую свою руку свыше и помилуй нас убогих, и дай же нам помощь и силу на все гнавшая враги наша казанцы, и посрами их, обидящих нас и борющихся с нами, и низложи шатания их, воздай же им по делом их и по лукавству начинания их. Силен бо еси, господи, и кто может противитися тебе?“. И по сем падает пред образом владычицы наша богородица, юже еуагелист Лука написа, сиде моляся во уме своем: „Владычице наша, пресвятая, молися сыну своему, Христу, богу нашему, рождшемуся от тебе спасения ради нашего; || воздежи же, госпоже, о нас к нему пречистый а. 151 свои руде и не презри нас, грешных раб своих, молящихся тебе, с верою, испроси нам помощь и победу на вся враги наша, и буди нам всегда твердая стена от лица супостат наших, и крепкий столп, и оружие непобедительно, и ополчение крепко, и воевода силен, и предстатель непобедим на противныя наша. Помяни, владычице, милосердие свое, еже имаши к христьянскому роду, обещаица бо еси спасению нашему, и мы есмь вси не художнии твои раби и тобою избавляемся ото всяких бед и злых напастей, и прослави, госпоже, и возвеличи христьянское имя || над погаными всеми, а. 151 об. да разумеют и веруют, яко един есть царь и владыка всех, сын твой и бог наш надо всеми языки; и ты, богородица, во истинну

можеша бо на небеси и на земли творити, елика хощеша, и невозбранно ти есть ничесо же“. И тако же и небесным силам и ко всем святым моляшеса, и к новым нашим руским чудотворцем, Петру и Алексею и Ионе, мощи их лобзая с верою и со многими слезами. И положи завет со богом во церкви, пред иконою спасовою стоя, глаголя: „Владыко царю, человеколюбче, аще (ныне) погубиши враги моя казанцы и предаши ми град Казань, то воздвигну святая церкви в нем, во славу
 а 152 и похвалу пречистому ти имени, и || православие утвердити хошу, яко да воспоеся внове и возпрославится во веки пресвятое и великолепое имя твое, отца и сына и святого духа; бесерменство имам потребити и веру же и жертву бохмичю до конца искоренити“. И скончанну бывшу молебному пению во церкви велицей, и поиде из великия церкви пречистыя. И близ ту стояща церковь великаго чиноначальника архистратига христова Михаила, в нем же храме лежат умершие родители его, и ту молебная же пев небесному христову воеводе и у гробов родителей своих и прародителей
 а. 152 об. простився. С ним же вкупе ходяще || и моляхуся князи и воеводы, и многу милостину нищим дающи. Вдана же бысть тогда от самодержда милостина велика по всей земли Руской, по градом и по селом, ерейскому чину и святителем и по всем монастырем черноризцем, и пустынным иноком, и нищим всем.

О благословлении митрополитом царя и великаго князя и все воинство его и проречение его о Казани. Глава 54.

По молитве же своей благоверный царь самодержец благословляется от пресвященнаго отца своего Макария митрополита, и от прочих епископ. И светейши же митрополит Макарей благословляет самодержда животворящим || крестом и святою водою покропи, и молитвою вооружи, и конечную победу на Казань, и пророчествует ему ко уху глаголя: „О пресветлый царю и предобрый пастырю, полагай душу свою за словесныя овца своя, их же благодарова тебе паствити, имаши бо теплейшую ревность по бозе своем и дерзаеши неотложно за благочестие страдати; и всемогущий же бог, молитвами пречистыя его матери, подает ти ныне помощь и конечное одоление на супостаты твоя, и на свой престол Рускаго царства здрав и радостен с победою возвратишися, со всем своим христолюбивым воинством, || и многолетен будеши на земли и со царицею своею. И мы смиреннии безпрестани должны

есмя бога молити, и пречистую богородицю, и святых всех о твоем богохранимом царстве“. И отпускает его, „яко ангел божи Гедеона на царей Мадиямских^а, и „яко Самоил кроткаго Давида на силнаго исполина Голияда^б, и дает ему вместо видимаго оружия невидимое и непобедимое оружие, крест христов; благословляет же крестом и вооружает и брата его благороднаго, князя Владимира, и всех благоверных князей, и велмож, и великих воевод. Епископы же и попове, во дверех || церковных стояще, благословляху все л. 154 христоролюбивое воинство, и святою водою кропляху, и благословени быша от святителей вся воя, от мала и до велика. Царь же князь великий приемлет святительское благословение, яко от вышняго десницы вседержителевы, вкупе же с ним храбрость и мужество Александра, царя Макидонскаго. И всем святителем мир дав, и всему безчетному множеству великому народу московскому на четыре страны до земля поклонися, и веля им о себе во церквах и особо по домом своим прилежно бога молити и пост держати по силе своей з женами своими и з детми.

О пошествии на Казань царя и великаго князя, л. 154 об.
и о пришествии кримскаго царя на руския
пределы, и о прогнании его. Глава 55

И повелевает привести к себе великий свой конь и вседает нань, глаголюще пророческое слово: ревновах и поревновах по господе бозе, вседержителе моем. Вседают же на своя коня сильная вси князи, и воеводы, и храбрыя воины, и седше вскоре, яко высокопарныя орли, полетевше изо очию безчисленнаго множества народа московскаго, борзо идущи и друг друга женуши, и друг друга состизаючи, яко на царев пир позвани царем радующийся, идяху. Вы|езжает же царь л. 155 князь великий из великаго своего града столнаго, славныя Москвы, в лето 7060 (1552 г.) месяца июня, в первую неделю Петрова поста, в 10 час дни, 22-е лето от рожения возраста своего. И поиде с Москвы на Коломну, и слыша тамо буюго варвара, нечистиваго „царя кримскаго Девлет-Кирея^б, пришедша со многими срацыны своими на руския пределы, на Тулу, отай, неведомо яко тать в нощи, и хотя православию поплентити. Аки два лва кровопийца из дубровы источиста, и две огненныя главы пожигаючи и попяляючи християнство, || аки терние и траву, единомысленно совещающиеся л. 155 об.
на стадо христово кримский царь с казанским царем, яко да

каждо их от своя²¹(стра)ны нападут, чаяху бо уже пошедша х Казани московскаго самодержда со всеми вои рускими, и мневше себе, окаянный, благополучно время изыскавшие исполнити хотение свое невозбранно и некому стати мощно вопреки ему, яко да тем смирят и устрашат царя и великаго князя того лета не воевати Казань, да соберутся казанцы с крымцы и могут с ними братися. И не попусти им бог тако быти по воле их. Царь же князь великий пришед на Коломну и

л. 156 входит в коломенскую церковь соборную пресвятыя || богородица, честнаго ея успения, и повеле ту сущему епископу Феодосию со всем его собором пети молебны; сам же приходит ко пресвятыя богородица образу, иже была на Дону с преславным и великим князем Димитрием, и тако припадает и молится и милосердаго владыку господа нашего Исуса Христа и рожшую его богоматерь, со многими слезами и воздыханми сердечными, о пособлении, и о помощи, и о победе на противныя ему агаряны. И помолився исходит из церкви, взяв благословение от епископа Феодосия и от всего священнаго собора, и отпускает противу царя крымскаго великих воевод своих, князя

л. 156 об. Петра || Щенятева, да князя Ивана Турантая Пронскаго со иними и со многими вои. Они же шедше и обретоша царя у Тулы града стояща. И маломь в ту ночь не взямша града, всех бо уже градных бойцов избиша, и врата граду изломи, но вечер приспе, и жены яко мужи охрабришася с малыми детцами и врата граду камением затвердиша. Царь же очюти пришедших воевод московских, и паде нань страх и трепет, и востав и побежа нощию от града Тулы, и весь наряд свой у града стоящъ пометав, с великим срамом, гоним божим гневом,

л. 157 и токмо единеми душами своими и те||леса своя носящи, оставив катарги своя, и шатры, и велбуды, и колесницы во станех, на них же бе все стяжание их, серебрянное, и златое, и ризное, и стенобитныя сосуды. И бежаша исполнишася весь путь, мечаше различная своя оружия и ризы. Воеводы же вослед царя женуще и победиша много силы его и весь русский плен назад отплениша, самого же царя прогнаша в поле великое за Дон, маломь его жива не явше рукама, и мног крымский плен привелоша во град Коломну, на уверение самодержцу и на показание народу всему. Он же прослави

л. 157 об. бога || о сем, посрамлешася лютаго врага, крымскаго царя, возвеселися по седми дний веселием великим, со всеми князи и воеводами, воздавая победителем почести великия комуждо по достоянию их. Тех же плененных крымцов повелением его живых всех в реку вме-
таша.

О пошествии царя и великаго князя
с Коломны и о урядстве полков его. Глава 56

Царь же князь великий и не восмятется от нечестиваго царя приходе на Русь, ни устрашися от него, ни убояся и воспать не возвратися от пошествия своего, яко воин страшен, но прогнав врага своего божиею || помощию и со тцанием великим, и верою христовою укрепляем, и надеждою подви- а. 153
жаем, и грядяше небоязненно на злых казанцы, не на силу свою великую надеяся, но на бога своего, поминая рекшаго, яко не спасется царь многою силою своею, и исполн не спасется множеством крепости своея. И прииде с Коломны во славный град Владимир и препочи в нем неделю едину, по церквам яздя и богу моляся, и милостину нищим дая. Из Володимеря же в Муром град прииде, и стояше в нем десять дней, собираяся по малу с воинством и ожидая царя Шигалея. И по днех || 10- ти же прииде в Муром царь Шигалей, а. 153 об.
ис предела своего, ис Касимова, с ним же силы его варвар 30000; и два царевича Астороханския Орды и с ним же приидоша ту, Кайбула именем, другой же Дербышелей, обо- славшеся царем Шигалеем, дающеся волею своею в послу- жение царю и великому князю, а с ними татар их 20 000. Он же радостно прият их и царьскими дарованми одари их и местом их быти учини под царем Шигалеем. И воздвигнувся из Му- рома царь князь великий, собрався со всеми силами рускими, и изыде на чистое поле на великое и ту благоразумно "уря- жает || полки, и многоискусныя воеводы устрояет, и учиняет а. 159
начальники воем, и поставляет воевод" артаульному полку, надо всеми благородными юношами, царьскаго своего двора князя Дмитрея Никулинскаго и князя Давида Палецкаго и князя Андрея Телятевскаго, подав им черкас 5000, любо- искусных ратоборец, и огненных стрелец 3000; в передовом же полку начальных воевод устави над всею силою татар- скою крымскаго царевича Тактамышя, и царевича Шибанскаго Кудайта, и князя Михаила Воротынскаго, и князя Василия Оболенскаго Помяся, и князя Богдана || Трубецкаго; в правой а. 159 об.
руке начальных воевод устави касимовскаго царя Шигалея и с ним князя Ивана Мьстиславскаго, и князя Юрья Булгакова, и князя Александра Воротынскаго, и князя Василия Оболен- скаго Сребряннаго, и князя Андрея Суздалскаго, и князя Ивана Куракина; в матице же велицей начальных воевод сам благоверный царь и с ним брат его, князь Владимир, и князь Иван Белской, и князь Александр Суждалской, по рекому Гор- батый, и князь Андрей Ростовский Красный, и князь Дмитрий

- а. 160 Палеецкой, и князь Дмитрий Курлетев, || и князь Симеон Трубецкой, и князь Федор Куракин, и брат его князь Петр Куракин же, и князь Юрьи Кашин, и князь Иван Ногтев, и многие князи и бояре; в левой же руке начальные воеводы Астороханский царевич Кайбула, и князь Иван Ярославской Пенков, и князь Иван Пронской Турантай, и князь Юрьи Ростовской Темкин, и князь Михайло Репнин; в сторожевом же полде начальные воеводы царевич Дербышалай, и князь Петр Щенятев, и князь Андрей Курбской, и князь Юрьи Пронской Шемяка, и князь
- а. 160 об. Никита Одоевской. И с теми всех великих во||евод боле 90, вси князи великие и благороднии и первые в советех царских, под теми же иныя воеводы средние и меньшие. Во всех же тогда полдех руския силы число благородных князей и бояр, и великих воевод, и храбрых отрок, и крепких конник, и стрелец изученных гораздо, и силных ратоборец и ²²(в) твердыя пансыря и в доспехи оболченных 300 000, и огненных стрелцов 30 000, и в лодиях рати 100 000, и с касимовским царем Шигалеем и со царевичи иноязычныя силы татарския, служащих рускому
- а. 161 царству князей и мурз и казаков, 60 000, к сим же и чер||кас 10 000, и мордвы 10 000, и немец, и фряг, и ляхов 10 000, кроме обычных вой и конник и пешцев, возящих ратный запас, и те люди безчисленны. Яко же о приходе вавилонскаго царя ко Иерусалиму и пророчествова Иеремея: от ²³ажде(ни)я бо, рече, громов колесниц его, и от ступания коней и слонов его потрясется земля, сиде бысть аде. И поиде царь князь великий чистым полем великим х Казани со многими языцы реченными, служащими ему, с Русью, и с татары, и с черкасы, и с мордвою, и со фряги, и с немцы, и с ляхи,
- а. 161 об. в силе велицей и тяжде || зело, тремя пути, на колесницах и на конех, четвертым же путем реками, в лодиях, вода с собою воя шире казанския земля.

О величестве поля, и о нужде безводне воем,
и о пришествии царя и великаго князя
в Свияжский град. Глава 57

- Поле же то велико зело, велми велико, конца мало ходячи до дву морь, на восток до Хвалимскаго, а с полудние до Чермнаго, на нем же рустии гради и веси и села мнози стояху древле, и мнози бяху людие живущи в них, имеющие селение и водворение, и за поле Куликово по Мечю реку; на оной же
- а. 162 стране реки тоя тако же мнози срацыни, || половцы живяху, в вежах своих качующи в поле том. Но обои между себе, Русь и варвари, от частых воевании запустеша, и удалишася

от себе, яко же пишут русии летописцы, конечно же и от
силаго Батыева пленения, и от инех по нем царей, все
погибе. И бысть поле чисто, инужды по местом поля того
возрастоша пустыни и дубравы великия, имеюще в себе и
питающе зверие пустынный и всяцыи скоти полстии мнозии.
Царь же князь великий преиде часть поля того, лежащую
х казанским улусом, пятаю неделми до нова города Свияж-
скаго, || и тяжек ему явися путь той и всему воинству его: л. 152 об.
от конских бо ног взимаему на высоту песку, и не бе видети
солнца и небеси и всего воинска идущаго, и тоска велика
все воинство обдержаше; мнози же человецы изомроша от
солнечнаго жара и от жажды водныя, исхоша бо вся дебри
и блата, и малыя реки полския не тедаху путем своим,
но мало развие воды в великих реках обреташеся и во глубо-
ких омутех, но той сосудами, и корцы, и котлы, и при-
горщами в час един до суха исчерпаху, друг друга биющи,
и угнетаючи, и задавяючи; ни отец сына пощажаючи,
ни сын || отца, ни брат брата, инии же росу лизаху и тако л. 163
жажду свою с нуждею утоляху. И пришед во град Свияж-
ский, пребысть в нем стоя неделю, опочивая и отдыхая
от великаго шествия путнаго и от горения солнечнаго и ото
многия теплоты летняя, сожидаяся со многими вои. Ка-
занцы же, сведавшы приход самого царя, и пожгоша сами
своя посады, и впряташася со всеми статки своими во град.
И собравшимся всем руским воем и до единого человека
ис поля оного великаго, тако же и прежде посланныя рати
в лодях вся прииде, цела, по здраву, прежде его, и мало
отдохнувшим самем || и конем изопочинувшим.

л. 163 об.

Повеление царя и великаго князя воеводам
перевозитися Волга и о брани с казанцы
на вьстрече. Глава 58

И тогда пев молебны многи, царь князь великий и пове-
леает артоулному полку превозитися Волгу в ратоборных
лодях, на то учиненных, в пансырех и в доспехех одеявшимся,
за ним же и преднему полку ити, царевичем с татары,
крепко уготовлешимся. Тако же и сам царь князь великий
уготовися, и в калатырь облекся предо всеми, яко гингат,
и златый шлем возложи на главу свою, и препоясася брони
своя мечем, такожде и вси воеводы || его, и полконачальники, л. 164
и воя вся одеваются в крепкия доспехи, и утверждаются
бронями и шлемы, и наготово приемлют в руке свои копия,
и щиты, и мечи, и луки, и стрелы; и почаша превозитися

все полцы великую реку Волгу, от Свияжска града, с нагорныя страны, на Казанскую страну, на луговую, августа в 15 день. И слышав казанский царь, Едигер Касаевич, вои русских, перевозящихся реку, и изыде ис Казани на великий луг свой к Волге встretimем со избранными бойцы казанскими, с 50 000-ми. И разчинив полки своя при берегу реки

а. 164 об. стоя, || и сам ста противу артоула и предняго полка и всея болшия матицы, в нем же сам царь князь великий идяше, хотя пострашити русских вои и брега не дати перевозящимся, яко да тем воспретити им. И сразишася на три часа от обоих полков, биющеся на великом лузе цареве, у Гостина острова. И преже впускают казанцы артоулнаго полка и прочь отбивают от брега, и удержа, и укрепи его передовой полк, поскорив придвигнуты ко берегу; и возопиша царевичи и воеводы преднему полку своему, всей силе варварской, укрепляючи и

а. 165 поженуци их, яко да не слабеют; и паки бывает || брань, не худа и мрачна, вооружаются яростию, и велик шум на высоту взимается, и мнози ото обою страну падоша, аки цветы прекрасныи, зане овем бо дело стройно братися и на суши, и на воде, и един удержаваше сто, а два тысящу. Овем же неугодно на воде, и скорбно, и тесне всюду; но бог есть помогаая всем надеющимся нань и той может, яко искони, воду на сушу предложить. И по мале часе облия казанцев круг русское войнство, правая рука и левая, и вспящаются от огненнаго стреляния,

а. 165 об. и отрени быша, и побежаша || во град казанский царь, не путми и со всею силою своею, не могущи долго стояти и ни мало удержати руси, еже не дати брега, видя изнеможение своих, а русских вои храброство и мужество. И перевозахуся русь полцы по 7 дней, не боящеся казанцев.

О приходе царя и великаго князя х Казани
и о количестве силы его, и о рассмотрении,
и о крепости града Казани. Глава 59

Сам же царь князь великий превезеся Волгу, в 17 день августа в веселии сердца своего, по чисту пути пришед и подступи близ самого града Казани и ста на Арском поле и со

а. 166 всюю матицею великою, прямо града, за вер|сту едину противу троих врат Арских, и повеле себя отделати градцем, да не убиен будет ис пушки; полком же раздели врата и приступныя места, комуждо их противу коего места стояти и со излазящими из града с казанцы битися. И "постави правыя руки полк, царя Шигалея, противу двоих Нагайских врат, а предовой полк — царевичев с татары — за Булаком,

против двоих же врат, Елбугиных и Кебековых, а артоулный полк за Булаком же противу Муралиевых врат, а левыя руки полк за рекою за Казанью противу врат Водяных, а сторо-же||вый полк за Казанью же за рекою противу Царевых врат^а. л. 166 об.

И облегоша воя руская град Казань, и бе видети многия силы, аки море волнуущися около Казани или вешная великая вода по лугом разлилася. Все же вой избранныи оруженныи и копейники, и тулоносцы, и доброконники — и вси на Казань дыхающе дерзостию брани и гневом, аки огнем, и блещахуся оболченная оружия на храбрых оруженнцех, яко пламень, и, реку, аки солнце, зраки человеком изо очию изымающе, аки звезды на главах светяхуся златыя шлемы, и щиты, и копия в руках зеряхуся. И сущии во граде казан||цы возму-щахуся от страха. И како кто не убоится сицевых полков? л. 167

Хотя бы храбри были казанцы или древния оны исполины, но и ти бы в себе почюдилися, или мало усумнилися толику собранию человеческого. И не худеше^а Антиоха явленнаго, егда прииде Иерусалим пленовати^а; но он неверен и поган, и хотяше закон жидовский потребити, и церков божию осквернити и разорити, се же верный и на неверных и за беззаконие к нему и за злодеяние их прииде погубити их. И наполни всю казанскую землю воями своими, конники и пешцы; и покрывшася ратью || поля и горы и подолия, и разлетешася аки птица л. 167 об.

по всей земли той, и воеваху, и пленяху Казанскую землю и область всюде, невозбранно ходяще на вся страны около Казани и до конец ея. И быша убиения человеческая велика, и кровми полилася варварьская земля; блата и дебри, и езера и реки намостишася черемисскими костми. Земля бо бе Казанская реками и езера, и блаты велми наводнена. За согрешение же к богу казанских людей лета того ни едина капля дождя с небесн на землю не паде: от солнечнаго бо жара непроходныя тыя || места, дебри, и блата, и речица вся л. 168

преизхоша, и полцы рустии по всей земли, непроходными пути, безнужно яздыху, кои любо камо хотяше, и стадо скотия предугоняху. Царь же князь великий, облегши Казань и объехав около города, и смотряше стенныя высоты и мест приступных, и увидев, и удивися необычной красоте стен и крепости града. Прежде бо приходил бе в зимное время, тем не расмотре града гораздо, каков есть. Прилежит бо к нему с востока поле, зовомое Арьское, велико и красно, по нему же течет под град Казань-река, на том же поле изливает||ся езеро л. 168 об.

Кабан именуемо, от града за три версты, и рыбу многу имущи в себе на пищу человеком. Из него же истекает Булак река, в Казань реку под градом втекает, грязна велми и

тошна, а не зело глубока; с полуднию же града, от Булака и до Волги, красный луг Царев, на седмь версть продолжается, травю многою зеленыя, и цветы красяся. Град же Казань зело крепок, велми, и стоит на месте высоце, промеж двою рек Казани и Булака, и согражден в 7 стен, в велицех и толстых древесех дубовых; в стенах же сыпан
 л. 169 внутри хрящ и песок и мелкое камене. Толсти||на же градная от реки, от Казани и от Булака, трех сажен, и те бо места ратным неприступны. И вода двема реками быстро со обою страну града обтекши и въ едину реку у стены града слияся, еже есть Казань, и та река в Волгу поидет, двема устьи, за три версты выше града, — по рече же той и град словет Казань. И яко крепкими стенами и водами вкруг обведен бе град, и токмо со единыя страны града с поля Арскаго приступ мал; но туда стена градная была в толстину 7 сажен, и прекопана около ея стремнина велика и глубока. И от сего
 л. 169 об. казанцы не малу себе притя||жаша крепость, и не бояхуся никого же, аще и вси царьства околная совокуплешеся востанут и подвигнутся на них, крепок бо бе град их. Креплеше же града сами бяху, умение велико имущи ратоватися во бранех и непобеждени бываху ни от кого же, и мало таких людей мужественных злых во вселенней обретається.

О послании с любовию царя и великаго князя ко царю казанскому. Глава 60

И посылает царь князь великий послы своя ко царю казанскому, во фторый день прихода своего, подъехав ко
 л. 170 стенам глаголати верное слово свое с лю||бовию, и ко всем казанским велможам болшим, — немногим живым оставшимся от царя Шигалея и в тех место быша новыя, и вкупе спроста ко всем казанским людям: „помилуй себе“, глаголя, „казанский царю, и убойся мене, видя пленения земли своея и губление многих людий своих, и предай ми ся доброволно, и служи ми верно, яко же и прочии царие мои служат ми; и буди ми яко брат, яко верен друг, а не яко раб и слуга; и царьствуя будеши на Казани от мене и до смерти своея. Тако же и вси людие казанцы помыслите в себе, и пощадите
 л. 170 об. живот свой, и предайте ми град || ваш доброволно, по любви, и без брани, и без пролития крови вашаия же и нашаия, и приложитесь к нашему царьству, и присягайте нам, яко и прежде, ничесо же никако же боящихся от мене, ни страха имущи; и прошу вы всея прежняя бывшая ми от вас злобы и напасти великия, еже сотвористе отцу моему и мне по нем;

милость и честь от мене приемлете и от скорыя смерти горкия избавитесь, и мне будете любимии друзи и верныя слуги, и дам вам лготу велику: по вашей любви жити в воли своей и по вашему обычаю, и закона вашего и веры не отыму от вас, и от земля ваша || вас никуды по моим землям не л. 171
разведу, его же вы боитесь, токмо оставляю у вас дву или трех воевод моих, а сам прочь отиду. А сами лучше весте: и аще ми не хотите повинутися, ни служити и под моею областью быти в моем имяни, то и празднь оставлеше град свой и землю свою, идите, аможете хотите, со всеми людьми своими, здравы все, на все четыре части земля, в кую убо страну, и з женами своими и з детми, и со всем вашим имением, и без боязни и без страха от мене будете, и не угибнет от вас ни един влас главы ваша от вои моих. Во истинне бо и правде || и на велику ползу вам глаголю, милующи вас и бре- л. 171 об.
гущи, не кровопийца бо есмь аз, ни сыроядец, яко же вы есте, погании бесермяни, и не рад кровопролитию вашему, но за великую неправду вашу послан богом прииде со оружием показнити вы. И аще же глагол моих не послушаете, то бога моего помощию имам ныне град ваш на щит взяти, вас же всех без милости, и жены ваша, и дети под меч подклонити; и падете же и поперетесь, яко прах под ногами нашими, и не мните мя, яко играюща или пострашающа вас, или яко всуе глаголюща, не имам бо отступить от вас ни до десяти || лет, не вземше града, его же бо ради сам приидох аз, л. 172
неверующи моим посылаемым мною царем и князем и воеводам“. Не хотяше бо царь князь великий, да пролиется кровь их без ума и безо опасения его к ним от него, но хотяше сам прежде собою исправы и смирения явити им, по заповеди спасове, яко всяк возносяйся смирится, смиряяи же себе вознесется.

О страсе казанскаго царя и ответ жестокий казанцев ко царю и великому князю. Глава 61

Царь же казанский, слышав сладостная и грозная слова московскаго само||держда, и устращися и зело убоися и хотяше отворити град и волею предатися, но не можаше добром умолити, и ни, страхом грозя, препрети казанцев, не взя бо власти великия над ними, яко царь Шигалей, яко нов сый им, еще и обычая в них не ведаше. И не послушаху казанцы совета добраго царева, и не внимаху словесем его. Он же и вон прошашеся из града изыти с пришедшими своими, да волею к самодерждѹ приехав и милость от него получитьи, и не л. 172 об.

выпустиша его. И во всем болши царя слушаху князя Чапкуна, и пока^{л. 173} || ряхуся ему яко царю, послов же самодержцевых отбиша от града з бесчестием, лаявше жестокими словесы, и гордостью и величанием возносящися, врежаючи и раздражаючи сердце его, глаголющи: „Да ведая буди, царю московский, тако глаголет тебе царь и казанцы все: да помрем вкупе вси и до единого же нас, и з женами нашими и с чады своими, зде, ²⁴(за) законы и веру и обычая отец своих, во отечестве наша земля, в ней же родихомся, и во граде нашем, в нем же воспитаномся и ныне живем,

^{л. 173 об.} и в нем же царствуем царие и с ними владеют || уланове и князи и мурзы. Тебе же и так богату сущу и много имущу градов и земель, у нас же един столный град Казань, и той хочещи взяти у нас, и пришед яко силен нам буди. И не мысли, ни надейся лестию и грозя царства нашего взяти, уже бо познахом лукавствие ваше, и не имамы тебе никако же волею града нашего предати и до смерти всех нас. И не видети бы нам того, ни слышати, что рускими твоими людьми, свинойдцы погаными, населен и обладаем столный град наш, ^{л. 174} Казань, и древняя наша законы добрыя вашими || ногами попираемы и посмехаемы и новыи обычаи рускии в нем бываемы“.

О сказание волхвов о царе сне и о сеитове, и ²⁵(о) страсе царя и казанцев, и о выежжающих братися с русью. Глава 62

В первую же ночь, егда х Казани прииде царь и великий князь и град облеже, и виде сон страшен сам про себе казанский царь. Легшу ему с печалию мало уснути, яко възиде с востока месяц, мал и темен, худ и мрачен, и ста над Казанию, другой же месяц, аки от запада възиде, зело пресветел и велик велми, и пришед над градом же ста, выше темного месяца. || Темный же месяц пред светлым побегован и потрясашеся; великий же месяц долго стояв и, яко крылат, полете от места своего, и догнав, удари собою темного месяца, и яко поглотив в себе и прият, и той в нем просветися, великий же месяц, светлый, пусти ис себе аки звезды огненные и искры долу с небеси во град, и соже вся люди казанския, и паки ста над градом великий месяц, и боле возрасте, и паче первого сияше неизреченным светом, аки солнце. В ту же ночь сеит казанский сон же виде, яко стекошася мнози стада великия многообразных || ^{л. 175} зверей и люте рыкающе, лвовые же, и пардуси, и медведи,

и волды, и рыси, и наполнишася ими лугове и поля вся казанская; против же их истekoша из града невеликий стада, единошерстнии зверие и волды, выюще, и естися и битися падша со многоразличными теми зверми, и в час един вси, истекше из града, от лютых тех зверей изязвени быша. Сеит же на утрие приехав ко царю и сказа ему сон свой, а царь свой сон сеиту поведа, и дивишася о снех своих. И созва к себе царь вся велможи казанския и премудрыя волхвы, и повешаша им оба сна своя || царь и сеит. Властели же казанския все умолкнуша, и ни один же их ответа воздаст. Волхвы же яве царю оба сна разсудиша, предо всеми велможами: „Темный месяц и худый, ты еси, царю; а светлый месяц — московский царь, князь великий, от него же ят будещи и в плен сведен; а многоразличнии зверие — толкуются языцы мнози, руская сила; а единошерстнии волды, то есть казанцы единовернии, и стражут за свое царство едиными главами своими, и подвизаются нелестно собою за ся; а еже изыдоша серых пестрых зверие, то || одолеет ныне русь казанцев. И болши сего не вопрошай нас о сем ничто же, и аще сего не хочещи, то увещай рание казанцев смириться с ним, яко и прежде глаголахом им много до твоего призвания к ним, да и сами живи будут и царства своего не губят“. Еще же царь и вси велможи ужасашуся и трепетаху и сокрушашуся сердцы своими, но обаче меташуся мыслию и не внимаху реченым их, и царю воли не даяху ни в чем же, и премудрых своих волхвов не слушаху, надеюшеся на пошедших своих послов звати нагайских срацын в поможение || им. И бияхуся с русью, выезжая по 7 дней, и не хотяще им дати ко граду приступов чинити, — рустей же силе велицей сущей всегда прогоняху во град, бьюще казанцев, един бо казанец бияшеся со сто русинов, и два же со двема сты, — ждущи к себе на помощь нагайския силы, и не возмогаша казанцы еже не дати руси ко граду приступити.

О побеждении черемисы. Глава 63

Но злее предних градцких, созда выезжая из острогов лесных, стужаше полком руским черемиса, наезжая на станы, ²⁶возмущающ(и) в нощи и в день, убивающи от вои, || и хватающи живых, и стада конская отгоняющи. И напускающим на них воем руским, они же убегаху от них в чащи лесныя и в горския стремнины, и стояху в крепех тех и избываху. И в печали бысть о том царь князь великий, и воеводы его все, понеже бе идохове великою нуждею, но, яко праведник верою несущ-

менною на бога уповая, посла и на тыя воевод своих, князя Александра Горбатого Суждалскаго да князя Андрея Курбьскаго со множеством вой. Они же идоша 3 дни, со труды, жестокими пути до мест их и обшедши вкруг || дебри и стремнины и горы, а прямо ходу полуднем. И обшедше оступиша отсюду крепичеремиския и пути их отняша; онем же неведущим сих и от предних полков бежавшим, и намчашася на задних, и победиша их скоро, и остроги их раскопаша, и пожгоша, и воевод черемисских 5 взяша живых, и с ними 500 добрых черемисинов приведоша, и жены их и дети плениша, и сами воеводы здравы приидоша, и черемиса преста выезжати из лесов. Оставиша бо тех казанцы 73 000 конников ходити под вой рускими, 10 000 на Волге в судех, и от тех судовых никое || я же пакости бысть воем руским, ходящим в лодиях и воюющим села казанския, стоящая по брегом рек, ти бо токмо покушахуся напасти на запасныя лодия и не можаху: острогом бо крепким и великим вся ладия обведены по берегу Волги, и стражаху их два воеводы со стрелды огненными и со многими вой околныя черемисы паче, да не изгоном нападутъ, и смютутся вой; а от ладейныя черемисы не бжежахуся, не умеют бо битися с Русью на воде. И по тех реченных воеводах прииде из войны князь Симеон и прочии воеводы, воевавшие землю Казан || скую и единым пошеством взявше в десять дний великих же и малых острогов 30, в них же збегшеся черемиса во время рати и отбивающися избываху; и много в них черемисы и з женами их и з детьми избиша, и всякаго их рухла и скота взяша без числа, и не бысть падения воем ни у единого же града, ни у острога, но сами крепкия остроги отверзаху и предавахуся, ни лука напязавши, ни стрелы пушавши, ни каменiem метавше; но разве у первого острога великаго 3 дни постояли вой, но без падения же людскаго. Той бо острог старый, Ареск зовом, зделан || аки град тверд, и з башнями, и з бойницами, и живет людей много в нем, и брегут велми, и не бе взиман ни от коих же ратей никако же, стоит же от Казани 60 верст, в местех зело крепких и в непроходных, в дребех и в блатах, и единым путем к нему приити и отойти. Великий же воевода князь Симеон виде, яко не взяти его тако просто, яко много есть в нем люду, бойцев единех 15 000, и прикатив пушки и пищали к нему и начат бити. Князи же арския и вся черемиса, сидящая в нем, возопиша, и врата отверзоша, и руки подаша, богу в сердца их страх вложившу; и раз || сплениша их русь, и приведоша князей арских 12, и воевод черемисских 7, и земских людей лутчих избравше сотников старейших 300,

л. 177 об.

л. 178

л. 178 об.

л. 179

л. 179 об.

и всех до 5000 человек. Царь же князь великий возрад-
вася велми зело, и благодаряще бога, и воевод почиташе,
и воя своя похваляючи, и пленных до времени брещи по-
веле, и ко граду приводити многожды, и глаголати царю
и казанцем, да без крови предадутся ему; они же пленных
своих плача и моления не послушаху. И сим пленением велми
прегорко сердца отреза казанцем князь Симеон, и в страх
велик вложи их. Та||ко же и рускаго плена множество при- а. 180
веде; инии же собою бегаху изо всех казанских улусов
в станы руския, яко не брегоми никем же. Царь же князь
великий повеле весь плен собирати в стан свой, и держаше
на многи дни в шатрах своих, пищею и одеждами, и всем
довольно учрежаше, яко отец чадолюбивый чад своих веселяше,
и в Рускую землю в лодях своих отпроваждалше их до Василя
града, и во свояси оттуду их распущаше. Нужницы же оне
видеша к ним таковое милосердие и благоутробие его, яко от
пленения их свободы и таковой покой и утешение || им подаст, а. 180 об.
и о сем милование его многи слезы и моления к господу
о нем взываху, со слезами глаголюще: „О премилостивый
господи, Исусе Христе, боже наш, услыши нас, молящихся
пресвятому имени твоему! Помилуй, господи, и спаси и сохрани
раба своего, благовернаго царя нашего, и все христолюбивое
воинство, и даруй ему одоление на противныя его, и виждь
его благое милосердие, еже к нам горким и ко плененным
людем показа. И ты, господи, воздай же милость свою за нас
убогих и нищих в нынешнем веце и в будущем“.

О печали казанцев и о посланных их
и после ходивших по люди в Нагаи. Глава 64

Царь же и казанцы, яко уведевше острог своих взятых, а. 181
и многих в них побежденных, и плененных, и царя и великаго
князя великую яростию и лютостию, яко лва в ловитве своей
прещением рыкающе на них и милости своея не хотяше им
подати, за великую их к нему обиду и неправду и лесть, аще
и не зело крепко смирятся с ним верно предавшеся ему.
И в недоумении бысть царь и казанцы все, зане покоритися
ему не хотяху и не смеяху, противитися же не можаху,
поне иже мало бе во граде собрания людей, разве 40 000 ору-
жие || носящих, силных бойцев, и всех до 50 000 с несильными, а. 181 об.
и яко не имут уже оманути его лжами, ни лестью прелстити,
яко иногда, вси бо гораздо познаша лесть и лукавство
их и вси искусишася. И уже смотряху и ожидаху себе казанцы
конечныя погибели, и не надеющся ни от коея же орды

помощи себе прияти, далечаго ради расстояния земляма от них. И печаль с тоскою тем наливашеся горькаго пития и чаша, сетованием растворяема и унынием и скорбию исполняема, ея же не беяше како мощно минути и куда има уклониться от нея? Посылаху бо в Нагаи того ле||та послы своя до прихода руския силы, с великими дары к мурзам, да возмут наем на люди своя, елико хотят, и пошлют к ним на помощь и помогут им, егда бе им нужда. Военачальницы же нагайския мурзы дары взяша у послов, а вои своих не пустиша к ним, глаголющи: „Не смеем к вам пустити на московскаго царя вои наших, многожды бо пуцавшим нам, и вси у вас от руси побиени умираху, и ни един сюда от вас возвратися жив, и бог не попускает нам за истинную любовь к нам московскаго самодержца, и несть нам лзе стати по вас братися с ним, всегда велико нам добро || от него восприемлющим, в миру и в любви живущим с ним; но паче готовимся испомогати ему на вас, на лукавых и безверных человек, вы бо всегда не на правде своей обидите его, но и клятву свою многожды преступающе, в суседах ему живущи и убозии суще и худыя, а таковому царю силну и велику хотите одолети лукавством вашим, а не силою своею. Да всяко одоление будет от него, неже одолети ему, аще волею и добром не смиритесь с ним предавшеся ему“. Казанския же послы, пришедше из Нагаи, хотеша во град прокрастися сквозе руския полцы, стражие же изы||маша их и привелоша в стан к самодержцу. Он же грамоты их прочет и отпусти их в Казань живых, и не сотвори им зла никакого же. Они же удивившася незлобию его, и пришедше и вдаша грамоты царю и казанцем, и речи сказаша им нагайских мурз самех; собравшеся до 3000 с племянем своим, и з женами, и з детми, и со служащими их, и нощию избегоша ис Казани в руския полки на имя самодержцovo. По них же и инии мнози выбегаху людие, доколе град не затвориша, угадывающе по всему не отстоятися от взятия, и от самодержца милость получаху.

л. 183 об.

О бою преставшем, и во осаде седших казанцев, и о разгневании царя и великаго князя на казанцев. Глава 65

Казанцы же разумеюще от послов своих, и от того часа преша битися с русью выезжая из града, искусиша бо стремление их и храбрость их, и затворишася во граде, и седоша во осаде, надеющиеся на крепость града своего и на многи свои на кормовые запасы и 5000 с собою затво-

риша нудма иноземских купцев, бухар, и ²⁷шамах(ан) и турчян, и армян, и инех, не испустиша их из града до прихода силы руския итти во страны своя, турчян и армян, ведаху тех огненному бою гораздых || и принужаху их битися с русью. а. 184
Онем же, не хотящим и отрицающимся, аки неумеющим дела того, и приковываху их железы к пушкам, и со обнаженными мечи стояху над главами их, и смертию им претяху, и тако их принудиша неволею ис пушек бити по руским полком. Они же лестно и худо бияху и не улучаху, аки неумеюще, и ядра чрез воя пропускаху или не допушаху, или едва кого убиваху. Во взятие казанское царь князь великий милость за сие подаст им: живых всех испустив во отечествия их. И отложиша казанцы надежду свою ото всех, и, во убитых место || и избежавших из града, прибираху а. 184 об.
высокорасленные жены и девица силныя, и теми число наполняху и множаху и учеваху их копейному бою и стрелбе и битися со стены, и воскладаху на них пансыря и доспехи. Они же яко юноша бияхуся дерзостно, но страшиво естество женские, и мяхко сердце их, кровавым ²⁸(ранам) нетерпеливо, аще и варварско. И начаша казанцы крепити град, и застениша вси врата граду камением и землею, и запрошася со всеми людьми во граде, и пушки и пищали и воевод крепких изготовиша, с приступных мест града бреши, да ведает || кождо а. 185
их воевода свою страну и крепче блюдет и вся да устрояет и готовит, еже довлеет на ратную потребу, мянши тако отстоятися, яко и прежде сего избываху многожды. Царь же князь великий, видев казанцев неприклонных к милости его, и поносящих ему, и гордящихся, и о смирении ему не внимающим и на брань уготовляющихся, и гнева многа наполнися, и яростию великою разжегся и прежде бывшее милосердие к ним на гнев претворяет. И осуди во острогах взятую черемису всю на смерть до 7000 человек: инех около града на колия посади, а инех стремглав за едину || ногу повешати, а инех за вья, инех же оружием убити на устрашение казанцем, да видевшие злогоркую тое смерть своих и убоятся, град здадут ему и смирятся. Черемиса же умирающе кленяху казанцев: „Дабы и вам по нас та же горкая смерть прийти и женам вашим и детям“. И повеле царь князь великий ополчиться воем, и ко граду приступати, и всякия хитрости и замышления бранем творити на взятие граду и чинити грады приступныя, и многия туры великия и насыпати землею и болшии наряд стенобитный готовить. И зделаным бывшим || вскоре многим туром и всему наряду а. 186
огненному уготовленну. И повеле грады тыя и туры и

великия пушки блиско прикатити ко стенам градным, а иныя ставити по Казани реке, по берегу, и по-за Булачью, и по ровом, около града, и бити по стенам градным из великих пушек, ядра имеющим в колено человеку и в пояс, и паче же из огненных и ис пищалей болших многих, из луков тмочисленных стреляти внутрь града день и ночь. А сам яздыше по полком своим ношю и в день, понужая и поучевая к приступу воя, дары им и почести обещава. Стенобитнии же || бойцы и огненные стрелцы со тцанием великим и не лениащеся повеленная им творяху отвсюду по стенам безпрестани; тако же и воя конники и пешцы ополчахуся, и ко граду приступаху по вся дни, и брани силныя творяху, еже довлеет ратным творити, и покушахуся силою взыти на стены; (и не припушаху их казанцы), но крепче боряхуся с конники и с пешцы. От пушечнаго стреляния не можаху стояти на стенах, но збегаху з града и западываху за стены, и напрасно из наряду своего не стреляху, но готов заряжен держаху, а. 186 об. ждуще ко граду великаго приступа || всех русских вои; егда приступаху ко граду воя вся руская великим приступом, конники и пешцы, и они тогда вси на стену въскакаху, и бияхуся з града, ис пушек своих и ис пищалей и из луков стреляху, и колим изостренным и камением бросаху, и смолою, и водою кипящею в котлах на подскакающая воины блиско к стене возливаху, и брани силныи творяху, и крепцы бываху, смерти не боящеся, и елико можаху противляхуся, и отгоняху прочь, и отбиваху от града все московское воинство. И мало их побиваху, заступлением всемидостиваго бога нашего. || И от пушешнаго и от пищалнаго гряновения, а. 187 об. и ото многооружнаго скрежетания и звядания, и от плача и рыдания градцких людей, и жен и детей, и от великаго крычания, и вопля, и свистания ото обоих вои, и ржания и топота конскаго, яко велий гром и страшен зук далече на русских пределех, за 300 верст, слышашеся. И не бе ту слышати лзе, что друг со другом глаголет, и дымный мрак zelный восхожаше вверх и покрываше град и руская воя вся, и ночь яко ясный день просвещашеся от огня, и невидима быша тма ношняя, и день летний яко темная ночь осенная бы||ваше от дымнаго воскурения и мрака. И дванадесятию великими приступы ко граду приступаху вся воя руская, конники и пешцы, и по 40 дней бияху в стены града, день и ночь, и по вся дни притужающе, и не дающе от труда поспати казанцем, и многи козни стенобитныя замышляюще, и много трудящеся, ово тако, ово инако, инии же что успеха и ни чем же град вредиша; но яко великая гора каменная

тверда стояху град и недвижимо никуда же, от силнаго биения пушечнаго ни шатався, ни позыбаяся. И неумышляхуся стенобитнии бойцы, что сотворити граду.

Глаголании о Казани воевод царю и великому князю. Глаголение его к ним. Глава 66 л. 188 об.

Князи же и воеводы московския, тако же видевше неослабление казанцев, и стоснувшие многажды и глаголаху самодержцу, егда на думу к нему в стан приезжаху поутру: „Видим, господине царю, яко уже лето преходит и есень и зима приближается, а путь нам с тобою на Русь итти далек есть и тяжек, а казанцы ни мало делом послабляют, но зело крепче стоят и паче готовятся. А запас кормовой твой и наш весь по Волзе потонул, разбившимся ладиям от ветра: да на что ся надеем, и откуда брашно возьмем || на люди своя? А в Казанской земли по всей ни мало обре- л. 189
тают кормов посылаемая воя наши всюду, но пусто, повоевана бе. Подобно еже есть тебе ныне послушати нас, и оставити во граде Свияжском немногия воя, и от Казани отступить и на Русь возвратитися со всеми силами, зане приходит не время, яко да не со всеми зде напрасно гладом изомрем, а оставших живых казанцы избивют“. И сим его не отведоша от Казани, смутивше ему сердце, но бог укрепил его, хотя Казань предати ему. Он же рече им: „Дакая похвала нам будет, о великия моя воеводы, ото || всех л. 189 об.
язык стужающих нам? И почто рано страшливи есте, ничесо же мало скорбная приемше? И что рекут нам врази наши? И кто не посмеется нам, часто приходящим и с таким тяжким нарядом поднимающимся, и всегда велико дело начинающим, и не совершающим, ничто же добра успевающим, но токмо труд велик себе доспевающим? И како несмысленни есте; рцете ми, себе ли ради единого аз тако тружася и сице стражю? не общия ли ради ползы мирския, и не ваша ли есть и моя вся держава Руския земля? И над вами аз един токмо имя царское имея и венец нося и бягрянницу. || И не л. 190
безсмертен ли есмь? И не трилакотный ли мене ждет гроб, яко и всех человек? Но хошу завета моего, богу попускаючи ми, с вами дерзновению на нас поганных воспретити. Или не помните глагол своих, когда еще в полате моей на Москве советах с вами, вы же добре ми рекосте: „Дерзай и не бойся, и царствовать с тобою и умерети готовимся“, и сердце ми тогда возвеселисте, ныне же опечалисте. А о хлебе что пецетесь? Не может ли бог кормити нас малыми хлебы,

яко древле иногда от 5 хлебов 5000 народа иудеи напита? Или не искусиста милости божия, како иногда, семо приходящим нам, || и мнози наши людие и кони ядше, и пивше воды здешния из рек сих умираху, и долго болезнию болевше. Ныне же бог услади воды сия паче меда и млека, и здравие велико воем своим подасть и конем их и паче своя земля. И потому мыслим, яко хошет бог предати град в руки наша, за грехи казанцев. И весте сами боле мене: кто венчается без труда? Земледелец убо тружается с печалию и со слезами, жнет же веселием и радостию; и купец тако же оставляет дом, и жену, и дети, и преплавает моря, и переходит в далная земля, ища богатства, и егда обогатеет и возвратится, и вся труды || от радости забывает, и покой приемля с домашними своими. Да то ведяще, потерпите мало еще и узрите славу божею. И молюся вам, господие мои, к тому по сий час не стужайте ми о сем, да умру с вами zde на чюжей земли, а к Москве с поношением и со стыдом не возвращуся, и лутчи есть нам единою умерети и пострадати кровию за Христа и похвальным быти в роды, или победившим великая благая приобрести. Да возьмем едино: или сладкую чашу с питием, или пролием, или одолеем, или одолени будем. И поклонися им до земля. Они же укрепишася молением его и учением, и сократиша речи своя, да не паче разгневают его.

а. 192 Похвала царю Шигалею и князю Семиону.
Глава 67

Един бо царь Шигалей и князь Симеон ти самодержда укрепляху, втай, наедине, никако же потачити воеводам, смущающим его и обленевающимся служити, и не отступити от Казани, не возьмше града. Он же слушаше аки отца Шигалея царя, а князя Симеона аки брата. Бе бо царь Шигалей в ратном деле зело прехитр и храбр, яко ин никто же таков во всех царех служащих самодержцу, и вернейше везде верных наших князей и воевод, служаше неместно, за хрестияны страдаше весь живот || свой до конца. Да никто же мя осудит от вас о сем, яко единовѣрных своих похуляюще и поганых же варвар похваляюще: тако бо есть, яко и вси знают его и дивятся мужеству его, и похваляют. Тои предлежаху крепчая всех о Казани по старой вражде своей нань, и советоваше самодержцу о взятии града непрестанно. Тако же и превеликий воевода князь Симеон вся превзыде воеводы и полконачальники храбростию и твер-

достию ума своего, и мудрых ради советов его любим бе царю и великому князю; и всем показася красота и похвала московским воеводам, старым || же и новым и воем руским, а. 193 доблоратен воевода, победами многими сияй. И мнози русти и вои и противнии ратницы видяху его издаля, егда на брани в полцех снемшихся, аки огненна всего яздыща на коне своем, и мечь, и копие его аки пламен метающихся на страны, и седающе противных, и ²⁹(т)воряше улицы. И коня его мнети аки змия крылата летающи выше знамен; противнии же видевше се и скоро бегаху от него всего, не могуще ни мало стояти противу его, страхом одержими и мнящи его быти не человека, но ангела божия или святых некоего поборника рускаго. Но, о прегоркая смерти злая, не милующи красоты человека, ни храбра мужа щадящи, ни богата почитающи, ни царя многими владующаго боящися, но вся равно от жития сего подымающи, и в трикокатнем гробе темнем полагаеши, и землю засыпан. И кто может от пресильныя твоея крепости избежати? И где тогда красота, и храбрость, и величание? Все мимо иде, аки сон! В седмое же лето по взятии казанском, мужественне воевав на ливонския немцы, и смертную язву оттуду на вые своей принесе, и скончашася на Москве, || в пятидесятое лето века своего, а. 193 об. не достиг совершенныя старости, оставив самодержцу печаль велику и всем воеводам на многи дни, поне иже ратник бе велий и мужествен зело. И проводи его до гробу самодержец сам с плачем и со слезами, и положен бысть во отечестве своем в Никулине в новосозданней от него церкви каменной. Яко смерти ради его сокращу же речь и первые коснуся, жалость бо ми душевная и сладкая любы его ко мне глаголати о нем и до смерти моя понужает.

О посланных черноризцех из обители живоначалныя Троица Сергиева монастыря.

Глава 68

И приидоша в то время в Казань два инок, посланны игуменом к благочестивому царю и носяще святую икону, на ней же написан образ живоначалныя Троицы и пресвятыя богородицы со двема апостолами, видение Сергия чудотворца, и просвиру, и воду святую. Царь же князь великий с великою радостью святую икону приемлет и прочая, и таковая в тайне, тайно сведящему богу моление от сердца приносит: „Слава тебе, глаголаше, создателю мой, слава тебе, яко в сиевых а. 194

далных странах варварских зашедшаго посещаещи мене
 л. 194 об. грешнаго. На сию бо твою икону взираю, || яко на самого
 бога, и милости и помощи от тебе непрестая прошу и всему
 воинству моему, твой бо есмь аз раб и вси людие твои,
 грешнии раби твои. Ущедри, владыко, и помилуй, милостиве,
 и подай же нам победительная на враги наша“. И на пречис-
 тый образ тако же взирая глаголаше: „О пресвятая госпоже
 богородице, ³⁰по(мо)зи нам ныне, грешным рабом твоим, моли
 владыку, Христа бога нашего, да подаст нам победу на про-
 тивныя. И ты убо, преподобне отче Сергие, великий христов
 угодниче, ускори ныне на помощь нашу и помогай молитвами
 л. 195 Мамая“. И от того дне, в онь же икона прии||де, вся благоче-
 стивому царю от господа радость и победа даровашеся, и
 нача недоставати во граде пушечнаго зеля до толика, яко
 ни единою стрелити, и прискорбни быша казанцы до смерти.

О пришедших фрязех ко царю и великому князю. Глава 69

И се внезапно тогда посла бог ко царю самодержцу,
 яко анггела своего ко Иисусу Наввину разорити стены ери-
 хонския, магнитом утвержденныя, тако и zde приведе ново-
 хитренныя мудрецы, фряги иноземца, служити ему; и по-
 веле их царь князь великий представить пред ся. Фрязи
 же, ставше пред ним и видевше лице его, и падше покло-
 л. 195 об. ни||шася ему до земля; царь же, видев их честныи мужи и
 взором добры, и сказа им крепость града и непослабление
 казанцев. Они же реша ему. „Не печалуйся, господи царю,
 мы скоро и малыми деньми, аще волю подаси нам, от осно-
 вания ³¹(н)изложим град, и наше есть дело сие, и на то при-
 дохом, еже послужити богу и тебе“. Он же слышав сия от
 фряг и радости наполнися, и одарив их по премногу, златом и
 серебром и одеждами светлыми, и повелевает им таковая вборзе
 творити. Хитрецы же со усердием яшася по сие дело. „И
 мощно быти сим“, глаголаху, „и аще не тако, или гладом
 л. 196 выстояти его, то и не возмется || инако ничим же град сей“. И
 прежде учиниша стрелцем с четырех стран града башни 4
 фряжским обычаем, с камением и з землею, крепки и высоки,
 с тремя бои, с верх(н)им и средним и нижним, да сидяще
 в них огненныя стрелцы пременныя и оттуду с высоты аки
 с неба во град стреляху, и отлучаху, и побиваху многих

внутрь града ходящих, и во храминах живущих, муж и жен и детей, яко не смети им в день по улицам их соватися, ни чрез двор свой из храмины во храмину прескочити по какое убо орудие. И се бысть казанцем злее всех замышлений приступных. И совершивше башни || хитрецы, и мосты а. 196 об. на рвех чрез реки мудростию великою, и вскоре другому делу болшему касаются, его же прежде того никто же на Руси видал, и почаша нощию тайно копати глубокия рвы под Казань град, с восточныя страны, под глубокою ону стремнину от Арского поля, с приезде х Казани. И неведущим казанцем дела сего, и от наших вои никому же, токмо воевод и делателей, иже кои дело сие делаху; но и ти укреплены никому же дела того поведати изменных для наших лестьцев, да не сведавше казанцы и того устрегутся. Ис тех же един бе некто от приставник || дела того, воин полка царя а. 197 рева, родом Колужеска града, именем Юрьи Булгаков, лютый и неправеден, яко и во отечестве своем сожительствоющих ему сосед насилствоваше, и грабаше, и озлобляше, и землю у них отводяше, и ко своей земли прилагаше. Его же за злонравие не любяше самодержец и многожды смиряше; сей же незаконный за нелюбие то гневашеся на господина своего и царя, и хоте, аки неверный, злое ³²прилагат(ство) сотворити: и написав грамоту, на стреле пусти ю в Казань ко царю, яко да град и люди своя крепит и сам не страшится, сказуя ему || и места подкопныя, и отступление от града царя а. 197 об. и великаго князя вборзе, и во всех воех скорбь велику кормля ради и потопления на Волге. „Да егда, — рече, — царь князь великий от Казани отступит, аз же, мало проводив его, и буду к тебе в Казань служить; ты же буди мя брегии, любя раба твоего“. Но что может человек сотворити, аще не бог попустит ему? Казанцы же паче о сем укрепишася, и искаху в тех местах подкопов и не обретоша, богу укреплешу. И вборзе хитрецы повеленное ими дело в седмый день стройно и спешно скончаша, и изговиша тайныя рвы в триех местах || под градными стенами, яко дивитися самому самодержцу а. 198 и князем и воеводам его новей мудрости той. Бойцы же пушечныя из-за туров не prestaюще во стены града бяху изо всего снаряду великаго, ис пушек болших и из пищалей, да не познани будут копающися под град. Казанцы же, старыя и недужныя и небойцы, и они, аки мыши, в погребех своих и по норам земленным, ископаючи глубоко, и ту от стреляния избываху и в пещерах тех живы сокрывшеся з женами и з детми, не являющися, и на свет не изходящи из ям тех на многи дни.

а. 198 об. Чюдо святых апостол и святаго || Николы, како
явишася на воздусе и благословиша землю ону
и град Казань, да вселятся в нем православнии
христьяне. Глава 70

Предо взятием же града Казани многа чюдеса показа
всемилоstitивый бог угодники своими, великими апостолы 12-ми
и великим чюдотворцем Николою и преподобным Сергием.
Некий убо человек от боярских людей, ранен велми, у града
лежаше за туры, болен, язвами изнемогая. И мало от бо-
лезни в сон тонок сведен быст, и видит над градом сияюще
велий свет и во свете том на воздусе дванадесят апостол
стоящих. || И се прииде к ним от востока муж светел, стар,
во одежди святительской, великим же светом сияя, и покло-
ния пред апостолы, глаголя: „Радуйтесь, ученицы и апо-
столы господа нашего Исуса Христа“. И ³³ответща(ша) ему апо-
столи: „Радуйся и ты, угодниче христов Николае“. И нача
святы Николае молити святых апостол: „Ученицы христовы,
молите Спаса Христа и благословите место сие, и освятится
град, и да вселятся в нем православнии людие и во веки по-
живут“. И ответшаша ему апостоли: „Но да вкупе с тобою
помолимся, угодниче божий Николае, егда услышит нас бог
и помилует люди своя“. И обратишася на восток и помо-
лишася || мало, и глас прииде к ним от востока с небеси, гла-
голя: „Се услышах молитву вашу; и отныне буди благословенна
земля сия и град сий, да прославится на месте сем имя мое,
отца и сына и святаго духа“. Апостоли же и Николае святей
збратившеся и благословиша место оно и град, и невидими
быша. Воин же той болный, виде и слышав сия вся, и стра-
хом великим одержим, и возбнув от видения, и повеле
к себе отца духовнаго призвати, и поведа ему вся, еже
виде и слыша, и всем ту предстоящим воином, сам же при-
частився святых таин Христа бога нашего и преставися
в той час.

а. 200 Чюдо 2-е святаго Николы

Ин же воин, двора царева и великаго князя, виде во сне
святаго Николу, вшедша к нему в шатер его и возбужающа
его от сна, глаголя: „Востани, человеце, и шед рцы царю
своему, ему же ты служиши, да приступает дерзновенно ко
граду, всяко сумнение отложа, безо всякого страха, не
леняся, в праздник пресвятыя богородица, честнаго ея по-
крова: бог бо предает ему град сей и противныя ему срацины.

Аз бо есмь Николае, мирский святитель, и возвещаю ти сия“. Той же боярин убудився от сна своего, и мняше сон зримое, а не истинно видение, и мечтание помышляше, и умолча, и никому же того поведати того дне. || Во вторую же ночь и паки тому же христороубивому мужю явися святой Николае и за прещением рече ему: „Не мни, человеце, яко ложь видение се, но истинну ти глаголю. Востани скоро и повеждь, яже ти прежде возвестих“. Он же востав и тек, поведати самому самодержцу.

Чюдо 3-е преподобнаго Сергия. Глава 72

Инии же от воин, благочестивии человецы, видеша себе во сне во граде Казани, ту же во граде старца видеша в ветхих ризах чернеческих ходяща, браду же велику, густу, седу, не велми же долгу имущи, и град, и улицы, и площади, и храмины самому ему метушу. И нецыи ту светлии юноши предстояще и глаголюще ему: || „Како, святой Сергие, сам сия твориши? Повели убо сия иному извести“. И рече им святой, яко „сам убо аз измету их, заутра бо у мене многия гости будут зде, велицыи, и силныи, богатии и убози“. По взятии же града от многих нечистых казанцев известно про святого уведанно бысть, како варвари они по мнози дни и нощи видяху его, яве по граду ходяща, и град крестом осеняюща, и метуща, яко же и прежде написано бысть о нем. И таковая вся благочестивому царю возвестиша. Он же заповеда никому же сих чюдес поведати, дондеже на нем милость божия совершится; сам же без престани бога в тайне моляше: „Ты убо, премилостивый господи, Исусе Христе, сыне божий, таковая вся веси и нас, раб своих, помилуй по велицей твоей милости“.

Укрепление воем царя и великаго князя, и тоскование, и плач казанских жен и девиц.

Глава 73

И объезжаше по вся дни почасту полки своя, и моля, и наказуя, и укрепляя вся князи и воеводы своя и воя вся царским словом своим и утешая, и дары подавая, ядением и питием уводя, да не скорбят о подвизе и милости божия да не отчаются. И бе умилен позор увидети по 3 дни до дне того, вонже день взятися граду: жены убо казанския и красныя девица || яко на велик некий праздник свой или на женственныи пир, сведяще конец свой, и на смерть готовяхуса, жадаючи лутше умерети, неже долго мучитися и жити зле, и от пещер

своих излазяще и облачахуся в трисветлая своя одеяния златая, красующися и показующися руским воем. И аще бы им мочно птицею или зверем метнувшеся со стены летети и к ним бежати! Но несть лзе. И от утра да иже и до вечера, по 3 дни, по стенам града хожашу, плачюще и гласом умилным рыдающе, с родом своим и со знаемыми прощающися, и видением наслажахуся || света сего сияния конечно, зряху же и на великия полки руския, и дивляхуся, и ужасахуся толика видяще множества руских полков и неизбытие, яко же иногда, и ненадежное отстояние свое от них. И плакахуся матери сынов своих, и власы простерши, и перси своя открывающе, и нагия сесця показующи, и вопиющи: „О милая наша чада, помяните болезни наша, еже родяще вас подъяхом, и пища млеченныя устыдитесь, и пощадите старость нашу, а свою юность предобрую, помилуйте и престаните от брани сия, и глав своих не кладите всеу, и с московским царем смиритесь“. И вопияху тако же || к мужем своим катуны и горко плакахуся велми, красоты и любве жен и детей своих не забывать, и моляху их повинутися московскому царю, и град ему предати, и покоритися воли его, и встретити его, изшедше со младенцы своими, на руках держаще, самым им руже свои железы и ужие перевязавше и в рубища раздранная одеянным. Аще и всем им преведенным быти от земля своея на иную землю его, или работа будет тяжкая, или дань ему неискупимая давати, давшеся на душу его, то ведает вся он и воля его буди, токмо да не все вдруг погибнут, ни по них бы хотя чада их остались на память им.

л. 202 об. О злобе казанцев, и о последнем послании его к ним, царя и великаго князя, и о милосердии его. Глава 74

Они же, немилостивии и злии, отрваху их от себе прочь, и не послушаху их; ни приклонишася, окаянии, к горким слезам родителей своих, и милых жен не помиловаша и малых детей своих, но окаменешася сердца их непокорством, и ожесточилася железныя выи их немирением, наполнены бо злобы их и лукавства, и всякия неправды, и мнящися быти мудры и о бою родиша, ослепи бо их злоба и лукавство их, и, яко хотеша и рекоша, тако и сотвориша, и напрасно вси вдруг
л. 204 исчезнуша за беззаконие свое, яко египтяне; оних бо море потопа, сих же оружие пояде, и во своей крови потопишася, и спяти быша и падоша, и поразишася неисцелною язвою смертною, и отечества своего и свободы и славы испадоша,

и всякаго благоденства и господствия лишишася, и быша пленницы и раби. Царь же князь великий, видев жен и девиц по стенам града ходящих, и не веле стрелцем стреляти их, и умилостивися о них, да поне мало при кончине своей повеселятся. Мнози же от вои русских жалостивии прослезившася, зрящи сих, и дивящися немилосердию их и при кончине к женам и к чадам своим. || Посылалаше царь князь великий до седмижды л. 204 об. х казанцем послы своя, сам ходя с ними, и речь их слушавшаяся аки воин, а не царь, в простых же одеждах. Овогда же приезжаху к ним князи казанския, посылалаше к ним глаголати милосердие свое, да примолвят и увещают их всяко, яко своеземцов и сродников, глаголюще речь сию от него: „О непокоривии и жестосердии людие казанстии, не весте ли сами всея вашей земля заустения, и острогов взятия, и в них многих людей и черемисы вашей и пленение, знаемых ваших побиение от человека и до скота, кроме единех вас, аки в темницах се^{||}дящих во граде своем? Вем бо, яко храбри есте л. 205 собою и надеетесь не на бога, но на храбрость свою, и на крепость града своего, и на уготовленную свою кормлю многую. Но не удержат вас ныне, яко же вижду, ни железныя стены, ни огненная сила, и не можете божия гнева ни под землею укрытися, богу мя пославшу погубити вас, многога ради моего терпения от вас. И что богу противитесь? Аз бо милую, и жалую, и тужю о всех вас, и о родителях ваших старых, и о красных женах, и о детех младых, вчюже пришед, иноязычник сый; како же вы, окаяннии и беззаконнии человецы, || не смилитесь ко утробам вашим, или кто тако не л. 205 об. любит жен и не слушает родителей своих, яко же вы? Помилуйте поне малыя своя детца и дщеря красныя, и жены своя любимыя, и тех ради не погубляйте себе напрасно, и крови не проливайте нашия же и своя, да живи будете, честь и дары от мене великия примете, и во царьств(в)е и нашей любви всегда будете у нас; и от сего дни к тому не бойтесь гнева моего и прещения. И кленуся вам сам, яко люблю есть вам, жив господь бог мой, яко не имам ни единого же погубити вас, ни мала, ни велика, и не мщу никому же, но паче и любити вы || учну, стоящих крепко за себе; не срам бо л. 206 есть вам покоритися болшим себе, нам; и аще не покорите ми ся часа сего, то уже все при конце есте, и узрите вскоре збывшее слово мое и аз о сем буду без вины от бога моего. А ваш лживый пророк Бахмет не поможет вам ничим же ныне, в него же веруете, зле престившеся и не познавше истинного бога.

О бестрашии и о роптании казанцев,
о укреплении межю собою. Глава 75

Казанцы же никакo послушаху, но и умирающе грозяху, таи противу ему сего воздати хотяще. „Аще мало послабиша нам, или десятижды хоцещи || слышати от нас“, — глаголаху: „Ни даров твоих хоцем прияти, ниже прещения твоего страшимся, ни страха твоего боимся. И что прелщаеши нас словесы своими лукавыми? Твори, почто пришел еси. Аще мы к тебе собравшеся тако силно пришли, то всю бы землю твою от конца до конца попленили бы, яко же и нашу ты попленил еси, и грады бы твоя вся до основания разорили, и не бы тебе дали тако много вешати что, или мало помедлити. И укрепляхуся между собою глаголюще: „Не убоимся, о храбрыя казанцы, страха и прещения московскаго угауби (так!) и многия его силы руския, аки моря биющагося о камень || волнами и аки великаго леса шумяща напрасно, селик имуще град наш тверд и велик, ему же стены высоки и врата железная, и люди в нем удалы велми, и запас мног и доволен стати на десять лет в прекормление нам. Да не будем отметницы добрыя веры нашия срацынския и не пощадим пролити крови своея, да ведоми не поидем в плен работати иноверным на чюжей земли, християном, по роду меньшим нас и украдшим благословение“.

О гневе и о ярости царя и великаго князя на
казанцев. Глава 76

И виде царь князь великий никакo же покаряющийся ему казанцев, к сему же и грозящих еще, и воздвиже пламень ярости своея из глубокаго сердца своего, яко лев рыкание страшно испусти. И избирает изо всех полков юнош свирипосердых и крепкооружных, полк велик 100 000 силных бойцев, и уготовляет тех пеших к приступу града, овех со огненным стрелянием, овех с копьи и с мечи, овех с секеры, и с мотыки, с лестницы, и с багры, и со многоразличными хитростями градоёмными, да прежде всех полков поспешит избранный той полк и на град злояростне нападет || со устремлением сильным. Воевод же устави полка того князя Михаила Глинскаго, другаго же воеводу князя Александра Воротыньскаго — оба же те воеводы храбры и силны. И уготовив полк той стояти и повеле ждати времени, всему же воинству от града отступить повеле, яко до поприща единаго, и бываемых на готово стоя смотрити, и весь наряд стенобитный, пушки и пищали от-

двигнути и места очистити. И егда учнет бог избранному полку помогати, тогда же и тем полком всем на то же дело поскорити, и повелевает хитредем в глубокия рвы, в подкопныя, под крепкия сте||ны казанския бочки со огненным зелием подкачивати. Бе бо тогда день той суботный, праздник же владычицы наша богородица, честнаго ея покрова. И уже дни суботному мимошедшу, освитаючи же дни преславному христову воскресению, вонже всемирная радость, на память святых великомученик Кипреяна и Устиньи. У себе же царь князь великий рано востав заутра, до зори, во церкви шатерней повеле прозвирателем своим и певцем заутренняя пения сотворити, по отпении же заутрени в той же час молебная пети повеле ко господу нашему Иисусу Христу и ко пречистой богородице и ко всем святым небесным силам и великим || чюдотворцем руским и всем святым, и на солнечном а. 208 об. восходе и литургию служити; непрестанно же сам о землю пометашеся и главою бияшеся, и в перси своя часто рукама ударяше, и захлипашеся, и слезами весь обливашеся. С ним же и вся земля Руская испусти вопль велегласный ко всемогущему богу, исполняема неповинными кровми. Да не вотще будут труды его и великий подвиг поднятия его, и да не возвратится второе сам пришед и посрамлен от града Казани, и да не будет в последний смех и во уничижение казанцем и всем окрестным врагом его, живущим около державы его, || и да а. 209 об. не ³⁴ (будет) лишен от желания своего. „И отверзи очи свои, боже, и виждь злобу поганых варвар, и ущедр закланья раб своих, и суд издаси на окаянных горек, яко же и они воздаша верным людем руским“. И отпевшим молебная, и литургию прозвирателем его служившим, и покайся он у духовнаго отца своего, и причастився пречистаго тела и животворящия крови Христа бога нашего. Тако же и вси князи и воеводы и воины мнози в станех поновившеся у отцев своих духовных, причастишася пречистых христовых тайн, и приготовишася чисти к подвигу смертному приступити.

Моление и уч||ение к воем своим царя
и великаго князя. Глава 77

а. 210

И тогда благоверный царь всед на велики конь свой и поеха по всем полком своим и по станом, моля и наказуя воевод своих и воя вся, с плачем горким, кланяся им до златыя стремени ноги своея: „Братие и господие мои, князи и воеводы, и вси, малии и велицы, руская чада! Ныне приспе нам время добро показати победа на противных наших, за

непокорство их, и несмирение, и за великую злобу, и неправду. Подщитесь подвигнуться за обиды своя на них, на славу мне, себе же на похвалу великую, и послужите богу и нам всюю крепостию вашею, || и постражите за церкви святых и за все православие наше, и явите мужство свое на память роду нашему по нас; да убитыя ныне от казанцев с мученики венцы примут на небесех Христа бога нашего, и напишутся имена их у нас в седневных сенаники вечных, и поминаеми будут по вся дни во святых соборах церковных, от митрополит и епископов, и дьяко(но)в, и попов, на литиях, и на панахидах, и на литургиях. Живыи, сохраненный богом и не убитыи от поганных zde, от мене примут честь и дарове и похваление велико“. Князи же и воеводы, и все вой, слышавше от самодержца своего умильная словеса его, и воскликнуша великими гласы, со слезами, и дерзости быша все и рекоша: „Ради есмь и се готови, о самодержце велики, всем сердцем подвизатися вседушно, елико поможет бог, и класти главы наша неместно, за веру христианскую, и за вся люди руския, и за тебя, царя нашего, умерети; а со срамом с тобою живым во свояси не возвратимся великаго ради твоего попечения, еже стражеши за вся люди своя, и наших ради частых трудов, хождением всегдашним х Казани“.

О зажении зелия в рове, и о веселии казанцев, и о молбе, и о жертве их. Глава 78

Наказа же накрепко всем князем и воеводам и полкочначалником, да готови будут все часа того к приступу, егда возгласят ратныя трубы, и пешцы и конники в пансырех и в доспехи одеянии, и да брежет и учит книждо их полка своего, и принужает к брани крепко и мужественно и неподвижно стояти. И объехав все полки своя и, яко от бога извещение прим, и повелевает хитрецем под крепкими стенами во рвах глубоких зажигати свирепое зелие огненное; сам же в стан свой приехав, и паки на молитву к богу обратися со слезами. И стояще, весь вооружен || в златыя броня, в рекомый калантырь, и готов на подвиг, ожидая милости божия, поющим у него безпрестани священником и дьяконом молебны. Казанцы же видевше из стрелницъ и со стен града своего, яко отступиша от града их тмочисленная вой руская, — бе же казанцев на стенах града 20 000, иже брань творяху, пременяющися, с вой рускими, — и сказаща царю своему отступление от Казани московскаго царя, и заповеда царь молбы творити, аки не хотя, новому сенту казанскому,

и мулам и азифом и дербышем, по всему граду Казани людем || всем, мужем и женам со младенцы их; и жертвы л. 212 об. приносить, скверному Махметю, яко избавлешему град их от таковыя несказанныя силы руския. Царь же и велможи казанския жребца и юнца тучныя приводяще, закалаху на жертву. Простая же чадь, убозии людие, овца и куры и птица приносяще закалаху. И радоватися и веселитися почаша, лики творяще, и прелестныя песни поющи, и плещущи руками, и скачущи, и пляшущи, и играючи в гусли своя, и в прегудница ударяющим, и шум и грохотание велико творяще, и поносы и смех и укорины велики да||юще руским л. 213 воем, и погаными свинойдцы называюще их. Царь же казанский и весел бысть и невесел, чюяше бо сердце его, и по сном разсуждаше себе, и по всему познаваше взяту быти граду. Мняху бо погании казанцы, яко царь князь великий безделен воспать возвратися, яко и прежде сего за два лета приходил бе к ним, не от истинны, не тако силно и грозно нарядися, но яко тогда пострашая им, и претя, и грозя, да престанут от злобы своея, и да живут в сумежницах по соседству, не обидяще его, и отиде прочь, не учинив им конечныя беды; не ведаяху бо, безумнии, скончания || своего, что им л. 213 об. уже приспел горкий час, и приближися к вечеру день конечныя погибели их.

О страсе огня, и о разрушении стен, и о погибели казанцев. Глава 79

И егда же зажженно бысть огненное зелие в ровех, диякону же на молебне чтущу святое еуагелие и конец того возгласившу: „И будет едино стадо и един пастырь“, и аки друга верна с тем во едино дело согласистася. И в той час абие возгреме земля, яко велий гром, и потрясется место то все, идеже стояше град, и позыбахуса стены градныя, и вmale весь град не падеся от основания. И вышед огонь ис-под градных || пещер, и совься во едино место, и возвысися пламень огня л. 214 до облака, шумящ и клокочущий, аки некоея великия реки силныи, — прах, яко и руским воем инем смястися от страха и далече от града бежати. И прорва крепкия стены градныя, прясло едино, а в другом же месте, с полпрясла, в третьем же месте от Булака сажений 10 и тайник подня, и понесе на высоту великое древие, и с людьми, яко сено, прах ветром, и относя чрез воя руския, и пометаше в лесе и на поле далече, за 10 верст, идеже несть русских людей. И божиим брежением не уби древием тем великим ни еди-

- л. 214 об. наго же русина. || Бывши же на стенах погании, поносы и укоризни кидающе руским воем, вси без вести погибоша; овех древием и дымом подави, овех же огонь пояде. А инии внутрь во граде казанцы, мужи и жены, от страха силнаго грянутия омертвеша, и падоша ницы на землю, чающе под собою земли погрязнути, или яко содомский огонь с небеси сошедше попалити их; и быша аки камицы безгласни, друг на друга зряще, яко изумлены, и ничто же друг ко другу своему провещати могуще, и долго лежавше и очинеша от страха того, и смутишася, и подвизашася яко пиянии. ||
- л. 215 И вся хитрость их и разумное умение их поглощено бысть христовою благодатию, и обратися им вместо смеха плач, и в веселия место жалость, и в гусли место и прегудницы и плясания друг друга объемлюще плакати и рыдати неутешно.

Ополчение и победа московских воевод на Казань. Глава 80

- Видевше же се воеводы великаго полка, яко прииде им уже помощь божия, и наполнишася духа храбра, и вострубиша воя их в ратныя трубы и в сурны во многия, и удариша в накры, весть подаючи и прочим полком всем, да готовятся скоро. Царь же князь || великий, взял благо-
словение и прощение от духовнаго отца своего, мужа добродетелна, ³⁵Андр(е)я именем, и аки пардус ярости наполнися бран-
ныя, и всед на избранный свой конь с мечем своим, и скача вопияше воеводам, мечем маша: „Что долго стоите безделныи? Се приспе время потружатися мал час и обрести вечную славу“. И хоте во ярости дерзнути с воеводами сам итти к приступу в велицем полце и дати собою храбрости начало всем, но удержаша воеводы нудма, и воли ему не даша, да не грех кои случится, и отведоша в стан его, и увеще-
ваючи его тихими словесы: „Те||бе убо, о царю, подобает спасти себе и нас; аще бо мы все избиени будем, а ты будеши здрав, то нам будет честь и слава и похвала во всех землях, и останутся у тебе сынове наши и внучата и сродники, то и паки вместо нас будут без числа служащих ти; аще ли же мы все спасемся и тебе единого самодержца нашего изгубим, и каковая будет нам слава и похвала, но студ и срам, и поношение во языцех, и уничижение вечно, и останемся аки овечная стада, в пустынях и в горах блудяще, снедаемы от волк, не имущи пастыря“. Он же пришед во
ум свой от яро||сти зелныя, и позна, яко не добро есть бе-
- л. 215 об.
- л. 216 об.
- л. 215 об.

зумное дерзновение, и пусти ко граду впреди великий полк, пеших оружников за великими щиты деревянными, по 30 человек, ко всем вратом и туры двигнути ко стенам градным блиско, до толика, яко воем взыти с них на стены проломныя, царевичев астороханских с татары, за теми же воинство все, но и еще полком всем не веле поспешити, да не угнетения ради и ³⁶стесне(ни)я у града падение людем будет велие. Сам отъехав з братом своим, со князем Владимиром, и со царем Шигалеем, и стояше, смотря издалеча бы||ваю- а. 217
щаго. Воеводы же с пешцы ко граду приступлеше и единым часом мало трудне девятеры врата граду изломиша, и во град внидоша, и путь всюде сотвориша всему рускому воинству. И самодержъцево знамя, вознесше, на граде поставиша, христианское победителство на поганых являющи всем; и вдруг с теми царевичи поспешиста в проломы, с полки своими варварскими, и внидоша во град полыми месты, в мегновении ока, безбранно, и отъят от возгорения град, и угасиша силу огненную. Казанцем бо еще во страсе мятущимся, и не ведающим самим || себе, и ума не собравшим, прочии же воеводы а. 217 об.
стоящи, времени ожидающи, и видевше огонь угасше и дым по аеру ветром разносим, и вои русских уже во граде скачущих, и биющихся с казанцы, за руки имаяся, и двигнушася от мест своих с полки своими, кииждо где стояше, с воплем крепким. И приидоша во град на конех своих, яко грозныя туча с великим громом, лиющесе со всех стран, аки сильная вода, во все врата и проломы, со обнаженными копьи и с мечи, друг друга поникающи и вопиющи: „Дерзайте и не бойтесе, о друзи и братия, и поспешите на дело божие; се Христос невидимо помогает нам“. И не удер||жаша их а. 218
ни реки, ни глубокия рвы, ни вся крепость казанская, но яко птица чрез ³⁷(их) прелетаху и ко граду припадаху и прилипаху. И аще не господь сохранит град, то всеу бдять стрегии его. Пешды же лествица тмочисленныя приставляху ко стенам и на град полезоша неудержанно, овии же, яко птица или векшица, прилепляющися, яко ноготми, железными багры всюде ко стенам и возлазяху на град и бияху казанцев, казанцы же со стен градных падаху на землю. И смерть свою пред очима своима видяще, веселяхуся и лутче живота сме||рть а. 218 об.
вменяху, яко не лестно за закон свой и за отечество и за град свой пострадаша. С неких же казанцев сниде смертный страх, и охрабришася и стаха во вратех града и у полых мест, и снисяс с русью, и с татары смешашеся сечем великим, со предними же и со задними, иже кои во граде, и крепче сечахуся, яко зверие дивии рыкающе. И страшно

бе видети обоих храбрости и мужества: овии власти во град
 хотяху, овии же пустити не хотяще, и отчаявшеся живота
 своего и сильно бяхуса, и неотступно рекуще в себе, яко
 а. 219 одинако же умрети есть нам. И трескотаху копия || и сулицы,
 и мечи в руках их и, яко гром силен, глас и кричание обоих
 вои гремяще. И ту в Муралиевых вратех язвиша казанцы
 храброго воеводу князя Семиона Никулинскаго ранами мно-
 гими, но не смертными, и по малех днех исцелиша его вра-
 чеве, здрава сотвориша, не на много время, яко преже на-
 писах о нем. Брата же его, князя Дмитрея, ис пушки со стены
 убиша, и похвативше слуги его, отомчаша мертва в шатер
 его, и вои его паде с ним 3000. И мало бившеся и потоп-
 таша казанцев русь, и вогнаша их во улицы града, биюще
 а. 219 об. и секущи. Казанцем бо не зело многим и не успе||вающим
 скакати по всем местом града, всюде врат и проломов бреши,
 и битися со всеми не могущем, яко уже полон град руси,
 аки мшица насыпан. Но и тако побегающим бяхуса, многаци
 и воздержеваху многих предних немнози, и сильных убиваху
 несиленны, донележе создади русь приспевше и побиваху их.
 Инии же вбегоху в домы своя и запирахуса во хранинах,
 и бяхуса оттоле. Но не может мал пламень много удер-
 жати, противитися велицей воде гашению, но скоро угасает,
 и ни малая ³⁸пру)дина — великия реки быстрины, сице же ни
 а. 220 казанцы много стояти противу толикаго || множества русских
 вои, и паче же рещи божия помощи.

О плачи и о уничижение к себе казанцев и убьение князя Чапкуна. Глава 81

И начаша бегати казанцы сюду и сюду по улицам град-
 ным, яко буря морская, вода ветром же носима, обры-
 ваючи с себе пансыря и доспехи, и мечючи из рук своих
 оружия своя, и кличючи, и ревущи великими и горкими гласы,
 вопиющи сами к себе, мужи и жены, и отроки и отроковицы,
 своим языком варварским: „О люте нам!“, глаголюще: „Уже
 бо время смерти нация приближися днесь. И что сотворим?
 О горе нам, уже постиже нас неизбытный конец и вправду
 а. 220 об. погибаем, не || повинувшеся. О како изнемогше крепцы наши
 людие, иже несть было таковых вои ни во всех землях!
 О како падоша сильныя казанцы от русских людей, иже ни
 зрети коли могуще преже сего, противитися нам; и ныне
 видим себе, аки прах валяющихся под ногами их, погибающая
 надежда наша; и днесь мимо иде добраго жития нашего, и
 заиде красное солнце ото очию нашею, и свет померче.

О горы покройте нас! О земле матери, раздвини уста своя ныне скоро и пожри нас, чадо своих живых, да не видим горкия смерти сия внезапно, со единого пришедшия вдруг на всех нас! Бежим, бежим, ||казанцы, да не умрем!“ Отвержеваху же инии: „Камо прочее бежим, яко тесен есть град, или где есть ныне сокроемся от злыя руси? И приидоша бо оне к нам гости немилыя и наливают нам пити горкую чашу смертную, ею же мы иногда часто черпахом им, от них же ныне самы тая же горкая пития смертная неволею испиваем. И кровь их излилася на нас и на чада наша. И где естъ ныне враг наш и злодей, князь сильный Чапкун? Вместо живота смерть на нас всеконечную наведе. И в коей полате со царем нашим и с велможамы казанскими сидит, думая о Казани? Или еще пьет черлено || вино и меды сладкия, и веселится, приемля дары от царя, и почести от друзей своих велмож, или с красными своими женами спит еще долго утра? Или храбрествует един и хошет удержати Казань безо многих людей, удержати царство от погубления? И мняся крепко стояти, возмущивша народом всем и велможамы всеми, владея, яко премудр творящися, и царя не слушае. Горе нам буим, послушавшим зла совета его! И се исчезаеи днесъ вси совета его ради“. И текше воины свои ему разсекоша я мечи на части, глаголющи: „Умри с нами, безумный лесче и душегубный прелатаю, ||и окаянный пагубниче, и лукавый смущенниче, замутив Казанью всею. Увы и нам от тебе, увы и же и тебе, лживый псе, нечистый. Горе, горе нам! Лучше было нам послушати царя своего, и отец и матерей наших, жен и детей своих слез и плача не презрити и царя московскаго с веселием и радостию в первый день прихода его встретиши, изшедше з женами нашими и з детьми, и предатися ему, да токмо живы были вси и красный свет вси видели, и работали бы ему с великою правдою и верою“. Ови же от них, жалостне рыдающе, и на воздух глас вопущаху.

Моление и смирение казанцев. Глава 82

„Милостив буди нам“, — вопияху, — „самодержче московский, и прости нам великаго нашего зла и беззакония нашего не помяни, много бо лукавствовахом, и неправды творяху отцы наши ко твоему отцу, и деды наши и прадеды к дедом твоим и к прадедом, тако же и мы ныне к тебе и болша их; докуду убо растыах ты, и тогда многа зла тебе сотворихом, пленяюще и губяюще землю твою во свою волю, от единого сыи изменами и лестыцы полаты твоя, всегда норо-

- л. 223 вящих нам, и емлющи оттого у нас дары великии, || потому же и сопротивляхомся тебе много, и лстяхом, и лгахом по их научению, и служити волею своею и поработитися не хотехом тебе, таку сущу и велику и богату дарю, ему же мнози царства и земли подлеляхут, безчисленнии дани приносяще, и князи самодержавнии работают, и волнии царие служат повинувшися, паче многих царей и славою и силою и богатством превосходящему, ему же точных во вселенней не обретається. Мы же ныне самоволием слушавше князя Чапкуна, твоего же милосердия не послушахом, и се ныне прекланяем
- л. 223 об. выя || своя подо оружия вои твоих, и погубляемся безвременне и лишаемся всеу другого живота нашего и красного света сего изыбваем, умирающе не по закону нашему, нази ложащися безчисленно, поругаеми предо очима твоих людей, непогребаеми в землю. И что много речем? Поистинне бо и по правде твоей погибаем вси мы от тебе, самодержьче великии, за высокоумие наше и безверие, и лукавствие, и злобу. Когда бо ты родися от матери своея, мы о тебе усмотрихом тогда, и погибель свою узнахом, и волхвы наши прежде рождения твоего поведяху нам, || яко хочет родитися на Руси царь силен, и возматет многими странами и царства многие попленил и смирит, и одолеет иноязычным землям, и грады их приимет, и озлобит, и никто же от царей наших срадынских и королей латынских возможет противитися ему, аще же и постоит, но побеждени будут; имат же и наше царство взяти и нас всех погубити огнем и мечем. Но злым обычаем нашим прегордым от родства своего одержжими есмы, и не хотехом прежде смерти нашия смиритися с тобою и повинутися тебе и слыти неволнии твои раби. Правда твоя и
- л. 224 об. милость велика и многое терпение твое || и великое смирение, еже к нам, и к богу твоему вера твоя и непрестанная молба преможи и погуби нас. Ныне же, самодержьче великий, да буди царствуя по нас, владея Казанью мирне и многолетне и во веки царствуя“. И плакаху казанцы плачем великим, раздирающе в тугах на себе ризы своя, и обнимающе отцы сынов своих, матери же чад своих, проливающи слезы горкия: „Увы“, — вопияху, — „пагубы различныя нашей от вас! Не молихом ли вас, чад, и не плакахом ли: «Помилуйте старости наша со юностию вашею, и сосец, воздоивших вас, устыдитесь!»». И несть в вас милующих нас, не послушающих, не збысть ли ся?“ Слышаху же от русских вои мнози умильная в рыдании словеса муж и жен казанских, знающих языку их. И покивающе главами своими, плеваху и проклинаху мерская зачатия их зминная и аспидова рожения. И донесошася

плачеве, и жалостныя речи казанцев во уши самодержьцевы. И еще милостивая утроба сердцем своим пожеле о них, забыв злобы их и неправды. И повеле воеводам, да молвят сотником и тысушником, да уймут вой от сеча. И не бе их мощно уняти, и ни ярости воинства утолити, быша бо им злее казанцев, паче огня все||ядца и меча обоюдоуостра, и всякия болезни и горкия смерти горчяеши; и повелевающих от брани престати многих своих язвиша до смерти. Рустии же вой состизаючи казанцев немилостиво мечи своими и секерами разседаху, и копьями и сулицами прободаху всквозь, резаху аки свиней нещадно, и кровь их по улицам града течаше. И вбегоша казанцы в вышград, и не успеха в нем затворитися, та же и в царев двор и в полаты его и бияхуса с русью камением и дреколием и цками покровными, яко во тме шатающихся, и сами убивающесе, и живы в руки не дающися || взяти. И скоро побежденны бываху казанцы, яко трава л. 225 об. поседахуса.

О падении храбрых казанцев. Глава 83

Тех же достальных 3000 окопившесе храбрых казанцев, и плакавше и целовавшесе со оставлешимися, и молявше к себе: „Выедем ис тесноты сия на поле, и седемся с русью на месте широце, дондеже изомрем, или убегше живот получим“. И вседше на коня своя и прорвашася во врата Царевы за Казань реку, и надеюшися на крепость рук своих, и хотяще пробитися всквозе русских полки, стрегшия беглецов, и убежати || в Нагаи. И вскочиша аки зверие во осок, и ту их окружи русьская сила и вместо согнете, и осыпаша их аки пчела, не дадуше ни прозрети; стояху бо ту на поле два воеводы противу Царевых врат, князь Петр Щенятев, другой же князь Иван Пронский Турунтай. И много секшися казанцы, и многих от вой русских убивша, и сами ту же умроша, храбрыя, похвално на земли своей. Како можаху битися казанцы с такими рускими силами многими, яко бысть на единого казанца русинов 50. Рустии же вой быстро, яко орли и ястребы гладнии на нырищи полетоваху, и скачущи|| яко елени по горам и по стогнам града, и рыстаху, яко зве- л. 226 об. рие по пустыним, семо и овамо, и яко львы рыкаху³⁹ восхити(ти) лова, ищущи казанцев, в домех их и во храминах и в погребех и в ямах сокрывающихся, и где аще обретаху казанца, стара или юношу или средолетного, и ту вскоре того оружием своим смерти предаваху. Отроки же токмо младыя и красныя жены и девица соблюдоваху, и не уби-

ваху повелением самодержцевым, что много моляху мужей своих предатися ему. И бе видети, яко высокия горы, громады же великия побитых || казанцев лежащих, яко внутри града з градными стенами сравнятся, и во вратех же градных, и в проломах, и за градом в ровех, и в потоцех, и в кладязех, и по Казани реке, и по-за Булаку, по лугом безчисленно мертвых бысть, яко и силному коню не могущу долго скакати по трупию мертвых казанцев, но вседати воином на иныя коня и пременяться. Реки иже по всему граду крови их пролияшася, и потоцы горячих слез протекоша, и яко великия лужи дождевныя воды, кровь стояше по низким местом и очерленеваше землю, яко речным водам с кровию сме||ситися, и не можаху людие из рек по 7 дни пити воды, конем же и людем в крови до колону бродити. И бысть сеча та великая от утра первого часа и до десятого.

О сече и о взятии плена и богатства казаньскаго. Глава 84

Глаголаша бо нецыи после пленения казанцы, умеюще грамоте своей варварской, вопрошающим у них в беседе руским людем о сече казанской, и отвечаху им, яко много есть было в Казани сечей и боев великих, а такова сеча и бои не бысть никогда же, от когда и почася быти царство Казанское. „Ни от прадед своих слышахом, ни писания же || наша имеют сидевых. И збысться от русских людей всегда о Казани глаголюще слово, яко мечем и на крови зачася Казань, тако же и кончается мечем и кровию, яко же и збысться ему ныне, преизлихованному неправдами, прежде и злобами всяческими кипящему“. Блажен благоверный наш царь, иже воздаст ему воздаяния его, еже по многу времени воздаваше нам. Блажени и вои рустии, до века разбившия и скверныя младенца его о камень. Вои же рустии, збирающе великородных казанцев малыя дети, отроки, и красныя отроковица, и жены добродичныя, и богатых и добродных мужей, в плен || взяша многих, овех же крестивше, в жено себе пояша, отроки же и девица в сыны и во дщеря место держашу, паче имуще своих чад. Взяха же безчисленная множества злата, и серебра, и жемчюгу, и каменья драгаго, и светлых портищ златых, и красных поволоок драгих, и сосудов сребрянных и златых и всяцех, инемь же несть числа. И кийждо человек что требоваше и можаше, то и взимаше себе на требование; и силнии воины меж себе биущеся от несильных отимаху, раны возлагающе на ся о богатестве том.

О зависти сребролюбия, насытый аде, отданнем равнем всем богатестве || от бога! Друг друга убиваше, мнози же тогда а. 229 об. убозии вои, кои взимающе и грабящи, си в земли сокровенная сокровища великая обретающи, обогатеша и до века своего казанским богатством, и наполнишася всякаго узорочья до воля своея, яко сыновом и внуком их и последнему роду их остася полно того богатства, и к тому не пещися им о нужных потребах домашних, но веселитися всегда з женами своими и з детми, яко мало днии трудившеся и на долга времена обогатевша. И все богатство руское и всякия драгия узорочья и паки воспать возврати||шася руским а. 230 людем, еже издавна казанцы воеванием себе собираша.

О изымании казанскаго царя и о прелегателе Московском. Глава 85

Некий же юноша воин, княжей отрок, оружие наго держа в руках своих, кровию варварскою красеющеся, и потече с воины, с четою своею, в мерское святилище Бахметево в мечеть цареву, идеже умерших нечестивых царей казанских скверная и гнилая и мотыльная и смрадная телеса погребяхуся, чая тамо некое себе налести богатство, еже и бысть. И разби оружием своим двери мечетныя, и влезе в ню, и погляда сюду || и сюду, и виде по стенам ⁴⁰зла(то)тканныя а. 230 об. запоны, на царьских гробех покровы драгия, усаженныя жемчугом и камением драгим. По едину же страну храма того до верха наставленных великих ларцев и крабии с рухлом драгим казанских велмож, по другой же стране жен красных и девиц до 1000, угнетающихся, во одеянии красном, и в повоях золотых. И среди мечети самого царя казанскаго, в худых ризах одеянна, не на царьском месте златом, но на земли сядяща, на ковре, и сетующа и плачуща, и прахом главу посыпанну имуща, || и скверную молитву по закону а. 231 своему творяща, и хранящася смертнаго ради страха, да не познан будет от русских вои, яко царь есть, и некако прелукавит их и неизыман нощию убежати у них из града. И 12 ерей нечестивых пред ним на земли же ницаху, и молитву же творяху, и около царя 30 князей вооруженных. Воин же той русин остави то все в мечети грабити воином чете своей, со инеми же поскочи на царя, а иныя на жены устремишася, и хоте оружием своим поразити всех и смерти предати, не ведая, что царь есть, убогия ради приправы его, || еже на нем; сверже бо с себе царь драгия ризы, по а. 231 об. знатия дея и воинския одежа совлечеся, но не утаится в кале

многоценный бисер. Князи же царевы воскричаша и руским языком рекоша: „Не мозите нас, юнии, никакo же убити! о сильный воевода, да нас деля сам не погибнеши зле, ему же служиши, но взем ве́ди нас живых ко царю и великому князю, да про нас от него честь приимеши: то бо есть царь казанский, его же малым не убил еси, а то есть ерен бохмичии, а мы есмя князи царевы, служимии ему раби“. И падоша ему на колену свою, повергше оружия своя, держаще

л. 232 на персех руке свои, || и молящеся своим языком, дабы их не убил. Бе бо крепко заповеданно от самодержьца всем воем никакo же убити казанскаго царя, но жива взяти, идеже обрящут его. Юноша же воин приклонився к милосердию и опусти острое кровавое оружие свое на землю, трясыйся злобою убийственною и трепеща весь от радости, яко не лишен бысть он за труды своя обогащение прияти от бога; повеле же другом своим убити ереев бохмичих. И убиша их. Князей же превязати, царю же ничто же зла сотвори, но, яко великое сокровище, тихо и честно царя от земля подья, и посади его

л. 232 об. на конь свой, и его || князи остави пеши итти связанных у седла, у ногу цареву, а сам и друзи его пред царем и около царя идяху, оружием своим машуще, и разбиваху воя, путь итти царю творяще сквозе воя, да никто же приблизится к нему. И многих уязвиша юноша той, хотящих сильно царя отняти. у него, чести ради, и корысти от самодержьца прияти. И приведе и в стан к шатру самодержьцеву. Он же не веле его вести на очию к себе. „Не подобает бо“, — глаголаше, — „повинному по древних царей обычаю“. Видев же царь бысть в печали и тузе, но радостну и веселу, яко

л. 233 царь же сый, аще и поган, и силою и богатством || не таков сый, но самоволен бе и себе служа, а не иному коему царю, и себе брежаше, и за себе стояше, и паче милости достоин есть таковой, а не му́де и казни. И повеле его на конь всадити и по всем руским полком возити, рек: „да не имат часа сего видети лица моего супостат мой“, и водив его отдати на брежение великому воеводе, князю Дмитрею Палецкому Щереде, его же отрок царя изыма. И наказа воеводе словесы утешати царя, и не печалитися, и блюсти его, и брещи во слабе и в покое велицем, да точию не убежит или сам себе в тосце не убьет. Князи же его же || лезы прековав держати. Воина же русина, приведшаго царя, и друзи его серебром и златом ис казны своя по немалу одарив, и светлая портища подав им, и паки отпусти их на сечю казанцев. И радостно потече з други своими, взявше корысть добычи своя от самодержьцевы казны. И повеле царь князь великий

л. 233 об.

приставнику воеводе у царя казанскаго спросити, аще кто к нему или х казанцем от воевод или от вои московских перевет держал и грамоты посылалше. Царь же словом воеводы борзо влагалище развергше, еже при поясе своем ношаше у срачицы, и взял от него грамоту и вдасть || воеводе, онаго злаго воина Юрья Булгакова самого его руки писание; воевода же то до самодержца донесе и прочет я пред ним. Он же разгневался зело, и повеле яти его и пытать крепко, аще того есть грамота писание. Он же никакже заприся, но исповедаша предо всеми, яко „мое есть дело сие и мой грех ко мне пришел есть, и по сердцу сотворих за сие, за нелюбие твое ко мне“. И предасть воеводе, да промыслит о нем, яко хошет. Воевода же отдасть на смертную казнь, и повеле его по хрепту секерою растесати, и руце его по мышце и нозе его по колени и после главу ему отсечи, яко да и прочии || сие видевше лишатся тако творити. л. 234 об. И лежа 3 дни непогребен на месте том, всеми зрим. И прошением у воеводы своих ему взяша с места того, и погребен бысть на Руси у родителей своих. Сие бо тако случается везде ко иноверным перевести держащим.

Сметити всех в Казани побитых казанцев и русских вои, и изсчитити град. Глава 86

И скончавшися сечь, и воплю преставшу и улегшу мятежу, и повеле царь князь великий мудредем гораздым объехав ⁴¹смети(ти) и счесть, колико есть число побитых казанцев и руси. И борзо поездив и сочте и смети Рязанския || земля воевода Назарья Глебов, мудр бо бе и хитр ко счету л. 235 об. Таковыя едином часом недолго мысля или рати число неведомыя, по хождению их и по пути, в мгновение ока познавше, сметив и сказав: „Есть, — рече, самодержьче, боле 100 000 и 90000 побитых казаньских людей и всех, мала и велика, стара и млада, мужска полу и женска, кроме плененных; есть же тех число боле того“. Он же позыбав главою своею и рече: „Воистинну сии людие, буи и немудри, крепды быша и силнии, самоволне умроша, не покорившися воли моей“. Руских же вои сочтоша побитых от казанских || людей, во всех приступех и на съемных боех и в загонех, 15000 и 355 человек. И повеле царь князь великий пешцем чистити град, и царев двор, и улицы все, и площади, и всех побитых казанцев трупия вон из града извличити, и далече вне града пометати на пусте месте, псом и зверем на снимание и на раздрабление воздушным птицам. Ту же наи-

доша в ⁴²т(р)упии том и сеита казанскаго убита и онаго буюго варвара, сходника и прелагатая, князя Чапкуна, лежаща нага, по чыстем разсечена, и толь скоро согнившя, во един л. 235а день, и червми кипяща, и злосмрадие злое издающа || на показание протчим всем изменником, с лестию и неправдою служащим господием своим, им же да буди вечная мука.

Вшествие в Казань царя и великаго князя и моление его, и благодарение богу. Глава 87

И егда исчистиша град, тогда сам благоверный царь князь великий во фторник въехав в столный град Казань, в 3 час дни, со всею силою своею, предоидущу пред ним хоругви его, образу Спасову и того рождешии пресвятеи богородицы, и честному кресту, и приехав на великую площадь ко цареву двору, и ту соиде с коня своего, дився во уме своем и чюдяся; и пад на землю, благодаряше бога, зря л. 235а об. на || образ его, еже на хоругви, и на пречистую богородицу, и на честный крест спасов, слезами точа о неначаемых и збывшихся ему. И востав от земля и радости и жалости наполнився, рече: „О колико народ людий паде единым малым часом, единого ради града сего! И не без ума положиша главы своя казанцы до смерти, яко велика бе слава и красота царства сего“. И поиде во царев двор, та же и на сени, и в полаты, и в златоверхия теремы. И походи в них, красуясь и веселяся, разруши бо ся красота их и охуде ото многого биения пушечнаго. И озре цареву казну всю очима л. 235 своими сам и по||веле преписати ю и печатию своею запечатати, да не угибнет от нея ничто же. Приставлен бо бе к ней воевода со стрелцы огненными, брещи ея от расхищения вои. И повеле молебная благодарения прозвितером своим и дяконом и всем людем богу воздати о всех от бога дарованных ему, желание его, и воду святити, и со кресты и с литиею окрест всего града ходити священникам, и всем воем повеле, и все бе ходя за кресты, слезая глаголаше: „Благодарю тя, Христе боже мой, яко не предал мя еси в руце враг моих до конца в посмех и укор, и не презрел еси моления моего, но даровал ми еси юному сия вся ныне л. 236 об. збы||вшися видети очима моима, еже на жребий мой и на честь и на славу мне от прародителей моих убрел еси, еже оне многа лета подвизашася о Казани и одолети ей не возмогоша; и ничим же охужден есмь от них“. И вси людие „господи помилуй!“ взываху, и вси вопяху: „Десница твоя, господи, в крепости прославися, десная ти рука, господи,

сокруши враги наша, и множеством славы твоя стерл еси супротивных. И паки сии день, иже сотвори господь, возрадуемся и возвеселимся в онь“. И много воспевающим, и много благодарственных гласы воспевающим, и яко велицыи громи до небес слышахуся || гласи их. Священницы же святу ю а. 237 воду святивши, з животворящих крестов и святых икон и с чудотворных мощей святых, и все христолюбивое воинство, и кони их, и по всему граду, по улицам и по домом и по храминам, и всюде ходяще, доволно кропиша. И тако святым обновлением обновивша Казань град. И разрушенная места и паки повеле царь князь великий поравнати и воставити, и крепче заздати, и боле старого прибавити града, и места разширити на здание каменного града. И поча на весне того же лета строити каменный град и церкви в нем на большее утверждение царству.

О заложеннии достальная черемисы за царя и а. 237 об. великаго князя и исполнения обещания его.

Глава 88

Черемиса же луговая достальная вся, сведавше того же дни взятие великаго града своего, и изыдоша из острогов своих старейшины их и сотники, кои были не взяты еще. И собравшеся мнози, приидоша в Казань ко царю самодержцу с великим смирением и покорением, и предашася ему вси, и назваша себе новым царем. Он же возлюби их, и пожалова на обеде своем, накормив их и напоив, и дасть им семена земныя, и коня, и волю на оранье, инем же || и оде а. 238 яние дасть и сребрениц понемногу; они же радовахуся о милосердии его. И отпусти их по местом своим жити без боязни, наказав воеводам, да закажут воем своим не обидети их ничим же. И переписаша тех оставшихся от воевания живых 93000 и 75 человек. И от того дне преста воевати Казанския земля, и вскоре восхоте благоверный царь обещание свое исполнити, — обещася пред образом спасовым, х Казани пошед, мечети поганыя раскопати и святыя церкви воздвизати на местех их, — и повелевает всем воеводам || а. 238 об. и воем на плечах своих от леса древние носить. И сам прежде рукама своим древо секерою посече и от леса на плечу своею принесе. И во един день созда храм соборный Благовещение пресвятыя владычицы нашия богородицы, на месте красне, на площади, близ царева двора, придела два имущи едином стоянием сотворенны, церкви же приделныя величии, страстотерпцы руския благовернии князи Борис и Глеб и

новоявленные чюдотворды муромския князь Петр и княгини Феврония. 2-ю же церковь постави Воскресение господа нашего Исуса Христа, 3-ю церковь святых великомученик
 л. 239 Кипреяна || и Устиньи, 4-ю за градом, на Пожаре, противу врат градных, на торговище, нерукотворенный образ господа нашего Исуса Христа, пятую же великаго чюдотворца Николы монастырь общежительный учини, потом же многи церкви от християн во имя святых воздвигнуты быша, в похвалу имени Христа бога нашего. И наведе же богатых жителей царь князь великий в Казань изо области своея, из градов, и ис сел, и наполни град людьми своими, десятирицею старого боле. И великим богатством Казань воскипе, и необычною красотою восия, и забываше всяк человек ино-
 л. 239 об. земец, видевше царство то, отца || своего и мать, и жену, и дети, и племя свое, и друзи, и землю свою, и жити в Казани, и не помышляющи воспать во отечество свое обратитися.

О поставлени в Казани архиепископа и похвала
 Христу богу нашему. Глава 89

Минувшима же по взятии Казани летома двема, и Божиим промыслом и изволением самодержца и прорассужением великаго святительскаго собора святиша новаго архиепископа граду Казанскому перваго, Гурия именем, игумена бывшаго честныя обители Иосифовы, да в новом царстве в Казани устрояет и утверждает и исправляет слово истинныя веры,
 л. 240 и во укрепление граду ото изменных лестец, в соблюдение христоименитым людем, живущим во граде и в селех, духовне и всяческии, да не прелщаются людие сходящися с поганюю черемисою, яко же Русь люторская с ляхи, и да не женятся, ни посагают с ними, ни ядят, ни пьют у них, и ни к себе да взывают их. И учини быти царь князь великий казанскаго архиепископа под Ноугородцкою архиепископьею, третьяго в Руси. Но, о великих ти новых чудес, Христе, кое благодарение о сих мы грешнии тебе принесем? Точию се: слава неизреченным судбам твоим, владыко; слава человеко-
 л. 240 об. любию и милосердию твое||му к нам; слава неизглаголанной ти благодати. Велий еси, господи, и чюдна дела твоя; и ни единому же слову довольно наше к похвалению чудес твоих. И паки: вели господь наш и велия крепость его и разуму его несть числа. Кто возглаголет силы господня и слышанныи сотворит вся хвалы его? Слава единому богу нашему, творящему дивная и преславная чюдеса, еже видеста очи наши.

Похвала граду Казани. Глава 90

О блажен еси ныне, граде прекрасный Казань, и от бога благословен. Зело радуйся и веселися паче всех русских градов; вся бо Руская земля и градове издавна от благодати святаго духа просвещение || приша, ты же новый ныне право- л. 241
славием просветися и божественными храмы обновися, яко младенец породися. Избег темныя веры суетства и всяко нечестие потреби, и поганую бохмичю веру до конца погуби, яко солнце красное от темных облак произшед, от прелести тоя провосия, всю страну ту лучами благоверия просвещаеши. И сего ради не унывай, но паче ликовствуй и светло торжествуй и красуйся: отъят бо господь от тебе вся неправды твоя, бывшая от зачала в тебе, и избави ты от варварскаго державства и жертв служения сквернаго Бахмета. И воцарися господь посреде || тебе и той сохранит тя, яко зе- л. 241 об.
ницу ока, десницею своею покрывает и заступит тя от враг твоих яко новорожденна младенца. И не узриши зла к тому ни от кого же. И мир божий на тебе до век временых пребудет. Древле бо ты злобами и неправдами великими наполняшеся и кровию многою рускою и горкими слезами яко реками кипяше и всядьми сквернами и нечистотами преизобиловашеся. И тех ради многих беззаконий твоих великою славюю словяше, яко доходити славе твоей и до самого царя вавилонскаго и другом ему именоватися и почитаему быти от него и любиму и славиму, а от русских людей всегда поно||шаем и проклинаем бываше, и к господу своему со сле- л. 242
зами моляхуся, да воздасть ти господь по делом твоим, еже и восприял еси. Ныне же от них вместо проклятия благословением веселишися и похвалами ублажаем прославляеши. И седмицею паче первого славнейши сотвориши не до Вавилона, но от конец и до конец земля. Мы же истиннии христиане и неместнии поборники вере Христове како не удивимся бывшим ныне, божию человеколюбию на нас. Идеже царство темное и нечестивое бе, и ту царство благочестивое процвете, идеже умножися грех, ту преизобиловаше божия благодать. || И кто не почюдится, и кто не прославит л. 242 об.
бога о сем, токмо еретик и неверных иноземцев, ти бо суть едиини не ради христианскому добру, но распыхахуся сердца своими, завистию снедаеми, видяще христову веру расширяющуюся, и их веру исчезающую силою христовою, и Рускую землю продолжающуюся и расширяющуюся и народа людьми умножающуюся. Иже иногда слышахуся и видяхуся во граде Казани мерзости и запустения мечети варварския стояще,

ныне же на тех местех видяхуся церкви божия христианския, пресветло сияюще; иже иногда злосмрадные сквары воздух
 л. 243 оскверняюще, || бесом требовахуся, ныне же кадило и благо-
 вонный фимиян в воню благоухания Христу приносится; иже
 иногда животная закалахуся безсловесная скоти и птица,
 ныне же самый агнец Христос за вся верныя закалаетца,
 и безкровная и чистая жертва богу выну о гресех наших при-
 носится. Иже иногда тимпаны звяцяху, и органы восклиц-
 цаху, и рожцы вопияху, и сурны возглашаху, и трубы шу-
 мяху, воя казанская собирающе, сим подающим вестъ, да
 а. 243 об. готови будут на воевание поитти и пролити кровь крестьян-
 ская; ныне же dobroгласныя трубы вопияху, || рекше звоне-
 ния церковная уши оглашающе, не страх и боязнь подающе,
 но веселие и умиление верным людям в сердца влагая, и воз-
 бужающе от сна, и созывающе богобоязливныя мужи и жены
 на духовный подвиг во церкви божия, на молбы и моления
 и на божественная славословия.

О послании с вестью к Москве. О молитве
 и о радости людстей. Глава 91

Православный же царь князь великий посылает тогда
 скоро со благодарною вестию к Москве наперед себе вели-
 каго воеводу благороднаго боярина, шурина своего, Данила
 а. 244 Рамановича, ко брату || своему ко князю Георгию, и ко отцу
 своему святейшему Макарию митрополиту, и ко царице своей
 Анастасии, и веля им поведати царское свое здравие и всех
 князей и великих воевод и всех благочестивых вои его, и
 бывшую ему помощь и великую победу над казанцы, и како
 взя столный град Казань и самого царя казанскаго изыма.
 И прииде же вестъ к Москве октября в 9 день, на память
 святаго апостола Иякова Алфеева. Благородный же князь
 Георгий и преосвященный Макарей митрополит, услышавше
 сия от царева посла, и скоро потекоша в великую соборную
 а. 244 об. церковь || пресвятыя владычицы наша богородицы и со всеми
 епископы, иже бяху во царствующем граде Москве, — ки-
 иждо их давно пришедши от епископия своего и ждущи ис
 Казани возвращения царева, — и со всеми прозвитеры сво-
 ими, и з дияконы, и с клирики, повелевше на площади во вся
 тяшкая звонити, тако же и по всему граду Москве по всем
 церквам святым звонити и пети благодарственная молебны
 во всю неделю. И начаша молебная совершати преосвященный
 митрополит со епископы. И у всех реки слез ото очию на
 брады и на перси проливаху и на землю тецаху. Небо и земля

и вся тварь тогда дивящися, || вкупе и радующися со чело- л. 245
 веки, славящи и величаючи творца своего, всемогущаго бога,
 даровавшаго слуге своему, благочестивому царю, дивную
 победу на варвары. И всей Русей земли, во градах, и в се-
 лех, и во всех людех, радость и веселие бысть велико да иже
 и на долго время. Православнии же християне, иноцы и мир-
 стии, и вси полатнии сановницы с ними что убо не глаго-
 лаху, и что ли не творяху, ⁴³победи(те)льная плещущи и весе-
 лящися, и борзо течение ко святым церквам творяще, и со-
 стизающися друг со другом и стретающися сами у себе пы-
 таху и поведяху, како самодержец их казанцы || злая победы, л. 245 об.
 и град Казань взя крепкими стенами и людьми, его же отец
 его и деды и прадеды по многа лета достапуащии, и никии же
 от них тако возмогоша.

О возвращении к Москве царя и великаго
 князя. Глава 92

Царь же князь великий пребысть в Казани, взяв град,
 дни 15, устрояя и уверяя, и уряжая. И два воеводы великих
 в себе место во граде наместники остави, князя Александра
 Горбатого, да князя Василия Сребряннаго, судити людем
 и войска попечения творити, и с ними 60 000 вои на все
 лето в соблюдение царьству, || а в Свияжском граде два же л. 246
 воеводы, князя Петра Шуйскаго и боярина именем Бориса
 Салтыкова, и 40 000 вои и вся добре разчинив. И тако
 возвратися ко отечеству своему Руския земля, светлу по-
 беду поставле над супостаты своими; в веселии мнозе и в ра-
 дости велицей грядущи ис Казани в лодиях преже реченною
 многожды великою рекою Волгою к Нижнему Нову городу,
 здрав и неврежен, со всеми рускими силами, божиею благо-
 датию храним, с великою славою, и со многим богатством,
 и з безчисленною корыстию, ниизложив супротивуборцы
 своя, и ведя с собою жива супостата своего, царя || казан- л. 246 об.
 скаго, пленив, и многих с ним улановей и мурз и князей
 казанских з женами их и з детми, безчисленно плена. Царя
 Шигадея со всею его силою отпусти полем великим, в вот-
 чину его в Касимов, тем же путем, им же еха сам Шига-
 лей х Казани; царевичев же астороханских, болшаго брата
 Дербышалея с честью одарив и отпусти во орду его — и
 по лете едином от Нагаи убиен бысть. Меншаго же брата
 Кайбулу с собою к Москве взя, да служит ему на Москве,
 и дасть ему вотчину Юрьев град полский; прочая же воя
 вся идяху за ним ис Казани к Василию граду, землею Казан-

а. 247 скою по нагорной стране || и по луговой, непроходными пути
 чрез высокия горы и дебри и блата, блудяще пеши по пусты-
 ням. И мнози з гладу помроша, не доставше пищи у них,
 инии же конину и зверину, и мертвечину ядоша, и коней без
 числа паде, яко мало их выведоша на Русь, кийже бо князь
 или воевода 1000 или 2000 водяще коней. И у того 10 и 5
 остана и у всех такоже у сильных и у несильных. И вси
 пеши на Русь приидоша. И егда бысть в Нижнем Нове граде
 царь князь великий, и оттоле поеде на конех, шествие пути
 творяху сквозе грады и села з братом со князем Володими-
 ром и со всеми князи || и воеводами ко царствующему граду
 Москве, и встретаху его священницы и мниси с народом, со
 кресты исходящи из градов и ис сел, стоящих по пути ему,
 с молитвами и похвалями и с веселием великим. И прииде
 в великую обитель живоначальных Троица в лавру препо-
 добнаго Сергия чюдотворца, и доволно игумена и з братею
 напита ядением и питием, и милостию им вда, и ту вострети
 его пришед с Москвы брат его князь Георгий Василевич
 с князи и з бояры. И поиде царь князь великий изо обители
 Сергиевы вкупе з братею своею к преславному граду Москве.

а. 248 О встречении царя и великаго князя || еписко-
 пов дву и всего народа московскаго и
 о красоте оболочения его. Глава 93

Слышан же бысть на Москве царьский приход его, и
 выехаша посланны от митрополита епископы 3, и встре-
 тиша его от града Москвы за 12 верст, в царском селе его
 в Тонинском, со архимариты, и со игумены, ростовский
 архиепископ Никандр, и тверский епископ Акакий, Иов,
 епископ крутицкий, мир и благословение носяще от пре-
 священнаго отца Макария митрополита, и поклонися ему, и
 благословивше его, и скоро назад возвратившися от него.
 а. 248 об. Приближающуся ему к посаду града, и пусти водима || впереди
 себе дале ко приставником воеводою казанскаго царя со
 знаменiem его и с плененными казанцы полк велик, до 50 000.
 И позвоне весь великий град Москва, изыдоша на поле
 за посад в стретение царя и великаго князя князи и велможи
 его, и вси старейшины града, богатии и убозии, юноша и
 девы, и старцы со младенцы, черныцы и черницы, и спроста
 все множество безчисленное народа московскаго, и с ними же
 вси купцы иноязычныя, турцы, и армены, и немцы, и литва,
 и многия странницы. И встретиша за 10 верст, овии же за 5,
 овии же за 3, овии же за едино попреще, оба полы пути

стояще со единого, и угнетающихся || и стесняющихся; и видевше а. 249
самодержца своего, идоша, яко пчелы матку свою, и воз-
радовашася зело хваляще и славяще и благодаряще его, и
победителна и велика его нарицающе, и многа лета ему
восклицающе на долг и велик час, и падающе вси покла-
няхуся ему до земля. Он же посреди народа тихо путем про-
хождаше, на царьстем коне своем еде со многим величанием
и славою великою, на обе страны против покланяшеся на-
родом, да вси людие насладятся, видяще велелепныя славы
его сияюща на нем: бяше бо оболчен во весь царьский сан,
яко на светлый день воскресения Христа бога нашего, ||
в златная и в серебряная одежда, и златыи венец на главе его а. 249 об.
с великим жемчугом и каменiem драгим украшен, и царская
порфира о плещу его. И ничто же ино видети и у ногу его
развее злата и серебра и жемчуга и камения многоценнаго —
и никто же таких вещей драгих нигде же когда виде, уди-
вляют бо сия ум зрящим нам. За ним еждяху братия его,
князь Георгий и князь Владимир, такоже и ти в венцах зла-
тых и в порфирная и в златяя одеяны. За ними же и
круг их, вся князя и воеводы и благородныя бояре и вел-
можа идяху, по тому же в пресветлая и драгая оболченны,
и коемуждо на выях их || повешенны чепи и гривны златя, а. 250
яко забыти в той час всем людем, на такая красоты на
царьския ⁴¹зр(ящ)им, и вся домовная попечения своя и недо-
статцы. Прилучишася тогда на Москве и послы некия, с че-
стию и з дары пришедше от далечих стран, на болшую славу
самодержцу нашему: ⁴⁵авил(он)скаго царя посол, сеит царства
его, муж зело премудр, и взят бысть с Казанскаго царства
за 25 лет, удал, и несть бывал от тоя земля прежде сего
на Руси посол. И послы нагайския, и послы полскаго короля,
и послы свийскаго короля, и послы датцкаго короля, и посол
волоский, и „купци || аглинския земля“; и ти вси послы же и а. 250 об.
купцы тако же дивляхуся глаголюще, яко „несть мы видали
ни в коих же царствах, ни в своих, ни в чужих, ни на
коем же царе, ни на короле сидевыя красоты и силы и
славы великия“. Овии же народи московстии, возлезше на
высокия храмины и на забрала и на полатныя покровы, и
оттуду зряху царя своего, овии же далече наперед заска-
каше, и от инех высот неких, лепяшеся, смотряше, да всяко
возмогут его видети. Девица же чертожныя и жены княжия
и боярския, им же не lze есть в такая позорища великая,
человеческаго ради срама, из домов своих || изходити и ни из а. 251
храмин излазити не полезне есть, и где седяху и живяху яко
птица брегоми в клетцах, — они же сокровенне принимающе

из дверей и из оконѣц своих, и в малыя скважницы глядяху, и наслажахуся многаго видения того чюднаго, и доброты и славы блещашаяся.

Встретение царя и великаго князя преосвященным митрополитом Макарием и поучение его к нему. Глава 93

Входящу же ему в болшая врата града, зовомыя Фроловския, и встрече его ту исшед преосвященный митрополит Макарие со архиепископы, и епископы, и со архимариты, со игумены, и с проз||витеры, и с дияконы, и с клирики, и со всем освещенным собором, и со множеством великим народа московскаго, носящи честныя кресты, и святыя и чюдотворныя иконы, с кандилы, и со благовонным фимияном, и со свещами горящими, яко воистинну царю и победителю почестъ носяще и благодарственныя хвалы многы воздаваху ему. Он же егда узре собор святительский и борзо скочи с коня своего и целова честныя кресты и святыя иконы. И достойная поклонения святительскому собору вдав, и пеш поиде за честными кресты и за освященным собором в великую церковь пресвятыя богородица, стелющим по пути ему

л. 251 об. красныя || ковра срачинския от врат градных и до дверей церковных и до полатных лествиц его. И вшед слуша в соборной церкви велицей святыя литургии, лице свое слезами мочя и моляся благодарствуя бога, яко не вотще быша труды его и подвизи и восприял от господя, его же по многа лета просил есть. И целова раку со слезами Петра чюдотворца, тако же и мощи святителя и чюдотворца Ионы. И егда соверши преосвященный митрополит соборне божественную литургию со всем освященным собором святительским и изшед от олтаря и вдасть самодержцу святую просвиру, и глагола

л. 252 об. ему слово духовно и учительно, всему || святительскому собору стоящу и честным велможам царевым и бояром великим и воеводам. И рече преосвященный митрополит: „Отныне, духовный сыну мой, державный царю, не скорби, ни тужи, ни печалися, но радуйся паче и веселися, славя бога, иже спасения и победу пода тебе на противныя, и буди помня всегда великую Божию благодать, яже о тебе ныне бысть; проси бо с верою и взя, иска и обрете и удари отверзесе. И ты убо печальным спомогай, и нищим и алчущим пища подавай, и нагим одеждя. Боляре и велможа своя честныя имей и обогащай их, да не будут скудны ничем же. И ко всем слугам

л. 253 своим, к малым же || и к великим, любовь тихо показуй, и

потребная им подавай, по апостолскому словеси, да с радостию тебе служат, а не въздыхающе; повинных же не скоро смертию осужай, но со испытанием великим; аще будет достоини за дела своя казнь прияти смертную, но и то и с милостию и с пощадением, и отпушати им дващи и трищи, да покаются и престанут от злоб своих и к тому не творити сих“.

О милости к народу царя и великаго князя
и о востречение его царицею его. Глава 95

И поучен бысть надолзе от митрополита царь самодержец, и поклонися до земля отцу митрополиту на || духовном л. 253 об
поучении его, со многим смирением и страхом яко от божиих уст наказание от него приим, и обещася ему та творити и быти, яко же поучи его отец митрополит. И многу того дне милостину нищим и по монастырем черньцем и по градским церквам иереом вда. И всех осуженных на смерть и в темницах сидящих на волю испусти. И земския дани своя людем облегчи. И милостину разосла по всей державе своей, по градом и по селом, и по монастырем по всем, по малым же и великим, и по пустыням, и по всем церквам святым, где есть свеща и просвира отправляти, и да молятся прилежно богу все о телесном здравии его и о душевном спасении, || игумени и попы. И поиде благоверный царь из великия церкви л. 254
соборныя на сени своя во церковь пресвятыя богородица честнаго ея благовещения, и в той тако же помолися, и молебны пев; ис той же церкви поиде во царския полаты своя. Царица же христолубивая Анастасия встретити уготовася царя самодержца по царскому обычаю своему, на преддверие полатное изшед, со благоверными женами, з княгини, и з боярони, и веселия полны, на землю проливающи слезы, яко печальная горлица, супруга своего виде, давно разлучившимся от себе и паки прилетевша к первому подружью своему, и вопль их и тоскование || обою преста. л. 254 об.
И радостна быста зело, друг друга видевши, или рещи яко красная денница пресветлое солнце на вселенную с востока в полаты своя входяща узре, и помраченный облак уныния и печали, прежде бывшие и по нем, светлостию лица своего и веселым зрением на ню прогоняя от нея и невидения, яко дым, сотворяя.

О пришествии и веселии царя и великаго⁴⁶ (князя) з бояры и воеводы его, и одарение его к ним,⁴⁷ (и милости его) ко царю казанскому. Глава 96

И тогда повеле царь князь великий пиршеству своему велми велию по 40 дни сотворятися, посаждая с собою перваго
 л. 255 дни || на пиру преосвященнаго отца своего митрополита Макария и весь с ним собор святительской, священницы и дьяконы со всего града Москвы. И в прочья же дни вся опоясанныя воинством князя, и воеводы, и бояря, и велможи и доволно царским веселием повеселися, учрежая и одаряя князи, и воеводы, и вся благоверныя, и до менших всех: овем грады в кормление дая, овем в вотчину сел прибавляше, овем же злата и сребра и светлая портища и добрыя коня подающе, кои чего достоин есть. Веселящуся же ему и бывшу в веселии велицей, и воспомяну о казанском царе плененном им и в заключении сидящем. || И посла к нему самодержец наречие: „Аще прокленет веру бохмичю и верует в распятаго сына божия, в господа нашего Исуса Христа, в рускую нашу святую веру, еже Русь мы веруем от грек приемше, то избавится ото одержания сего, и примет от мене честь и славу велию, и будет яко единого мы отца и матери рожденный ни братолюбием, а не яко пленник мой и супостат. Аще тако не хочет, то зле умрети имат в заточении нужнем, в гордцей темнице, во узах тяжких и во оковах“. Косну же ся в сердце казанскаго царя благодатная искра святаго духа, и восхоте прияти нашу истинную веру
 л. 256 православную и быти христианин. || Посланный же боярин пришед от казанскаго царя и вся реченная царем сказа своему царю самодержцу, царь же князь великий повеле скоро его привести пред ся, в полату, пред вся велможа своя, на пиршестве его сидящая с ним.

О смирении казанскаго царя, и о непреложении вере его ко святому крещению.

Глава 97

Введенну же бывшу со страхом и трепетом казанскому царю во златую полату, и восташа противу его вси князи и воеводы московския, овии же встретиша его на полатных лествицах, овии же на площади. И вшед царь в великую по-
 л. 256 об. лату, и падати начат на колену свою, || мил ся дея царю самодержцу, и рабом его неизменным называяся, подвизая

на печалование к нему братию его, князя Георгия и князя Владимира, и вся председатель князя и бояре и воеводы его, в порфирная и в златая одеянных, слезы горкия точка ото очию своею и моляся быти крестиянини и не погибнути в заключении горкия темница. О безчестнаго того срама и студа исполненнаго! Сам себе преже царь и господин бе, и самому ему служажу мнози уланове и князи и мурзы, той, яко злодей и осуженик, со страхом великим предстоит предо очима всех, по руце от || приставник держим, во одежах худых, л. 257 умиленю и слезам достойт. И вси князи, и воеводы, веселящися в полати, прослезышася о нем, и восплакаша, зряще его ⁴⁸руга(на) стояща. И паки же вопросити его токмо пред всеми повеле царь самодержец, аще истинно и нелестно верует во Христа. Царь же креплящися стоя, и неложно обещавашеся веровати и креститися.

О крещении казанскаго царя, и о чести,
и о любви к нему царя и великаго князя,
и о царе Шигалее, и о царице казанской
и о сыне ея. Глава ⁴⁹9(8)

Царь же князь великий, слышав от казанскаго царя Едегера Касаевича истинное слово и обещание его, и рад бысть || о сем велми, паче всеа казанския победы; радость л. 257 об. бо бывает всем анггелом на небесех о едином грешниде кающимся на земли. И повеле сетовныя порты сняти с него, и омыти его в бани от скверны, и облещи в ризы своя царьския, и венец возложить на главу его, и гривну златую обесити на вые ему, и перстня воздети на руце его, и сести ему веле близ себе, и пировати, и веселитися с собою, но не из единых судов, яко еще бе некрещен, и не веле ему о мимошедших скорбну быти и печалну, но радоватися паче и веселитися, яко быти сие изволися о нем божиими судбами. И по пятих месяцех крестити его повеле, || во имя отца и сына л. 258 и святаго духа; крести же его сам преосвященный митрополит Макарей на реце Москве, со епископы, и со архимариты, и со игумены, и с прозвитеры, и дьяконы, честно, месяца марта в 5 день, на память преподобнаго отца нашего Герасима. Прият же его от купели породныя сам царь князь великий, и нареченно бысть имя его во святом крещении Симеон. Иже иногда бывый лютый волк и похищник и кровопийца, ныне же явися кроткое и незлобивое агня христовы ограды, живоносныя паствы благия. И толма возлюби само-

держец, яко и братом его назва себе, и отец ему по духу
 а. 258 об. бысть. И дасть ему грады и земли || во одержание и во отечество, и всю царскую казну его отдасть ему, еже в Казани взя, и до единыя медницы. И приведе ему невесту от славна и от велика рода боярска, и обогати его, златом и серебром и многоценными вещми многими одари его, да живет без печали на Руси, служа самодержцу, и да не унывает и не тужит по вере своей срацынской и по царстве Казанском и по стране земля отечества своего. Царица же казанская, прежде плененная жена Сапкирея царя казанскаго прежде бывшаго, много добром нудима бысть крещение прияти, и не крестися.

И отдасть ю за царя Шигалея, аки замуж за инаго царя ни за
 а. 259 коего же не восхоте || поити, аще не царь Шигалей поимет ю, яко же обещася ей и клятву дасть, аще и смерть прияти ей от него. Той бо есть царь великороден сый, и отечеством болши всех царей, и старейши местом, и честнейши служащих самодержцу. И взем за собе царь Шигалей казанскую царицу и не любяше красоты ея, хоте бо его в Казани былием отравным уморити, яко же прежде сказася о ней, и живяше она, во отлученней у него и не в светле храмине, заключена аки в темнице, и спати с нею не схожашеся. И един раб его варварин з женою своею, оба стары и верны ему, приставлены кормити и служити ей, да токмо || не смеяше ю живу уморити, ⁵⁰сл(ова) ради к нему о ней ⁵¹самодержцов(а). А царевича младаго, сына ея, Мамшкирея, повелением самодержьцевым крестиша, и наречено бысть имя его во святом крещении царь Александр, и изучен бысть руския грамоты гораздо, и препираше многих в беседе от книг стязующихся с ним и никто же может претися с ним.

О взятии Казанском, и о трудах и о скорбех
 царя и великаго князя и воевод и вои
 и о нужи земских людей

Взят же столный град Казань и великий и славный
 благоверный царь князь великий Иван Васильевич, владимирский, и московский, и великоновгородцкий, и псков||ский
 а. 260 и всея великия Росия великий самодержец христианский в лето 7060-аго (1552 г.), октября в 2 день, на память святых великомученик Киприяна и Устинии, в день недельный, в 3 час дни, много подвизався за свою богом хранимую державу, за Рускую землю, и за правоверныя люди, день и ночь сердцем

боля и стоя, душею сокрушаяся, и никако же царьских брашен сладких в сытость и в сладость насыщашеся до победения казанскаго, и печаль ему о Казани всегда веселие преседаше, по всяк час слыша овца своя люди руския от волк казанцев разганяемы, и похищаемы, и снедаемы. И скорбь || велика обдержаше много лет все христьянство Руския л. 260 об. земля, убогих и богатых, и воин и воевод, и князей и бояр, и всех людей простых, изнемогаху бо земския люди и простыя, с частых податей и великих, и не успеваху даючи царьския оброки; воеводы же и воины не опочиваючи во бранех тружахуся, борющися с погаными христьяны и с коней своих не слазяще, и оружии своих не сымаяще, подвории своих и жен и малых своих детей не знающе, и гостем толко приходяху на час, являющиеся домови к женам своим и х детям. "И мнози тогда худоумнии челоудцы, или прямо рещи безумныя и тщедушныя, негодоваху и ро||птаху на л. 261 об. самодержца своего, яко самому ему землю свою губящу и паче злее ратных, и не щадящу, и не брегущу людей своих". Он бо предобрый в самодержьцех не похвалныя и тленныя себе взыскупя, да славен будет в родах мужством, яко и Макидонский Александр царь до краи земля дошед и смерти не убежа, или преже его бывый Ликийный царь до четырех народов дошед и столпове тамо постави во свое имя в писаниих. Сей же не о таковой славе подвизашеся, но о своем царьствии тружашеся, общаго ради составления мирскаго, о благостоянии святых църквии, и о строении || земском и о л. 261 об. тишине всего православнаго христьянства, да не паки бы поработитися поганым, яко же и при царе Батые бысть. И в день убо царьская строяше, ношю же по църквам святым и по монастырем, близ стоящим, яздыше и моляшися к челоуколюбцу богу и ко пречистой богородицы, обливаясь слезами, помиловати и ущедрити согрешившия рабы своя и до конца смирити и покорити ему поганыя казанцы и со всею многою черемисою их. И не презре господь моления раба своего, и увиде смирение и сокрушение сердца его, и верное прошение его и воздыхание с рыданием услыша. И сотвори || с ним по вере его великую свою милость, дать л. 262 об. ему милосердый бог желание сердца его, и вся подвиги и труды его благих исполни, и предасть ему в руце, яко малу и худу птицу, великое царство Казанское, на часть его от прародителей его убрече ему. И тако Казань державы царьския до конца отпаде и великому царству Московскому работати нехотя повинуюся, и Руская земля совершеннаго мира от казанцев насладися.

О хождении х Казани царя и великаго князя,
и о количестве избьенных поганых,
и отшествии его во град Москву.

Глава 100

- л. 262 об. Дващи бе сам ходил х Казани со всеми || силами русскими, дващи же царя Шигалея посылая и великих воевод с ним, тако же со всеми вои рускими; всего же было хождения при нем х Казани в лето и в зиме седмья в девять лет, пятью ходиша до казанскаго взятия, дващи же после взятия нижняя черемисы, пленом и сечивом до конца показнати их за изменство их, что предавшись и паки скоро измениша. Того же лета по шестих месяцех и паки учиниша брань сице. Воеводы казанския послаша воеводу свияжскаго Бориса Салтыкова не с великою силою на некия улусы
- л. 263 черемиския, еще не покаряющися им, яко да || и тех покорит и смирит; и за тех востаха вси людие, и паки возмаетеся вся земля, и того воеводу жива яша, побивша вои его 20 000 и заведоша его в башкирския улусы, в далнюю черемису за 700 верст за Казань, и умучиша тамо. И воевахуся пять лет, не отступаючи от Казани, и паки хотящи град свой восприяти, не дадуше гражданом русином на дела своя из града исходити, токмо великою силою прогоняше их и тако исхожаху на орудия своя, донележе исчезе вся черемиса за беззаконие свое, яко же и владельцы их, уланове и князи и мурзы, острием меча вси поразишася. И ⁵³со(с)читаша же || сами себе изоставшиися казанцы и черемиса воех побитых своих во взятие казанское, и прежде взятия и по взятии, татар и черемисы, во граде и в острогах, и в полон сведенных, и от глада умерших, и мразом измерзших, и всячески и везде побитых, ведомых ими и писаных, кроме неведомых и неписаных, 700.000 и 57000 и 270. Мало же их живых остаха во всей земли Казанской, и разве простых живых людей и худых и немощных и убогих земледельц. Въеха же великий самодержец благоверный царь князь великий Иванн Василиевич во царствующий свой в преимянитый град Москву месяца ноября в 1 день, на память святых безсребреник Козмы
- л. 264 и Дамияна. || И тако сед на престоле своем великаго царства Рускаго, правя скипетр державы своя, утер кровавый пот свой, покорив под себе жестокия и лукавыя казанцы, и паче их злейшую черемису поганую, оставив себе славу велию, превыше отец своих, и память вечную в роды руския во веки.

IV [Похвала царю и великому князю и всем
воеводам его и воем]

“Сидев бе той царь князь великий^a и многа при себе памяти и похвалы достойна сотвори: грады новыя созда и ветхия обнови, и церкви пречюдныя и прекрасныя воздвижи, и монастыря общежителныя иночествующим устрой; и от юны версты || не любляше никакия потехи царьския: ни птичья л. 264 об. ловления, ни песья, ни звериныя борбы, ни гуселнаго звядцания, ни прегудниц крыпения, ни мусикейскаго гласа, ни пискания прилепнаго, ни скомрах видимых бесов скакания и плясания, и всяко смехотворение от себе отрину, и глумники отогна, и в конец сих возненавиде. И токмо всегда о воинственном попечении упражняшеся, и поучение о бранех творяше, и почиташе доброконники и храбрыя оружники, и о сих с воеводами прилежаше, и сим во вся дни живота своего с мудрыми советники своими поучашеся, и подвизашеся, како бы очистити || землю свою от поганных нашествия, и от л. 265 частаго пленения их; к сему же тѣшася и покушашеся всяку неправду, и нечестие, и кривосудство, и посулы, и резоимание, и разбои, и татбы изо вся земля своея извести^V правду же и благочестие в людех насаети и возрастити. И того ради по всей области великия державы своея, по всем градом и по селом изыскав, устави разумныя люди и верныя сотники и пятдесятники на вере и к роте приведе во всех людех, яко же Моисей во израилтянех: да кийждо блюдет числа своего, аки пастырь овца своя, и разсмотрят и изыскует всякаго || зла и неправды и да обличает виноватаго пред л. 265 об. болшими судьями. И аще не престанет от злаго обычая своего, да той смерть примет о деле своем неизмолимо. И сим обычаем укрепи землю свою. Ноли есть не мощно злыя обычая, издавна застаревшая^{VI} в человедех, ис корения истребити. И бысть тогда во царьствии его великая тишина во всей земли Русьстей, укротися всяка беда и мятеж и великия разбои и хищения и татба, и не именовашеся, яко же при отце его бысть. И частое варварское пленение преста: убояшася его крепкие силы погании царие, и устрашишася меча его нечестивии короли, военачальницы нагайския мурзы усумне-^{VII},
^{VIII} [шася блещания коней его и щитов, и вострясошася и побе- л. 286

IV Заглавие печатается по списку П; то же в Ср.; Похвала царю и великому князю С; нет ОБ. V На слове извести кончается список С. VI На слове застаревшая кончается список Ср. VII На слове усумне- кончается список О (основной). VIII Текст, заключенный в прямые скобки, печатается по списку П.

гоша немцы с магистром ото искуснейших ратоборец. И сосече стремление люборатным казанцем, и смирение прекланяет выа черемиская. И стеснившаяся от супостат руския пределы на все страны разшири и продолжи их до край морских, и наполни безчисленными селенми людскими. И многи победы на супротивных постави, яко разным точию имен воеводских бояться и трепетати. И зваху его во всех странах крепким царем и непобедимым, и бояхуся погании языцы ратию приходити на Русь, слышаще же егда жива еще и страх его сведуще, яко же заточенные сыроядцы македонским царем Александром за великия горы, на край Чермнаго моря. || Колижды же прихожашу агаряне на землю нашу, но не яве, яко же при отце его и прадеде, яко во всей земле не исходяще в руских украиннах живяху, но татем прихожашу и нечто украдом похищашу и бегаху яко зверие гоними. Воеводы же московския, где убо ощутивше варвар, и на кою украину пришедших, и тамо собравшеся, прогоняху их и яко мышей давлыху и побиваху. То бо есть от века и от рожения дело варварское и ремество кормитися войною. Конец о взятии казанском.]

ЧТЕНИЯ СПИСКА О, ИСПРАВЛЕННЫЕ ПО ДРУГИМ СПИСКАМ ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ

¹ Проп. ² грозо ³ Проп. ⁴ навящеся ⁵ клонен ⁶ бояхся ⁷ убих ⁸ долго-
лествие ⁹ Астокани ¹⁰ бьет ¹¹ открытсся ¹² Проп. ¹³ заложисся ¹⁴ обе-
щася ¹⁵ знамение ¹⁶ смертными ¹⁷ ним ¹⁸ Проп. ¹⁹ Проп. ²⁰ рече ²¹ ны
²² Проп. ²³ яждея ²⁴ Проп. ²⁵ Проп. ²⁶ возмущающими ²⁷ шамах ²⁸ рукам
²⁹ воряше ³⁰ пози ³¹ изложим ³² прилагати естество ³³ отвеща ³⁴ Проп.
³⁵ Андря ³⁶ стеснея ³⁷ Проп. ³⁸ продина ³⁹ восхити ⁴⁰ златканныя ⁴¹ смети
⁴² тупии ⁴³ победильная ⁴⁴ зрим ⁴⁵ вавилскаго ⁴⁶ Проп. ⁴⁷ Проп. ⁴⁸ руга
⁴⁹ Проп. ⁵⁰ славы ⁵¹ самодержцовы ⁵² считааша.

КОММЕНТАРИИ

К стр. 44

^аРусская земля была едина, идеже ныне стоит град Казань^а. Среднее Поволжье в VII—VIII веках было заселено кочевыми и оседлыми племенами, вошедшими в состав Булгарского государства.

Автор „Казанской истории“, утверждавший, что земля волжских булгар принадлежала в прошлом Руси, стоит на широко распространенной точке зрения московских политических деятелей XV—XVI веков. Иван Грозный писал ногайскому мурзе Исмаилу: „А ведомо вам и прежним вашим всем, что казанский юрт от начала наш юрт“ (Продолжение Древней Российской вивлиофики, т. IX, стр. 63—64).

„Летописец русский“ сообщает о том, что „прежние великие князья русские от Рурика обладающе и дани емлюще по Волге и до Хвалынского моря и по Каме“ (Чтения в Обществе истории и древностей российских, М., 1895, кн. 3, стр. 32).

^бпо Батые царю^б. По словам автора „Казанской истории“, Батый был убит венгерским королем Владиславом у города Бундина. В действительности Батый умер у себя в Золотой Орде в 1256 году. Югославянское предание о смерти Батыя от руки венгерского короля автор „Казанской истории“ заимствовал из Хронографа редакции 1512 года.

^впо убиении великаго князя Георгия Всеволодича^в. Георгий Всеволодич (1187—1238) — великий князь владимирский, погиб в бою с войсками Батыя.

^гИ прият... великое княжение Рускаго царства Владимирскаго Ярослав Всеволодич^г. Ярослав Всеволодич (1190—1246) — князь новгородский, после смерти своего брата Юрия Всеволодича, погибшего в битве с Батыем, принял великое княжение во Владимире.

К стр. 46

^анаста иный царь на царство его, Саин именем^а. Саин — нарицательное имя золотоордынского хана Батыя, обозначающее „могучий“, „смелый“ (П. Рычков. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767, стр. 27—28).

Рассказ о Саине — основателе Казанского царства, помещенный в „Казанской истории“, не является отражением исторически-достоверных фактов.

Булгария была завоевана монгольскими войсками в 1229 году. Второй поход Батыя 1236 года окончательно закрепил власть Золотой Орды в Среднем Поволжье. С этого времени Булгарское государство потеряло

свою самостоятельность (Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 209).

Преемником Батые был его сын Сартак, умерший по дороге из Монголии в Золотую Орду в 1256 году. В 1257 году ханом Золотой Орды стал Берке-хан.

Связывая основание Казанского царства с именем вымышленного золотоордынского хана, автор „Казанской истории“ тем самым представил взятие Казани Иваном Грозным в 1552 году как завершение борьбы с Золотой Ордой.

К стр. 48

“И от сего царя Саина прежде зачася Казань, и словяше юрт Сайнов^а. Автор „Казанской истории“ приписывает Саину основание столицы Казанского царства — города Казани. Как показывает исследование А. П. Смирнова, „булгарские поселения на реке Казанке существовали еще в XII веке. Эта область меньше страдала от набегов и, оставаясь в стороне от них, успела укрепиться“ (А. П. Смирнов. Волжские булгары. Труды ГИМ, вып. XIX, М., 1951, стр. 73).

История возникновения Казанского ханства, изложенная автором „Казанской истории“, имеет в основе не русские письменные или устные источники, а казанские предания и легенды определенного класса: правящей верхушки из среды татар, нуждавшихся для сохранения своей власти над подчиненными и эксплуатируемыми ими народами не только в военной силе, но и в идеологическом оружии. Казанские феодалы, особенно из среды татар, создали теорию преемственности власти Золотой Орды ее наследником — Казанским ханством, основанным потомком Батые — Саином.

“На ню же первое ходи князь Юри Дмитриевич^б. Юрий Дмитриевич (1374—1432) — сын Дмитрия Донского, князь звенигородско-галицкий.

К стр. 49

“а крымскаго царя Азигирея^а. Хаджи-Гирей (Азигирей; 1429—1466) — основатель Крымского ханства.

“именем царь Улуахмет^б. Улуг-Мухаммед (Улуахмет) — хан Золотой Орды. В результате феодальной смуты 20—40-х годов XV века был изгнан из Деш-и-Кыпчака Борах-ханом. Улуг-Мухаммед нашел прибежище у литовского князя Витовта. При содействии последнего вернулся в Золотую Орду, но вскоре был снова изгнан Саид-Ахмедом. В 1438 году Улуг-Мухаммед появился в пределах Московского государства у города Белева. Василий Темный предложил ему покинуть Белевские места. Улуг-Мухаммед отказался. В битве с военным отрядом Улуг-Мухаммеда русские войска потерпели поражение (ПСРА, т. XII, стр. 24—25). В 1445 году Улуг-Мухаммед занял булгарские поселения на реке Казанке и „основал“ Казанское ханство. Умер Улуг-Мухаммед в 1445 году. Казанский престол занял его сын Мамотяк.

Рассказ „Казанской истории“ об Улуг-Мухаммеде имеет источником националистические легенды правящих классов Казанского ханства. В соответствии с представлениями татарских феодалов, автор „Казанской истории“ утверждает, что Казань и в первый раз основана золотоордынским ханом Саином и „второе же зачася от другого царя Ордынского“. Основание Казанского ханства в итоге Золотой Орды в середине XV века возводится автором „Казанской истории“ к 50-м годам

XIII века, т. е. к периоду расцвета власти золотоордынских ханов. И, таким образом, возникновение Казанского ханства под властью бежавшего из Золотой Орды Улуг-Мухаммеда и его сыновей объясняется в „Казанской истории“ как возрождение золотоордынского „стольного града“ и трактуется не как насильственный захват земли волжских булгар, а как законное обоснование татар на территории Золотой Орды. Соотнесение возникновения и расцвета Казанского ханства обосновывало, с точки зрения казанских националистов, „права“ на продолжение и в позднейшее время тех же отношений с Московским государством, в каких состояла Русь с Золотой Ордой вскоре после ее завоевания Батыем.

К стр. 50

^ана врага своего, на заяицкого князя Едегея^а. Эдигей, Идигу (Едегей) — эмир из племени мангыт, глава войска Улуса Джучи. Умер в 1419 году.

К стр. 51

^аИ посла... князя Дмитрея Галицкаго, ... оба князя тверския и рязанския^а. Сведения о воеводах белевской битвы в Никоновской летописи (ПСРА, т. XII, стр. 24).

К стр. 54

^аОни же, неразумнии, привелоша себе, призвавше от Пруския земли, от варяг, князя и самодержца и землю свою всю ему предаша^а. Речь идет о так называемом „призвании варягов“: Рюрика, Трувора и Синеуса.

К стр. 55

^аЦарь Ахмат восприим царство Златия Орды^а. Ко второй половине XV века Золотая Орда уже не обладала прежним могуществом. Терзаемая феодальными усобицами, она распалась на отдельные ханства: Крымское, Казанское, Сибирское, Астраханское и Ногайскую Орду. Отпочковавшиеся от Большой Орды ханства вели самостоятельную политику, нередко враждебную по отношению к Золотой Орде. В 60-х годах XV века ханский престол в Золотой Орде занял Ахмед-хан (Ахмат), энергично пытавшийся продолжать традиционную политику золотоордынских ханов. Он не считался с тем, что соотношение сил Руси и Великой Орды было не в пользу Орды. Москва становилась богатым и сильным государством, преодолевающим феодальную раздробленность, накапливающим силы для борьбы с внешними врагами. Московский великий князь Иван III вел умную политику, умело используя в своих целях вражду крымского хана с Золотой Ордой.

В 1480 году Ахмед-хан в союзе с польским королем Казимиром принял большой поход на Русь. Одновременно немецкие рыцари из Ливонии начали нападения на Псковскую землю. В середине лета 1480 года Ахмед-хан с большим войском подошел к реке Оке, надеясь переправиться в ее верховьях через приток Оки — реку Угрю. На переправе Ахмед-хан встретил решительное противодействие со стороны русских войск, стоявших по другую сторону реки. Русскими войсками был прегражден путь татарам и через реку и в обход у города Кременца, где стоял с войском Иван III. Ратные силы русских прикрывали дорогу на Москву из Смоленска, откуда ожидался польский король.

После ряда неудачных попыток перейти реку Ахмед-хан стал дожидаться своего союзника. Иван III также не начинал энергичных военных действий, ожидая известий о действиях крымского хана Менгли-Гирея, который, „служа московскому князю“, напал на Литовские земли — владения польского короля. „Стояние“ войск (по одну сторону реки Угры русские, по другую — татары) продолжалось до осени 1480 года. С наступлением осенних заморозков положение татар ухудшилось. В первой половине ноября Ахмед-хан поспешно отошел от реки Угры. В ногайской степи он был убит в сражении с Айбеком.

Так закончилась великая историческая битва русских с татаро-монгольскими полчищами и был положен конец татарскому господству на Руси (История Москвы, т. I. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 96—101).

В рассказе „Казанской истории“ о походе Ахмата содержится ряд достоверных данных, но наряду с этим в нем имеются элементы вымысла, выражающего тенденциозное освещение автором образа великого князя московского Ивана III — деда Ивана Грозного: поступки Ивана III рассматриваются в свете действий Ивана IV.

Рассказ „Казанской истории“ об окончательном „запустении“ Золотой Орды передает народную оценку этого крупнейшего события XV века. С историей похода на Угру Ахмед-хана связывалось представление об окончательной победе над вековым врагом, о расцвете Москвы, символизирующем расцвет Русского государства.

В прием базму парсуну лица его, и плевав на ню⁶. К. В. Базилевичем убедительно доказано, что Ахмед-хан в момент отхода с берега реки Угры написал Ивану III ярлык с требованием явиться к нему лично и выплатить огромный „выход“ (К. В. Базилевич. Ярлык Ахмед-хана Ивану III. Вестник Московского университета, 1948, № 1). Рассказ о потопании ханского указа Иваном III носит легендарный характер, отражает оценку всей деятельности московского великого князя автором „Казанской истории“.

К стр. 56

„посылает... служиваго своего царя Нурдорвлета Городецкаго, с ним же и воеводу князя Василиа Ноздреватаго Звенигородцаго“. Нур-Даулет — сын крымского хана Хаджи-Гирея. После смерти отца долгое время вел борьбу с братом Менгли-Гиреем. Потерпев поражение, вынужден был бежать на Русь. Из переписки Ивана III с Менгли-Гиреем известно, что он принимал участие в военных походах русских (В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863, стр. 127—144). К. В. Базилевич полагает, что посылка Нур-Даулета в 1480 году на улус Ахмеда „вполне отвечала действиям Ивана III“ и могла иметь место в действительности (К. В. Базилевич. Внешняя политика централизованного Русского государства во второй половине XV века. М., 1952, стр. 161—163).

В настоящее время не имеется исторических источников, подтверждающих сведения „Казанской истории“ о походе Нур-Даулета с воеводой Василием Ноздреватым в Золотую Орду во время стояния Ахмед-хана на реке Угре.

К стр. 58

„И многи грады у полскаго короля отнял, ... завладена князем Гедеманом“. Конец XV века ознаменовался объединением северно-русских земель под властью московского великого

князя Ивана III и окончательным уничтожением зависимости Руси от Золотой Орды. Главной целью внешней политики Ивана III становится присоединение белорусских и украинских земель, отторгнутых литовскими князьями (Гедимино, Ольгердом и др.). Русское население этих областей тяготело к Москве, и в конце 80-х—начале 90-х годов совершался массовый переход народа в великорусские земли. Тогда же московские военные отряды оказали активную поддержку населению, боровшемуся за присоединение к Москве. В 1494 году к Московскому государству отошли земли, расположенные в области верхнего течения реки Оки. В 1500 году началась война Московского государства с Литовским. В июне 1500 года московская рать нанесла поражение литовским войскам у реки Ведроши, был взят в плен главный литовский воевода князь Константин Острожский. В 1503 году Литва была вынуждена заключить с Москвой перемирие и признать все присоединения к Москве, сделанные в 1494 и последующих годах. К Русскому государству отошли земли, расположенные по течению рек Оки и Десны с притоками, нижнего течения реки Сожи и верхнего Днепра.

⁶посла воевод... князя Данила Холмского, князя Александра Оболенского, князя Семюна Ряполовского⁶. Автор „Казанской истории“ повторяет разряд, помещенный в Новгородской IV летописи (ПСРЛ, ч. IV, стр. 156).

⁷И встрече их казанский царь Алехам⁷. Алехам (хан Али)— казанский хан, внук Улуг-Мухаммеда, сын хана Ибрагима от первой жены Фатимы.

⁸И посади на Казани... царя Махметеминя Ибрегимовича⁸. Магоммед-Эмин (Махметин)— казанский хан, сын Ибрагима от второй жены Нур-Султан. Царствовал в Казани с 1487 по 1495 год.

⁹з братом своим Абделевитом⁹. Абдул-Латыф (Абделевит)— брат Магоммед-Эмина, казанский хан. Царствовал в Казани с 1495 по 1501 год.

К стр. 64

¹⁰И дасть им на царство царя Шигалея Шигяровича Касимовского¹⁰. Шах-Али (Шигалей)— потомок золотоордынских ханов из рода Темир-Кутлу. Отец Шигалея проживал в России и получил во владение земли на реке Оке (Городок или Касимов). В 1519 году в связи с прекращением династии Улуг-Мухаммеда встал вопрос о кандидате на казанский престол. Московская группировка в Казани поддержала кандидатуру Шигалея, и он был посажен московским правительством на „царство“. В результате ожесточенной непрекращающейся борьбы между крымской и московской группировками на казанский престол в 1521 году был приглашен крымский царевич Сагиб-Гирей, выгнавший из Казани московского ставленника Шигалея.

В 1535 году казанский престол занимал брат Шигалея—Джан-Алей. Шигалей в это время принимал участие в заговоре, направленном против московского правительства. Глухие упоминания об этом событии имеются в русских летописях: „Князь великий Василий Иванович всея Руси положил опалу свою на бывшего царя казанского Шигалея, что он правду свою порушил, учал ссылатися в Казань и в иные государства без великого князя ведома“ (ПСРЛ, т. VIII, стр. 28). Шигалей был сослан на Белоозеро. Там он провел 1533—1536 годы; в 1536 году был возвращен в Москву в связи с тем, что московскому правительству стало известно о зреющем в Казани заговоре, имевшем целью свергнуть правительство крымского ставленника хана Сафа-Гирея. Шигалей был необходим как претендент на казанский престол (ПСРЛ, т. XIII, стр. 425).

Заговор московской группировки был раскрыт, и Шигалей 10 лет провел в Касимове (с 1536 по 1546 год). В 1546 году хан Сафа-Гирей был в третий раз низложен с престола. К Казани подошли русские войска во главе с Шигалеем. В Москву было отправлено посольство „просить на царство Шигалея“. С согласия московского правительства Шигалей второй раз занял казанский престол. Через месяц изгнанный Сафа-Гирей с большим отрядом крымцев и ногайцев подошел к Казани и осадил город. Узнав об этом, Шигалей ушел из города.

В 1549 году после смерти хана Сафа-Гирея Шигалей снова становится кандидатом на казанский престол. В 1551 году после победы, одержанной в Казани московской группировкой, и высылки из пределов Казанского ханства Сююн-бике с сыном, Шигалей в третий раз был возведен московским правительством на казанский престол. Но и в третий раз он царствовал всего полгода. В декабре 1551 года казанские послы доносили в Москву: „Казанцы все хотят изменить государю, а Шигалея не любят“ (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 473).

В феврале 1551 года в Казань был послан Алексей Адашев „свести Шигалея с Казани“. После своего возвращения из Казани Шигалей жил в Касимове, принимал участие в Ливонской войне. Умер в 1567 году.

В образе Шигалея, запечатленного „Казанской историей“, нашла наиболее полное выражение политическая тенденция автора. Шигалей противопоставлен русским князьям-воеводам. В биографии его намеренно искажаются исторические факты или дополняются в определенном направлении. Шигалей в „Казанской истории“ — надежный, испытанный в трудностях помощник московского правительства, талантливый воевода, посылаемый Грозным туда, где нужен преданный и храбрый человек. В его уста автор „Казанской истории“ вкладывает обличительные речи по адресу московских князей и воевод, живущих „в велицей славе и богатстве“, нерадивых на брани, ленивых и бездельных, вспоминающих „славу свою и многое имение“. „Летописец начала царства“ дает Шигалею совершенно иную характеристику: „разумичен же царь призралише, но не храбр сый на ратех и дружине неподатлив“ (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 485).

Побуждение автора „Казанской истории“ сделать положительным образ Шигалея вытекает из его резко отрицательного отношения к русским князьям и боярам и объясняется политической обстановкой времени создания произведения, когда Иван Грозный, порвавший с советниками и друзьями 40—50-х годов XVI века, окружил себя новыми людьми, в числе которых были и татары, принимавшие участие в Ливонской войне.

К стр. 65

^аи менем Сац кирея^а. Сафа-Гирей — крымский царевич, родственник хана Менгли-Гирея. В 1521 году после переворота в Казани, совершенного феодальной аристократией, находившей поддержку у крымского правительства, Сафа-Гирей был приглашен на казанский престол. Правление Сафа-Гирея продолжалось с перерывами 21 год (1521—1530, 1535—1546, 1546—1549 годы) и характеризовалось ярко выраженной враждебностью по отношению к Русскому государству. В его царствование в Казани выдвигаются на первый план крымцы — приближенные хана. Виднейшие государственные должности в государстве занимают представители крымской группировки в Казани. Ханская гвардия Сафа-Гирея ведала всеми делами в государстве, собирает „ясак“ с населения. Правительство Сафа-Гирея не находило поддержки в широких слоях народных масс. „Казанцы меньшие“, „ведя борьбу против вельмож и крымцев“, выступают сторонниками соглашения с Русским государством^а

(И. И. Смирнов. Восточная политика Василия III. Исторические записки 1948, № 27, стр. 19).

К стр. 67

^абрань бо имеяше с полским королем... Жигиминтом^а. Сигизмунд I „Старый“ — король Польский и великий князь Литовский. Вел войну с Русским государством, которая продолжалась с перерывами с 1508 года до смерти Василия III в 1534 году.

^бВоеводам же начальни ... князь Борис Суздальский Горбатый, да Иван Лятцкий, да Хабар-Симский, да Михаил Воронцев^б. См. данные Разрядной книги (П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга. М., 1901, стр. 74—75).

К стр. 68—69

^аВоеводам же начальным имяна: князь Иван Бельский, князь Михаил Глинский сын Лвов, князь Михаил Суждальский Кислый, князь Иосиф Дорогобужский, князь Федор Оболенский Лопата, князь Иван Оболенский же Овчина, князь Михаил Кубенский^а. См. данные Разрядной книги (П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга. М., 1901, стр. 78).

К стр. 70

^амалаго градца гуляя^а. Гуляй город — древнерусское подвижное боевое сооружение, применявшееся при осаде городов. Гуляй-город имел вид многоярусной самоходной крепости, внутри которой помещалась команда, вооруженная орудиями и пищальями.

К стр. 71

^апрелестился воевода первый^а — князь Иван Дмитриевич Бельский.

^бпрошаху брата Шигалеева меньшого, царевича Геналея^б. Геналей (Джан-Алей) — касимовский хан, затем казанский хан. Царствовал в 1533—1535 годах.

К стр. 72

^ацелование великое дав княгине своей Елене^а. Елена Глинская — вторая жена великого князя Василия III, мать Ивана Грозного. Умерла в 1538 году.

К стр. 78

^апросвоитися... к заяицкому князю Исупу^а. Юсуф (Исуп) — ногайский мурза, отец казанской царицы Сююн-бике (Сумбеки). Занимал двойственную позицию в отношении к Русскому государству. После взятия Казани русскими поддерживал выступления казанских националистов против московского правительства, выдвигая на казанский престол своих сыновей. В 1554 году был убит в междоусобной войне своим братом Исмаилом.

К стр. 80

^аболшого князя Чюре Нарыковичю^а. Чюра Нарыков — казанский вельможа, активный деятель московской группировки в Казани. Казнен в 1547 году ханом Сафа-Гиреем за участие в заговоре против крымской группировки.

К стр. 83

“приказа царьство меншой царице своей Нага янинне”. Сююн-бике (Сумбека) — последняя царица Казанского царства, выданная казанцами московскому правительству и увезенная вместе с сыном Утемыш-Гиреем (Мамшикиреем) в 1551 году в Москву. Сююн-бике — дочь ногайского мурзы Юсуфа. В 1533 году выдана замуж за касимовского хана Джан-Алея (Еналей в „Казанской истории“), который в 1535 году был убит казанцами при непосредственном подстрекательстве ногайского мурзы Юсуфа. В том же году казанский престол занял крымский царевич Сафа-Гирей. Сююн-бике стала его женой. Московское правительство внимательно следило за внутренними делами в Казани, и Иван Грозный в переписке с ногайскими мурзами показывает полную осведомленность во взаимоотношениях Сююн-бике и Сафа-Гирея во время царствования последнего в Казани. Вот что писал Грозный в письме Юсуфу: „... Сафакрей крымский царевич пришел крымских людей изменоу Яналея царя убил, а дочь твою взял, и многу ея соромоту учинил, как писати непригоже“ (Продолжение Древней Российской вивлиофики, т. IX, стр. 127).

В 1546 году хан Сафа-Гирей был изгнан из Казани, а на казанский престол был приглашен хан Шигалей, брат Джан-Алея — первого мужа Сююн-бике. Шигалей был в Казани всего один месяц. Свергнутый с престола вследствие дворцового переворота, совершенного крымской группировкой, Шигалей был вынужден бежать и на престоле снова появился хан Сафа-Гирей. В 1549 году у Сююн-бике родился сын Утемыш-Гирей. И в том же году умер Сафа-Гирей. После смерти Сафа-Гирея встал вопрос о наследнике: Утемыш-Гирей был слишком мал, а в Крыму жили взрослые сыновья Сафа-Гирея. Сторонники крымской группировки в Казани послали одному из сыновей Сафа-Гирея — Булюку-Гирею приглашение на казанский престол. (Свидетельство историка Крыма Мухаммеда-Ризы в „Асееб-о-ссейяр“, см.: М. Худяков. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923, стр. 108).

Московское правительство решило воспользоваться внутридворцовой борьбой в Казани и двинуло к крепости войска. Командующим был назначен ранее уже бывший на казанском престоле незадачливый хан Шигалей. Московская группировка в Казани имела сношения с Шигалеем, крымская группировка ждала хана Булюка. Положение Сююн-бике в этот период было очень сложным: при условии победы московской группировки терялись надежды на царствование Утемыш-Гирея и устранялась крымская династия Гиреев на казанском престоле. При условии победы крымской группировки, поддерживаемой крымскими военными отрядами умершего хана, ханский престол должен был занять старший сын Сафа-Гирея.

В Москву от Юсуфа и братьев Сююн-бике посыпались письма с предложением ее в жены Шигалею. Юсуф писал: „И ныне наше прямое к тебе слово то. И наперед сего мы с вами в дружбе были. А с Шигалеевым царевым братом с Яналеем царем в свойстве учились были есмя, и над ним таков божьей суд стался. А ныне хотим с Шигалеем царем в дружбе и в свойстве быти, и дочь свою хотим за него дати“ (Продолжение Древней Российской вивлиофики, т. VIII, стр. 144).

Сююн-бике приближала к себе начальника крымских военных отрядов — улана Кошак, передала ему полномочия временщика и устранила тем кандидатуру старшего сына Сафа-Гирея. Правление Сююн-бике явилось продолжением политики Сафа-Гирея, опиравшегося на крымцев. Оно не имело поддержки среди местного населения и было непопулярным в стране. В 1551 году после бегства из Казани улана Кошак казанские феодалы прислали Ивану Грозному грамоту, в которой просили, „чтобы

государь дал бы им царя Шигалея на царство, а Утемыш-Гирея бы царя и с матерью государь взял к себе" (Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси. ПСРА, т. XIII, ч. 2, стр. 468).

В 1551 году А. Адашев привез из Москвы от Ивана Грозного согласие посадить на казанский престол хана Шигалея, а Сююн-бике с сыном вывезти в Москву. 11 августа 1551 года казанская царица была отправлена в Свияжск, а оттуда в Москву.

После взятия Казани русскими войсками Сююн-бике была выдана замуж за хана Шигалея. Брак этот был политическим шагом московского правительства. Шигалею было велено следить за Сююн-бике и снимать копии с ее писем отцу и братьям (Продолжение Древней Российской вивлиофики, т. IX, стр. 147).

В те годы, когда писалась „Казанская история“ (1564—1565), политическая роль последней казанской царицы не была значительной — она скромно доживала свой век в Касимове. В междоусобной войне ногайских князей погиб отец Сююн-бике князь Юсуф. Его брат, князь Исмаил, одержавший победу среди ногайских мурз, был сторонником союза с Москвой (А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948, стр. 20). Политические интриги Сююн-бике отошли в прошлое. Поэтому на страницах „Казанской истории“ отразился образ „прекрасной и велми премудрой“ казанской царицы, лишенный весьма существенных сторон ее исторической биографии. Автор „Казанской истории“ умалчал о закулисных политических интригах Сююн-бике. Литературный портрет Сююн-бике имеет мало общего с исторически достоверным изображением деятельности последней казанской царицы.

⁶князя Семиона Никулинскаго⁶. Семен Микулинский-Пунков — потомок тверских князей, воевода, участник казанских походов 1547, 1548, 1550, 1551, 1552 годов, ливонских походов 1558—1559 годов, наместник в городе Казани после взятия ее русскими войсками. Умер в 1562 году.

К стр. 86

^аПосылает... князя Петра Шуйскаго... князя Семиона Никулинскаго... князя Василья Оболенскаго Сребрянаго, ... князя Петра Сребренаго, ... князя Ивана Челяднина... Данила Раманова, ... Ивана Хабарова, ... Ивана Шереметева^а. См. данные Разрядной книги (П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга. М., 1901, стр. 149).

К стр. 92

^ародися от нея царевич един, именем Мамшкирей^а. Утемыш-Гирей (Мамшкирей; 1546—1566) — сын казанской царицы Сююн-бике и хана Сафа-Гирея. После взятия Казани крещен в Москве и получил имя Александр.

⁶именем Кошак⁶. Хан Кошак — крымский царевич, начальник ханской гвардии Сафа-Гирея. Временщик во время регентства Сююн-бике. В 1550 году бежал из Казани в Крым, но был пойман по дороге и увезен в Москву, где и казнен.

К стр. 112

^ацаря, именем Едегера^а. Едигер-Магомет — астраханский царевич. В 1542 году приехал в Москву на службу к Ивану IV. В 1549 году

изменил московскому государю. В конце 1551 года стал казанским царем. После падения Казани в 1552 году взят в плен и привезен в Москву. В 1553 году крещен и получил имя Симеона. Принимал участие в ливонских походах.

К стр. 114

^аяко же Елизвой ефиопский царь на омириттцкаго князя Дуонаса жидовина^а. Елизвой (Элесбоа) — негус Абиссинии, воевал против именского царя иудейского вероисповедания Зу Нуаса (Дунаса). Он предполагал пойти на город Зу Нуаса Омир. Рассказ о Елизвое помещен в Четиях-Минях (Послания Ивана Грозного. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 675).

К стр. 121

^аяко анггел божи Гедеона на царей Мадиямских^а. Гедеон — библейское имя одного из израильских судей. История Гедеона излагается в Книге Судей, гл. VI—VII.

^бяко Самоил кроткаго Давида на силнаго исполина Голияда^б. Самуил — израильский царь, помазал на царство пастуха Давида. Последний по Библии совершил подвиг в единоборстве с исполином Голиафом.

^вцаря крымскаго Девлет-Кирея^в. Девлет-Гирей — крымский хан, ставленник турецкого султана. Годы правления 1551—1577. Неоднократно предпринимал набеги на Русь. В первые годы Ливонской войны выступал в союзе с польским королем. Особенно сильные набеги на Русь были предприняты Девлет-Гиреем в 1555 и в 1571 годах. В 1572 году войска крымцев были разгромлены русскими на реке Лопане.

К стр. 123

^ауряжает полки, и много искусныя воеводы устрояет, и учиняет начальники воем, и поставляет воевод^а. „Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси“ помещает разряд войск похода под Казань 1552 года: „О воеводском разрядстве. Того же лета, мая, приговорил государь поход свой и полки велел росписати. В болшем полку боярин и воевода Иван Федорович Мстиславской, да слуга и воевода князь Михайло Иванович Воротынской; а в передовом полку боярин и воевода князь Иван Иванович Проньский да князь Дмитрий Иванович Хилков; а в правой руке боярин и воевода князь Петр Михайлович Щенятев да князь Андрей Михайлович Курбской; а в левой руке воеводы князь Дмитрий Иванович Микулинской да Дмитрий Михайлович Плещеев“ (ПСРА, т. XIII, ч. 2, стр. 482).

Данные „Древнейшей разрядной книги“ подтверждают свидетельства „Летописца начала царства...“ и дополняют сведения о воеводах, участниках казанского похода 1552 года: „А се роспись по полком с царем и великим князем у Казани, августа месяца. В болшом полку царь Шигадей, а с царем Шигалеем царевы и великого князя воеводы боярин князь Иван Федорович Мстиславской, да слуга князь Михайло Иванович Воротынской. Да в болшом же полку княж Володимир Андреевича боярин князь Юрьи Андреевич Пенинский Оболенский со княж Володимировы детми боярскими.

В передовом полку воеводы: боярин князь Иван Иванович Пронский, да Дмитрий Иванович Хилков.

В правой руке воеводы: боярин князь Петр Михайлович Щенятев, да Ондрей Михайлович Курбской.

В левой руке воеводы: князь Дмитрий Иванович Микулинской, да Дмитрий Михайлович Плещеев.

В сторожевом полку воеводы: боярин Василий Семенович Серебряной, да Семен Васильевич Шереметев.

В яртоулах были: князь Юрьи Иванович Шемякин Пронской, да князь Федор Иванович Троекуров". (П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга. М., 1901, стр. 156).

Из сравнения разрядов следует, что: 1) данные Разрядной книги и „Летописца начала царства...“ совпадают; 2) в Разрядных книгах не упомянуто об участии татар военачальников во взятии Казани; 3) на руководящих военных постах находятся русские воеводы (исключение представляет участие Шигаляея).

Приведем сведения о татарских царевичах, находившихся на службе у московского государя, и о времени их пребывания в Москве. В „Выписке о приезжавших на Москву царевичах и черкасских и ногайских мурз с 1552 по 1618 гг.“ имеются такие данные: „при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всея Руси служили: царь Семион Бекбулатович Тверской, царь Дербыш Алеев, царь Шигаляй Шигаляевич Казанской, царь Александр Сафакиреевич Казанской, ... царевич Тохтамыш, царевич Кайбула, ... царевич Бекбулак“. (Дела Тайного приказа, кн. 2, СПб., 1908, стр. 60).

Тохтамыш—крымский царевич, около 1556 года бежал из Крыма в Ногаи. Первое время он жил у ногайского мурзы Исмаила. Из письма Грозного к Исмаилу видно, что московский государь согласился взять его к себе (Продолжение Древней Российской вивлиофики, т. IX, стр. 229—230). В декабре 1556 года Тохтамыш выехал в Россию (В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863, стр. 424—428).

Дервиш-Алий (Дербышалай) выехал в Россию в исходе 1551 года и получил в 1552 году Звенигород. С тех пор он оставался в нем безвыездно. В 1554 году он был посажен Иваном IV на престол в Астрахань вместо Ямгурчей (В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., стр. 396—397).

Царевич Куйбула выехал в Россию в мае 1552 года. Иван Грозный „пожаловал дал ему город Юрьев. А женится ослобонил у Шигаляея царя: понял Шигаляеву племянницу, Аналееву цареву дочь“ (ПСРА, т. XIII, ч. 2, стр. 202).

Таким образом, недостоверность данных „Казанской истории“ о воеводах участниках взятия Казани подтверждается историческими источниками.

В те годы, когда создавалась „Казанская история“ (1564—1565), многие воеводы участники казанских походов открыто перешли в лагерь врагов Ивана Грозного, изменников родине. Начальный воевода „большого полка“ М. И. Воротынский в 1562 году за „великия изменные дела“ был выслан в ссылку на Белоозеро, где пробыл до 1566 года. Начальный воевода „передового полка“ Иван Пронский казнен в 1565 году. Начальный воевода „правой руки“ Петр Щенятев также казнен в исходе 1565 года. Второй воевода „правой руки“ А. Курбский в 1564 году бежал из Дербта к польскому королю. Начальный воевода „сторожевого полка“ Дмитрий Немого-Оболенский казнен в 1565 году. Поэтому автор „Казанской истории“ показал воевод участников казанского взятия в свете острой политической борьбы 60-х годов XVI века, в свете изменившегося отношения к ним Ивана IV.

Но автор „Казанской истории“ поместил не вымышленный разряд войск, а отразил расстановку воинских должностей за период 1562—1566 годов.

В 1562 году во время похода русских войск из Смоленска в Литовскую землю начальными воеводами были: „... в передовом полку царевич Тахтомыш... в сторожевом полку царевич Бекбулат“. (П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга. М., 1901, стр. 232).

Во время похода под Полоцк в 1562 году, в правой руке: царь Симеон Касаевич казанской. В передовом полку: царевич Бекбулат... в сторожевом полку царевич Ибак. В левой руке царевич Камбола...“ (Синбирский сборник, т. 30, М., 1845, стр. 3—4). В походе на Полоцк 1563 года участвуют Тахтомыш — в качестве воеводы „передового полка“, и Кайбула — начальным воеводой „левой руки“ (П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга, стр. 233. В „Казанской истории“ Тахтомыш — воевода „передового полка“, Кайбула — воевода „левой руки“). Такой состав начальных воевод с небольшими изменениями остается до 1566 года.

Многие из числа лиц, упоминаемых в разряде, помещенном в „Казанской истории“, как участники исторического похода под Казань в 1552 году, — видные деятели опричнины: Юрий Темкин-Ростовский, Никита Одоевский, Юрий Пронский, С. Трубецкой (Г. Н. Бибииков. К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного. Труды Гос. Исторического музея, вып. XIV, М., 1941, стр. 5—28).

В составе разряда, помещенного в „Казанской истории“, упомянуто об участии князей-воевод, разоблаченных к 60-м годам как изменников родине (Курбский, Горбатый, Щенятев, Немого-Оболенский и др.), но они играют в произведении второстепенную роль. Совсем не сказать о них автор „Казанской истории“ не мог, так как об их участии во взятии Казани было известно и из рассказов очевидцев событий, и из „Царева государева послания“ Ивана IV, в котором он характеризовал их поведение.

К стр. 126

„постави правыя руки полк, царя Шигалея, противу двоих Нагайских врат, а предовой полк — царевичев с татарами — за Булаком, против двоих же врат, Елбугиных и Кебековых, а артоульный полк за Булаком же противу Муралиевых врат, а левыя руки полк за рекою, за Казанью, противу врат Воляных, а сторожевой полк за Казанью же, за рекою, противу Царевых врат“. Автор „Казанской истории“ описывает расположение полков, осаждавших Казань, исходя из разрядов, помещенных в произведении. В действительности диспозиция русской армии во время осады Казани в 1552 году была другая (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 499).

К стр. 127

„Антиоха явленнаго, егда прииде Иерусалим пленовати“. Имеется в виду рассказ Хроники Малалы о взятии Антиохом Иерусалима. За 14 дней до взятия города в Иерусалиме было знамение: в воздухе появился „воин вооруженный и златоодежный“. Из Хроники Малалы рассказ о втором взятии Иерусалима был перенесен в русский Хронограф первой редакции, откуда вошел в „Казанскую историю“.

К стр. 167

„купци аглинския земля“. Впервые английские купцы появились в России после приезда английского капитана Ричарда Ченслера, который в августе 1553 года пристал к устью Северной Двины и был доставлен в Москву. С этого момента начинаются постоянные русско-

английские торговые сношения, достигшие наибольшего расцвета в первой половине 60-х годов XVI века, когда западные державы, недовольные активным наступлением русских войск на Ливонию, объявили блокаду Нарвы. Английская королева Елизавета не поддержала эту блокаду, а наоборот, оказывала покровительство английской „Московской компании“, ведшей торговлю с Россией.

К стр. 173

„И мнози тогда худоумнии человецы... негодоваху и роптаху на самодержца своего, яко самому ему землю свою губящу, и паче злее ратных, и не щадящу, и не брегущу людей своих“. Автор „Казанской истории“ имеет в виду поведение некоторых приближенных Ивана Грозного — членов „Избранной рады“, считавших необходимым вести оборонительную политику в отношении Казанского и Крымского ханств. В „Царевом государевом послании“ Иван IV упрекает Курбского в нежелании вести активную военную политику в отношении Казанского ханства: „... егда первое посылахом на Казаньскую землю воеводу своего, князя Семена Ивановича Микулиньского с товарищи, тако вы глаголали есте, яко мы в опале своей послали, казните их хотя, а не своего для дела“ (Послания Ивана Грозного. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 47).

К стр. 175

„Сицев бе той царь князь великий“. — Этими словами начинается последняя глава „Казанской истории“ — „Похвала царю и великому князю и всем воеводам его и воем“. Г. З. Кунцевич знал эту похвалу лишь в отрывке, считая, что она является позднейшей добавкой к произведению. Доказательство этому Кунцевич видел в том, что в предшествующей главе „Казанской истории“ имеется упоминание о въезде Ивана Грозного в Москву и „последняя глава снова говорит об этом“ (Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве. СПб., 1905, стр. 175).

Следует сказать, что из трех списков первой редакции „Казанской истории“, взятых Кунцевичем за основу для издания, только два списка (Соловецкий и Буслаевский) имеют в своем составе часть похвалы. Список Срезневского не имеет последней главы. Таким образом, Г. З. Кунцевич не имел возможности высказать окончательное мнение о похвале, так как не видел ее в полном составе.

В нашем распоряжении имеются еще два списка (F. IV. 518 и Q. 26-II) первой редакции „Казанской истории“, заканчивающихся полной похвалой, логически завершающей произведение. Второй из этих списков не имеет самого окончания похвалы из-за утери последнего листа.

Есть ли в похвале признаки, свидетельствующие о том, что она — позднейшая приписка по сравнению с основным текстом повести в ее первой редакции?

На первый взгляд имеются: во-первых, похвала начинается со слов: „Сицев бе той царь...“, где глагол быть стоит в прошедшем времени, как будто автор рассказывает о прошедших событиях; во-вторых, сообщается, что Грозного за пределами Руси называли „крепким царем и непобедимым, и бояхуся погани языцы ратию приходити на Русь, слышаше же егда жива еще и страх его сведуще“ (разрядка наша, — Г. М.) — это как будто свидетельствует о том, что автор пишет после смерти царя.

Обратимся к анализу реалий, сохранившихся в похвале и отражающих время ее составления.

Помимо событий, отраженных и в похвале и в предшествующем тексте „Казанской истории“ (судебные и военные реформы Ивана Грозного), в похвале имеются указания на факты, не описанные в самой „Казанской истории“. Мы имеем в виду сообщения об усмирении ногайских мурз, о бегстве „немцев с магистром“ и о расширении границ Русского государства „до край морских“.

Как известно, распавшиеся на враждующие между собою роды, группы большой Ногайской Орды по-разному относились к Русскому государству. Так, князь Юсуф — отец казанской царицы Сююн-бике — был активным врагом Москвы, брат его Исмаил до конца жизни оставался верным ее союзником. В междоусобной войне, в которую вмешалось московское правительство, Юсуф был убит Исмаилом, последний с 1554 года считался первым князем у ногаев; ему подчинились и его враги — дети Юсуфа. После занятия Москвой Астрахани (1557 год) начались отношения полной зависимости Ногайской Орды от Русского государства. Исмаил принял на себя обязательства помогать московскому правительству в борьбе с его противниками и соблюдать с ним мир (А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948, стр. 14). До смерти Исмаила (1564 год) Орда оставалась верной московскому государю. После смерти Исмаила его сын и наследник Тинехмат первое время продолжал политику отца. Но в конце 1566—начале 1567 года московское правительство получило сведения о приезде из Крыма посольства к Тинехмату с предложением порвать связи с Москвой. Ногайская Орда заколебалась. К концу 60-х—началу 70-х годов можно говорить о полном разрыве ногайцами дружественных связей с Москвой и объединении их с крымцами (А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в., стр. 28). В 1570 году ногаи ходили на Русь с крымским ханом Девлет-Гиреем. „Майя 24 (1570—1571 годы) приходил к Москве крымской Девлет-Кирей, с двема царевичи, и со всеми своими орды, и с кочевыми татарами и с нагаи, с большими и с меньшими“. (М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники. Исторический архив, т. VII, М.—Л., 1951, стр. 225).

Итак, до 1554 и позднее 1566 годов автор „Казанской истории“ не смог бы сказать о том, что ногайские мурзы „усмирились“. После 1566 года обстановка резко изменилась, ногайцы вошли в соглашение с Крымом и в союзе с ним они выступали против Москвы еще и в начале XVII века.

Комментируя указание автора „Казанской истории“ на бегство „немцев с магистром“ и на расширение границ Русского государства „до край морских“, мы должны установить, какой именно из этапов войны с Ливонией имел в виду автор „Казанской истории“.

Военные действия с Ливонией были открыты московским правительством в январе 1558 года и продолжались с неизменным успехом до 1564 года. В 1559 году русскими войсками был взят город Тирзен, магистр города Кетлер ушел в Дерпт, а после его взятия в Ригу. Ливония была опустошена от моря и до границ прусских и литовских. В 1560—1561 годах русскими войсками был взят г. Феллин и захвачен в плен командующий немецкими войсками Фюрстенберг. В 1563 году взят пограничный город Полоцк. К середине 60-х годов орден „Меченосцев“ вошел в соглашение с Литвой и Швецией для борьбы с Русским государством, поэтому в 1564 году московским войскам пришлось столкнуться с большими трудностями. В январе 1564 года русские войска потеряли ряд поражений

под Улоу и Оршей. На Земском Собрании 1566 года стоял вопрос о целесообразности продолжения войны в Ливонии. В 1570 году окончилась шведско-датская война, и Швеция вступила в войну с Россией. Объединение Польши и Литвы (Люблинская уния 1569 года) создало дополнительные трудности для Русского государства. Польско-литовский король вовлек в войну Турцию. В 1571 году крымский хан совместно с турецкими янычарами совершил поход на Москву и сжег московские посады. В 1578 году в поход против Русского государства выступил новый польский король Стефан Баторий. В 1581 году Баторий осадил Псков, а в это же время шведские войска под командованием Делагарди захватили Нарву, Ивангород и Ямгород. Перемирие со Швецией в 1583 году закрепило эти города за шведским правительством.

Итак, имеются основания полагать, что автор „Казанской истории“, упоминая в своем произведении о блестящих победах русских в Ливонии, имел в виду первый этап войны, когда успехи русского оружия казались прочными. К концу 60-х годов при изменившейся обстановке на фронте автор вряд ли стал бы говорить о бегстве немцев с магистром и о приобретении портовых городов, взятых к этому времени обратно. Полагать, что упоминание о победах — отражение военных успехов 70-х годов, данных не имеется. После же смерти Грозного появилась, как известно, новая редакция произведения без похвалы, о которой идет речь.

Таким образом, выясняется, что события, нашедшие отражение в „Похвале царю и великому князю и всем воеводам его и воем“, произошли не позднее 1566 года. Это дает основание считать, что похвала, заканчивающая первую редакцию „Казанской истории“, написана одновременно со всем произведением.

Композиционная необходимость похвалы в произведении обуславливается задачей автора — описать деяния Ивана Грозного, достойные того, чтобы „оставить славу великую превыше отец своих и память вечную в роды руския во веки“. Начиная рассказ о событиях времени Грозного, автор пишет: „...ныне слово мое грядет похваляя доблесть его много“ (разрядка наша, — Г. М.). Поэтому естественным завершением „Казанской истории“ явилась „похвала царю и великому князю и всем воеводам его и воем“. Похвала подводит итог деятельности Ивана Грозного на определенном этапе его жизни. Прошедшее время, употребленное в похвале, не противоречит тому, что похвала была написана при жизни героя, поскольку речь идет о событиях, уже минувших, о том, что в 1564—1566 годах было действительно прошлым.

Позднее происхождение похвалы исключается еще и потому, что после смерти Ивана Грозного появилась вторая редакция „Казанской истории“, где вторая часть произведения (начиная с главы 50), включая и похвалу, заменена другой повестью о походе под Казань. Лучшим доказательством в пользу исконной принадлежности „Казанской истории“ похвалы служит сам факт сохранения ее только в списках первой редакции, отразившей полнее всего подлинное произведение автора — историко-публицистическую повесть „Казанская история“.

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ

Условные обозначения списков „Казанской истории“,
привлеченных к настоящему изданию

- О* — Q. 26-П из собр. В. Н. Перетца, хранящийся в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР (основной).
П — F. IV. 578. Собр. Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
С — 1501/42. Собр. Соловецкого монастыря, хранящийся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
Б — Q. XVII. 209. Собр. Ф. И. Буслаева, хранящийся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
Ср — 24. 5. 9. Собр. И. И. Срезневского, хранящийся в Библиотеке Академии Наук СССР.
Н — № 174. Собр. Н. А. Никифорова, хранящийся в Государственной Публичной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

БАН — Библиотека Академии Наук СССР.

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

БЛ — Государственная Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

ГИМ — Государственный Исторический музей.

АИИ — Архив Института истории Академии Наук СССР.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Заглавный лист рукописи, собрания В. Н. Перетца Q. 26-II, л. 1 (стр. 48—49).

Географическая карта, указывающая месторасположение города Казани. Миниатюра из списка „Казанской истории“ начала XVII века (стр. 48—49).

Выступление русского войска во главе с Иваном Грозным из Москвы. Миниатюра из списка „Казанской истории“ начала XVII века (стр. 112—113).

Кольчуга русского воина времен казанского похода 1552 года (стр. 112—113).

План осады Казани русскими войсками в 1552 году (стр. 128—129).

Осада Казани русскими войсками. Миниатюра из списка „Казанской истории“ начала XVII века (стр. 128—129).

Пищали и каменные ядра, применявшиеся при обстреле Казани во время ее осады и взятия в 1552 году (стр. 144—145).

Пищали, бывшие на вооружении русских войск во время осады и взятия Казани в 1552 году (стр. 144—145).

Взятие Казани и пленение казанского хана Едигера русскими войсками в 1552 году. Миниатюра из списка „Казанской истории“ начала XVII века (стр. 160—161).

Знамя русских войск во время осады и взятия Казани в 1552 году (160—161).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Казанская история. Г. Н. Моисеева	3
Археографический обзор. Г. Н. Моисеева	17
История изучения	17
Редакции и списки	20
Издания	39

Т е к с т

Сказание вкратце от начала царства Казанского	43
Чтения списка О, исправленные по другим спискам первой редак- ции	176
Комментарии	177
Список условных обозначений и сокращений	192
Список иллюстраций	193

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский дом)
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *А. И. Соболева*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Художник *С. Н. Тарасов*
Корректоры *О. Б. Билиннис* и *Е. Б. Томсинская*

*

РИСО АН СССР № 27—56В. М.-41083. Подписано
к печати 9/VIII 1954 г. Бумага 60 × 92¹/₁₆. Бум. л. 6¹/₈.
Печ. л. 12¹/₄. Уч.-изд. л. 12.42 + 5 вкл. (0.52 уч.-изд. л.).
Тираж 3000. Зак. № 1039. Цена 9 р. 20 к.

1-я тип. Изд-ва АН СССР. Ленинград, В. О., 9 л., 12

ИСПРАВЛЕНИЕ

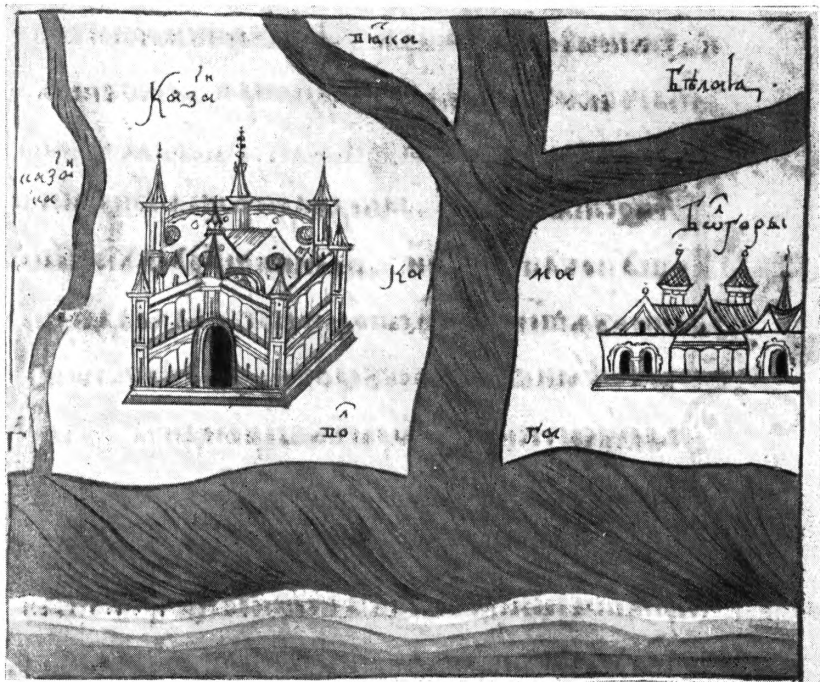
<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
178	2 снизу	в итоге Золотой Орды	в итоге распада Золотой Орды

Казанская история.

СВЯТЫЙ. ВЪЗГЛАВЛЯЮЩИЙ

Крѣпко аѹбо попи а по пѣти и
 а. Достойна иѹра зовѣти похвѣ
 о хрѣстоу и живѣти въ немъ. а по
 шде а прѣбавѣ въ каменѣ,
 землѣ и водѣ и въ вѣхъ. а по
 пѣти и въ сѣрдцѣ. а по пѣти и
 меню. а по пѣти и въ вѣхъ. а по
 вѣхъ и въ вѣхъ. а по пѣти и
 по пѣти и въ вѣхъ. а по пѣти и

Са родината болнога грѣха

Географическая карта, указывающая месторасположение города Казани.
 Миниатюра из списка „Казанской истории“ начала XVII века.
 Рукописное собрание Библиотеки Академии Наук СССР, 34.6.64, л. 6.

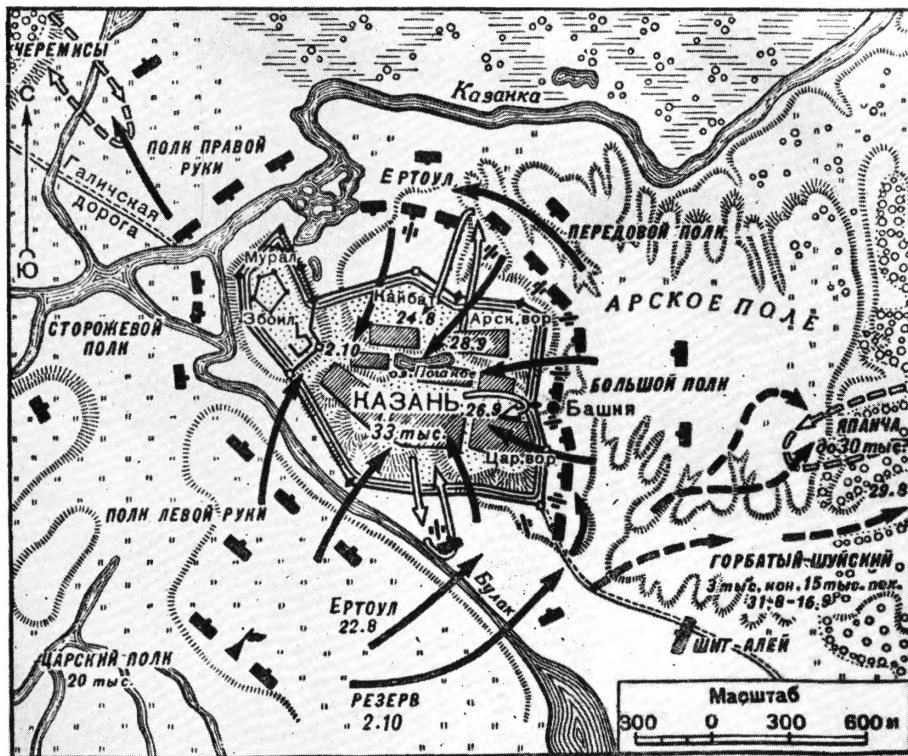
Выступление русского войска во главе с Иваном Грозным из Москвы. Миниатюра из списка „Казанской истории“ начала XVII века.

Рукописное собрание Библиотеки Академии Наук СССР,
34.6.64, л. 134.

Кольчуга русского воина времени казанского похода 1552 года.

Государственный Исторический музей. Москва

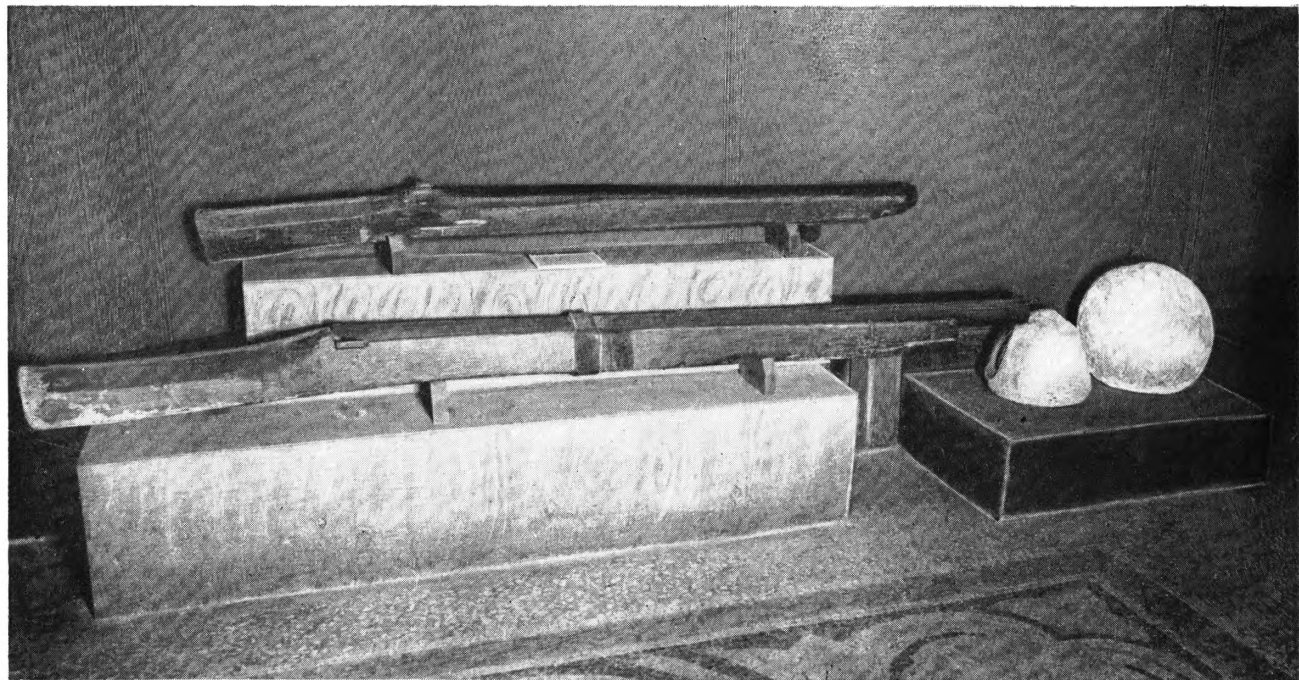
План осады Казани русскими войсками в 1552 году.

Из книги И. А. Короткова «Иван Грозный, военная деятельность»
(Воениздат, М., 1952, стр. 37).

погоси^х а^х а^х л^х а^х н^х д^х р^х а^х к^х о^х р^х и^х с^х о^х в^х и^х ч^х а^х г^х о^х р^х б^х а^х т^х о^х г^х о^х и^х н^х
 н^х б^х к^х о^х с^х к^х о^х с^х м^х н^х о^х ж^х е^х с^х т^х в^х о^х р^х а^х т^х н^хы^х . ѿ^х н^х и^х ш^х е^х д^х ш^х е^х в^х о^х
 ѣ^х в^х а^х ш^х а^х к^х а^х з^х а^х н^х с^х к^х о^х з^х е^х м^х л^х о^х д^х е^х с^х д^х н^х е^хй^х . и^х п^х о^х ж^х г^х о^х ш^х а^х
 а^х р^х с^х к^х и^х с^х е^х л^х а^х и^х д^х е^х р^х е^х в^х н^хы^х . и^х к^х р^х а^х с^х о^х т^х ѹ^х р^х т^х о^х в^х ѹ^х х^х ѹ^х п^х о^х
 г^х ѹ^х б^х и^х ш^х а^х н^х а^х к^х с^х ѹ^х с^х т^х р^х а^х н^хы^х ж^х е^х н^хы^х и^х д^х ѣ^х т^х и^хй^х п^х л^х е^х н^х и^х ш^х а^х
 т^х а^х т^х а^х ж^х е^х и^х т^х е^х р^х е^х м^х и^х с^х п^х о^х б^х и^х ш^х а^х . а^х н^х н^хы^х ж^х и^х в^хы^х п^х р^х и^х в^хе^х
 д^х о^х ш^х а^х з^х а^х и^х н^х е^х п^х р^х а^х в^х д^хх^х . и^х в^х е^х л^х и^х к^х ѹ^х и^х м^х ѣ^х н^хх^х .

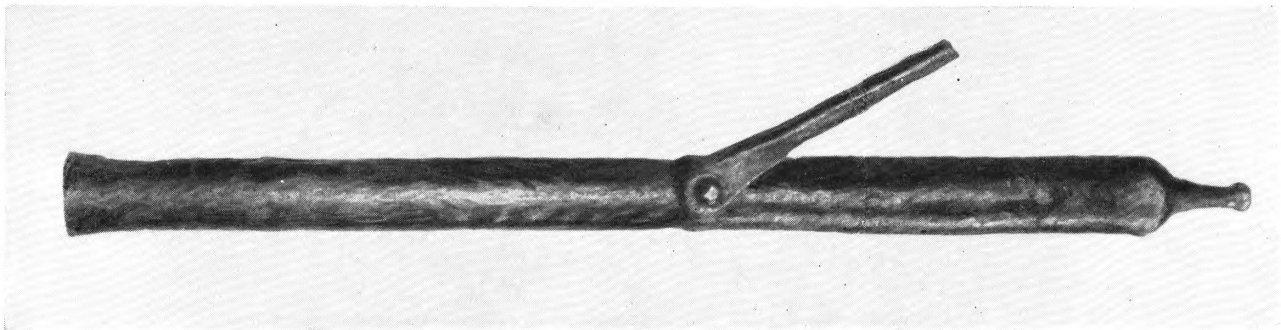
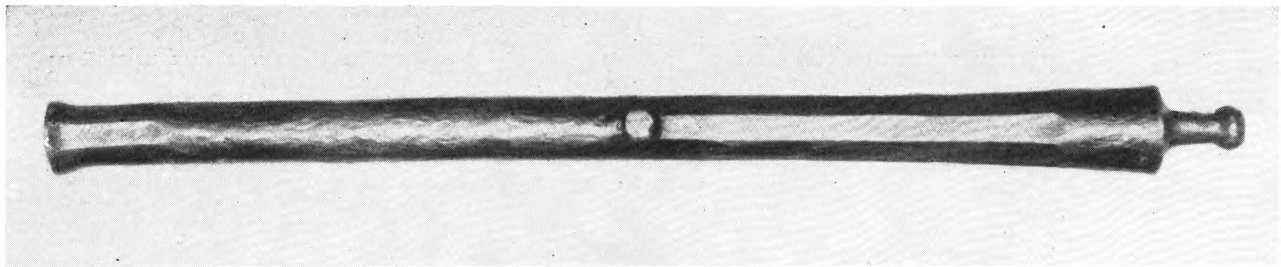

Осада Казани русскими войсками. Миниатюра из списка
 „Казанской истории“ начала XVII века.

Пищали и каменные ядра, применявшиеся при обстреле Казани во время ее осады и взятия в 1552 году.

Государственный Исторический музей. Москва.

Пищали, бывшие на вооружении русских войск во время осады и взятия Казани в 1552 году.

Исторический артиллерийский музей. Ленинград.

Взятие Казани и пленение казанского хана Едигера русскими войсками в 1552 году. Миниатюра из списка „Казанской истории“ начала XVII века.

Рукописное собрание Библиотеки Академии Наук СССР, 34.6.64, л. 177.

Знамя русских войск во время осады и взятия Казани в 1552 году.
Оружейная палата. Москва.